

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Гиреевичи не принадлежали къ древней шляхетской аристократіи. Но въ аристократіи всѣхъ народовъ есть одно общее свойство: она легко пересаживается съ одного мѣста на другое, и ее вездѣ принимаютъ съ охотою. Такъ, на примѣръ, въ Италіи есть Понятовскіе, которые считаются тамъ природными жителями, а у насъ встрѣчается много нѣмцевъ, итальянцевъ, французовъ и шведовъ, уже вполне освоившихся съ нашимъ отечествомъ и принадлежащихъ къ нашей аристократіи. Наши паны привыкли производить свой родъ не изъ отечества, а изъ за моря: многіе изъ нихъ скорѣе рѣшатся признать своимъ родоначальникомъ неаполитанскаго носильщика или нѣмецкаго бургмейстера, чѣмъ бѣднаго шляхтича или казака; почти каждый отступаетъ отъ родной земли и идетъ искать прапрадѣда въ Римѣ, Скандинавіи, Греціи, Константинополѣ, въ Истріи, Далмаціи и другихъ странахъ. Отецъ пана Юрія Гиреевича неизвѣстно какъ составилъ себѣ огромное состояніе, а сынъ его изобрѣлъ родословную, испросилъ прибавку къ своей фамиліи титула Кара-Ханъ и надъ гербомъ, изображающимъ мертвую голову и луну, прибавилъ княжескую мантию съ короною, какъ доказательство своего происхожденія отъ Гиреевъ. Онъ утверждалъ, что одинъ изъ Гиреевичей, Бурнасъ - Гирей, при набѣгѣ на Литву въ царствованіе короля Александра, имѣлъ при себѣ малолѣтняго сына. Одинъ литовскій шляхтичъ, по фамиліи Ятовтъ, отнявъ мальчика отъ отца, взялъ и увелъ

его въ плѣнъ. Въ послѣдствіи татары просили его назадъ, давая на обмѣнъ сто литовскихъ плѣнниковъ, но соглашенія почему-то не состоялось. Молодой Кара-Ханъ Гирей, заключенный въ Ковно, долго томился въ неволѣ. Наконецъ, литовскіе татары, узнавъ объ этомъ, сжалились надъ участіемъ молодого плѣнника и выпросили ему у короля свободу. Можетъ быть, Кара-Ханъ непремѣнно возвратился бы въ Крымъ, если бы не влюбился въ дочь какого-то Азулевича, татарина изъ Ваки, *) и, женившись на ней, не поселился навсегда въ Литвѣ. Въ скоромъ времени король Сигизмундъ подарилъ Бра-Хану значительныя пространства земель въ Бѣлоруссіи, обязавъ его за это исполнять службу противъ всѣхъ враговъ отечества, исключая своихъ единовѣрцевъ. Сынъ его принялъ христіанскую вѣру, и, посредствомъ женитьбы, снискавшей ему милости при дворѣ, соединился со шляхтой. Такимъ образомъ Гиреевичи сдѣлались литовцами; но что стало съ ними въ послѣдствіи, какъ они переселись въ Волинь, объ этомъ ничего неизвѣстно. Мы видимъ ихъ уже богатыми, съ короною на гербѣ, владѣльцами нѣсколькихъ тысячъ душъ и болѣе или менѣе допущенными въ высшее общество.

Графъ Юрій Кара-Ханъ Гиреевичъ былъ женатъ ни больше, ни меньше, какъ на графинѣ Виллерсъ, происходившей изъ тѣхъ именно графовъ, которыхъ такъ много уродилось у насъ въ послѣдніе годы царствованія Станислава-Августа Французы, итальянцы и нѣмцы прекрасно пользовались въ то время нашею легковѣрностію. Сперва, занимаясь торговыми оборотами и мелкою промышленностію, они составили себѣ огромное состояніе; потомъ получили разныя привиллегіи, наконецъ добыли себѣ индигенаты, подтверждавшіе ихъ древніе, будто бы иностранные титулы, и такимъ образомъ не одинъ уличный продавецъ ваксы, въ царствованіе королей изъ Саксонскаго дома, являлся на гродненскій сеймъ уже паномъ графомъ и секретно собиралъ остатки невыплаченныхъ долговъ отъ своихъ кредиторовъ. Это были странныя сѣмена молодой аристократіи, происходившія или изъ фруктовыхъ лавокъ, или отъ экономовъ и управителей, умѣвшихъ пользоваться безпорядочною жизнью обѣд-

*) Татарская колонія подъ г. Вильно.

нѣвшихъ вельможъ и разграбившихъ наслѣдіе нѣкогда знаменитыхъ гетмановъ. Толпы выскочекъ подобнаго рода, въ самое короткое время наживъ состояніе и въ этомъ занятіи довольно освоившись съ панами, не перешли въ шляхту, такъ какъ она косилась бы на нихъ, но, съ помощью титуловъ, прямо стали въ ряды аристократіи. Сперва ихъ осмѣивали и презирали; но чего не сдѣлають деньги? Во второмъ поколѣніи на нихъ стали смотрѣть уже довольно равнодушно, а въ третьемъ не было даже и помина о прежнемъ.

Домъ Гиреевичей, какъ и происхожденіе ихъ, былъ очень оригиналенъ, или, говоря по старинному, походилъ на святилище музъ и Аполлона. Самъ графъ Юрій, человѣкъ ограниченаго ума, но въ высшей степени тщеславный, былъ страстный любитель музыки, съ восторгомъ игралъ на скрипкѣ и содержалъ квартетъ; кромѣ того, гордился своей библіотекой, физическимъ кабинетомъ и множествомъ рѣдкостей, и каждый гость непременно долженъ былъ осматривать и хвалить ихъ. Никто не могъ избѣжать ревизіи всѣхъ ситковскихъ драгоценностей; а хозяинъ, всегда показывая ихъ самъ, обыкновенно говорилъ о цѣнѣ, за какую приобрѣлъ ихъ. Не умѣю объяснить, какимъ образомъ однако эта благородная любовь къ искусствамъ и наукамъ мирилась съ величайшею расчетливостью, господствовавшею въ домѣ Гиреевичей. Графиня, игравшая только на стеклянной гармоникѣ, привезенной изъ Вѣны и купленной, по словамъ графа, за сто дукатовъ, во всемъ сочувствовала мужу и отъ всего сердца помогала ему. Всегда вмѣстѣ показывали они гостямъ чудеса природы и искусства, находившіяся въ Ситковѣ; самымъ первымъ изъ чудесъ была единственная дочь хозяина, избалованная и извѣженная дѣвушка; родители въ ней души не чаяли, каждое дыханіе ея наполняло ихъ благоговѣніемъ и восторгомъ. Панна Зенобія была дѣвочка лѣтъ пятнадцати, нѣжная, слабаго сложенія, съ свѣтлыми волосами, голубыми глазками, недурная собой, но и не красавица, впрочемъ, довольно стройная и ловкая. Она знала, что будетъ имѣть огромное приданное и что многіе будутъ добиваться ея руки. Ей въ глаза превозносили ея красоту, а способность ея къ игрѣ на фортепіано считали столь необыкновенною, что даже не знали, какъ и хвалить. Весь

домъ жилъ прекрасною Зени, своею повелительницей и царицей; отецъ предъ ней благоговѣлъ, мать падала на колѣни, всѣ угождали ея фантазіямъ; а прихотей и капризовъ было у Зени очень не мало.

Жизнь въ Ситковѣ шла не слишкомъ весело, гости рѣдко туда пріѣзжали. Каждый боялся музыкальной пытки, — гармоника графини, скрипокъ графа, скромно сравнивавшего себя только съ Липинскимъ, фортепіано Зени, квартета, осмотра и описанія всѣхъ рѣдкостей, — и не рѣшался расточать безчисленныхъ похвалъ, какъ необходимую дань за визитъ свой. Къ тому же здѣсь принимали гостей съ величайшимъ радушіемъ, задерживали и не отпускали ихъ до тѣхъ поръ, пока не были осмотрѣны всѣ рѣдкости.

Вотъ въ какой домъ президентъ везъ Юліана. Всегда живя въ хорошихъ отношеніяхъ съ Гиреевичемъ, особенно съ его женою, потому что пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ вздыхалъ по ней, президентъ питалъ надежду избавиться отъ обзора, по крайней мѣрѣ, половины тамошнихъ рѣдкостей. Ситковскія палаты стояли на холмѣ и видны были очень далеко; ихъ окружали англійскій садъ и красивыя пристройки. На лицевой сторонѣ помѣщался гербъ хозяина съ безчисленными украшеніями. Начиная отъ большой дороги до самаго дома, по обѣимъ сторонамъ, стояли старинныя статуи, а на дворѣ и внутри дворца находилось безчисленное множество разныхъ рѣдкостей. Самая обыкновенная вещь почему-то становилась здѣсь рѣдкостью и должна была непременно обращать на себя вниманіе зрителя.

Гости вошли въ гостиную и никого не нашли тамъ. Принявшій ихъ слуга проворно стеръ кое-гдѣ пыль и полетѣлъ доложить пану, занятому счетами, и пани, читавшей дочери какую-то книгу. Зени была немного слаба зрѣніемъ, и мать сама читала дочери, чтобы развлекать ее, потому что Зени не могла заниматься никакою работою. Пока собирались хозяева, президентъ и Юліанъ имѣли время осмотрѣть гостиную. На первомъ мѣстѣ стояло фортепіано Плейеля въ зеленомъ чахлѣ, далѣе гармоника графини и, наконецъ, палисандровый футляръ съ Страдиваріусомъ самого хозяина. Вся мебель покрыта была чахлами. На стѣнахъ висѣло множество картинъ, но онѣ ни-

чѣмъ не отличались, и развѣ одинъ хозяинъ могъ понять и объяснить ихъ достоинство. На этажеркахъ и полкахъ стояло множество древнихъ бездѣлушекъ, раковинъ, полуразбитыхъ сосудовъ, мнимыхъ этрусскихъ вазъ, венеціанскихъ кувшиновъ, окаменѣлостей и т. п.

Въ скоромъ времени вѣщалъ самъ Гиреевичъ. Это былъ мужчина среднихъ лѣтъ, довольно красивый, съ обыкновенными чертами лица, начинавшій немного толстѣть, съ улыбающимся лицомъ, всегда нарядный и во фракѣ, съ огромною булавкою на шарфѣ и такими же перстнями на каждомъ пальцѣ. Увы! Каждый изъ этихъ перстней имѣлъ свою необыкновенно занимательную исторію. Взглянувъ на Гиреевича, тотчасъ можно было угадать въ немъ человѣка, у котораго все только на показъ; въ душу его могъ проникнуть развѣ одинъ богъ, потому что только Онъ одинъ можетъ бросить взоръ въ Бездны ничтожества. Издали графъ походилъ на фокусника итальянца или владѣльца кабинета восковыхъ фигуръ, даже рукава его фрака были засучены, какъ будто онъ сейчасъ примется за фокусы.

Вѣщавъ въ гостиную, хозяинъ встрѣтилъ гостей самую искреннюю улыбкою,—такъ давно онъ никому ничего не показывалъ!—бѣико пожалъ и потрясъ руку президента, едва не съѣлъ Юліана, такъ какъ молодой человѣкъ въ первый разъ былъ у него въ домѣ.

— Какъ я радъ дорогимъ гостямъ! — воскликнулъ онъ. Эй, человѣкъ! скажи барынѣ и Зени! Какъ я радъ, какъ я радъ!

И Гиреевичъ уже слѣдилъ за блуждающими по гостинной взорами гостей, чтобы найти поводъ начать обзоръ своихъ рѣдкостей.

Осторожный президентъ глядѣлъ только на полъ, опасаясь, впрочемъ, чтобы и на немъ не нашлось чего-нибудь стоящаго похвалы. Но Юліанъ взглянулъ на одну полку, и этого было довольно, чтобы хозяинъ, потерявъ руки, тотчасъ объяснилъ себѣ взглядъ его возбужденнымъ любопытствомъ.

— Позвольте, — началъ Гиреевичъ, — вы смотрите на тѣ сосуды, они составляютъ, можетъ быть, единственный въ нашихъ краяхъ опытъ искусства, пережитаго венеціанцами отъ грековъ. Это такъ называемыя *Vasi a ritorti*, необыкновенно

дорогія. Я имѣю слабость влюбляться во всѣ рѣдкости и уже огромныя суммы истратилъ на ихъ покупку.

— Благородное стремленіе! — насмѣшливо замѣтилъ президентъ.

— Но у насъ, — подтвердилъ Гиреевичъ, — почти никто не цѣнитъ подобной страсти, и всѣ обращаютъ ее въ смѣхъ! Принужденный жить въ деревнѣ, я окружилъ себя маленькимъ музеумомъ. *Vasi a ritorti di latticinio!* — воскликнулъ хозяинъ, не давая времени прервать себя, — очень рѣдки и дороги, не многіе кабинеты имѣютъ подобные сосуды, особенно такіе, какъ этотъ, съ фигуркою на крышкѣ... Что за работа! Или этотъ сосудъ изъ разряда *vasi fioriti mille fiori*. А вотъ эта фляжка, неправда-ли, великолѣпная? Даже за границую она большая рѣдкость. У меня хотѣли купить ее для музеума Дюссомера, но я не поддался и поддержалъ честь родины!

Юліанъ похвалилъ и обернулся въ другую сторону, но, къ несчастью, взглядъ его упалъ на стоявшіе въ углу часы. Хозяинъ усмѣхнулся.

— Настоящіе *de Boule*, высота два метра и тридцать сантиметровъ, показываютъ часы, минуты, дни, мѣсяцы и секунды, но, къ несчастью, теперь не ходятъ. Это — въ полномъ смыслѣ произведеніе искусства!

— У васъ много чудесныхъ вещей, милый хозяинъ! — съ улыбкою сказалъ президентъ.

Гиреевичъ скромно потупилъ глаза, потеръ руки и произнесъ тихимъ голосомъ:

— Прежде, чѣмъ придетъ жена, мы успѣли-бы сходить наверхъ и бросить бѣглый взглядъ на кабинетъ и бібліотеку. Не правда-ли? вѣдь мы не потеряли-бы напрасно времени?

Для выходившаго изъ терпѣнія Юліана было все равно: здѣсь или въ другомъ мѣстѣ хвалить и зѣвать. Президентъ принялъ предложеніе, и Гиреевичъ провелъ гостей черезъ двѣ комнаты, гдѣ, *pro memoria*, указалъ только на картины и бюсты съ отбитыми носами, и привелъ наверхъ.

Бібліотека помѣщалась въ полукругломъ салонѣ. Посрединѣ комнаты стоялъ столъ, заваленный рукописями и картами; тутъ былъ даже кусокъ папируса. Но вообще было замѣтно, что собиратель составилъ свой кабинетъ ради одной

фантазіи, что ояъ зналъ очень мало и не умѣлъ извлечь изъ этого собранія ни малѣйшей пользы. Рядомъ съ предметами дѣйствительно прекрасными и любопытными стояли поддѣльные и фальшивыя и неизвѣстно для какой цѣли помѣщенные здѣсь ничтожныя вещи.

— Тутъ, съ восторгомъ воскликнулъ хозяинъ, указывая на полки, — подъ этимъ бюстомъ Бетховена, заключаются первые мои сокровища — музыка! Смѣло могу похвалиться, что въ нашемъ отечествѣ нигдѣ нѣтъ подобной музыкальной библіотеки, объ этомъ пусть скажетъ вамъ Обергилль.

Обергилль былъ первый скрипачъ въ квартетѣ, директоръ музыки въ Ситковѣ и вмѣстѣ лѣсничій и бухгалтеръ.

— Начиная отъ композиторовъ духовной музыки XV вѣка до настоящаго времени, здѣсь вы найдете все. Можетъ быть, вы еще не знаете, — прибавилъ хозяинъ, обращаясь къ Юліану, — что мы здѣсь все до одного *fanatici per la musica*. Славный Карлъ Липинскій часто говаривалъ, что въ его композиціяхъ я открываю то, чего даже онъ самъ не предполагаетъ. Понимаете, что значутъ подобныя слова? Моя жена играетъ на рѣдкомъ инструментѣ — стеклянной гармоникѣ; нервныя люди млѣютъ, это въ полномъ смыслѣ музыка ангеловъ! Зени, дочь моя, всехъ, даже самого Листа превосходить въ игрѣ на фортепіано. Если-бы она не родилась миллионеркою, то сама собрала бы миллионы, какъ Женни Линдъ... какъ...

Гиреевичъ долго проговорилъ-бы о себѣ, если-бы взоры Юліана не упали случайно на оружейникъ, помѣщенный на одной полкѣ.

— Это восточныя оружія! Подлинно ужъ есть на что посмотреть! У насъ, — прибавилъ хозяинъ, всегда повторяя любимую пѣсню, — у насъ никто не видалъ ничего подобнаго, даже за границею это большая рѣдкость! Почти за все я платилъ на все золото. Это сабля Тонгъ-Конга. Посмотрите, какая богатая отдѣлка, какъ искусны въ ней рѣзныя украшенія! Далѣе бирманскій ножъ, криссъ малайскій, клеванъ яванскій, индійская сабля, канджаръ персидскій, ятаганъ алжирскій. А вотъ этотъ щитъ сдѣланъ изъ кожи единорога и окованъ золотомъ, индійское произведеніе! Подобнаго оружейника вы нигдѣ не найдете!

Невозможно было избѣжать описаній. Куда ни обращались глаза гостей, Гиреевичъ вездѣ находилъ сказать что-нибудь любопытное. Каждый шкафъ имѣлъ свою исторію, каждая книга — свое преданіе.

Въ сосѣдней комнатѣ стояла электрическая и пневматическая машины. Вольтовъ столбъ, превосходной работы гидрометры. Хозяинъ хотѣлъ было сейчасъ-же наэлектризовать голодныхъ гостей и уже протянулъ руку, чтобы позвонить Янку, служившему при машинахъ, но президентъ какъ-то отговорился отъ подобнаго угощенія.

— Электризація очень полезна для здоровья! — наивно сказалъ хозяинъ. — Это испыталъ я на самомъ себѣ. Когда я измученъ или печаленъ, или страдаю головою болью, то сажусь къ машинѣ и приказываю наэлектризовать себя: въ одно мгновеніе снимаетъ болѣзнь.

Китайскій сургучъ и японскій фарфоръ, стоявшіе въ углу, заняли немного времени; зато гости принуждены были хоть сквозь зубы выразить удивленіе при взглядѣ на бронзовую индійскую статуэтку, называемую *Вира-Бгадра-Магедеви*. Хозяинъ считалъ ее самою важною и драгоценною въ Ситковѣ древностью, приписывая ей три тысячи триста съ чѣмъ-то лѣтъ. Эта статуэтка имѣла четыре руки, корону, необыкновенное вооруженіе, а у пояса — нѣчто въ родѣ четокъ изъ чело-вѣческихъ череповъ. Хозяинъ воспользовался случаемъ, чтобы разказать гостямъ почти всю индійскую міеологію, — и тутъ кончился обзоръ, потому что слуга доложилъ, что графиня уже въ гостиной и ждетъ гостей къ чаю.

Но это было только начало!

Гости нашли хозяйку сидѣвшею на диванѣ. Президентъ подошелъ къ ней съ сладкою улыбкою прежняго обожателя, а она, покраснѣвъ, издала подала ему свою ручку и встрѣтила его очень радушно. Графиня была не слишкомъ молода; худое лицо ея хранило, впрочемъ, слѣды прежней красоты, глаза ея были прищурены и окружены густою сѣтью морщинъ; впрочемъ, вообще она не поражала ничѣмъ особеннымъ и была, похожа на всѣхъ женщинъ. Рядомъ съ нею сидѣла дочь, блондинка, похожая на куклу, съ миною избалованныхъ дѣтей, которыхъ необходимо кормить безпрестанными похвалами и угожденіемъ. Мать и дочь одѣты были черезчуръ нарядно.

Дядя представилъ Юліана дамамъ; но, несмотря на всѣ его наставленія, печальный и разстроенный Карлинскій не могъ выразить на лицѣ своемъ ни веселости, ни даже оживленія. Зени оглянула молодого человѣка съ головы до ногъ; можетъ быть, несмѣлость Юліана ей даже понравилась. Разговоръ пошелъ было обыкновеннымъ порядкомъ; но здѣсь трудно было вести его безъ помощи окружающаго старья. Хозяинъ, хозяйка и уже привыкшая къ этому Зени вскорѣ обратили разговоръ на музыку, библіотеку, музей и древности. Мать и дочь прекрасно знали всѣ эти вещи наизусть, какъ и самъ хозяинъ. Чай на короткое время остановилъ обзоры и описанія; но, пока пили его, уже составлена была программа, какъ провести остатокъ дня: прежде всего предположенъ былъ квартетъ, потомъ слѣдовалъ дуэтъ самаго хозяина съ дочерью, далѣе—игра хозяйки на гармоникѣ, въ заключеніе прекрасная Зени обѣщала сыграть Concertstück Вебера и нѣсколько пѣсень Шуберта. Если бы послѣ всего этого осталось еще нѣсколько свободнаго времени, то предполагалось посвятить его на обзоръ рѣдкостей, хранившихся въ ящикахъ.

— Повѣрьте, у насъ нашлось бы чѣмъ развлечь и занять васъ хоть на цѣлую недѣлю,—произнесъ Гиреевичъ, потирая руки.

Юліанъ почувствовалъ нетерпѣніе и досаду, а президентъ вѣжливо улыбнулся.

Слуги проворно убрали чай, потому что во время музыки должна была царствовать глубокая тишина: даже на тѣхъ, кто кашлялъ во время игры, смотрѣли здѣсь съ неудовольствіемъ. Лишь только вынесли послѣдній подносъ, вдругъ явился панъ Обергилль,—нѣмецъ, съ лицомъ длиною въ три четверти локтя и волосами, зачесанными на затылокъ, въ галстухъ à la Colin и со скрипкой подъ мышкою. Гиреевичъ представилъ его обществу, какъ воспитанника пражской консерваторіи и творца знаменитой кантаты въ честь Моцарта, публично игранный въ Вѣнѣ въ... которомъ именно году, не помню.

Панъ Обергилль раскланялся скромно и съ сознаніемъ своего достоинства. За нимъ вошли: принадлежащій къ квартету violino secundo, нѣкто Брандысевичъ, съ носомъ чрезвы-

чайню краснымъ, въ обыкновенное время домашній бухгалтеръ, а при гостяхъ музыкантъ, въ темносинемъ фракѣ; альтъ-скрипачъ, старикъ Мейеръ, бывшій членъ костельной музыки у отцовъ доминиканцевъ въ Луцкѣ, немножко хромою и чрезвычайно глухой, но съ строгою точностью игравшій свою партію, не обращая вниманія на другихъ; наконецъ, віолончелистъ Янъ Сумахъ, длинный, неуклюжій и полусогнутый мужчина: онъ прислуживалъ во время стола, никогда не игралъ соло, но, по мнѣнію Гиреевича, имѣлъ хорошее ухо и сильныя руки; послѣднее достоинство артиста было очевидно для всѣхъ, потому что въ немъ больше всего бросались въ глаза огромныя, съ растопыренными пальцами, руки. Немедленно поставили столики, раздали ноты, панъ Обергилль три раза ударилъ смычкомъ, и началась музыка. Хозяинъ считъ долгомъ своею выразительною мимикою объяснить смыслъ этой музыки гостямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ прижималъ обѣ руки къ сердцу, то вдругъ одну изъ нихъ поднималъ къ небу, мигалъ глазами, улыбался, стоялъ на одной ногѣ, моталъ головою, и, хотя самъ не игралъ въ квартетѣ, однако своею симпатіею принималъ въ немъ самое дѣятельное участіе. Музыка шла живо, такъ какъ на бездѣлицы здѣсь никто не обращалъ вниманія. Глухой Мейеръ пропустилъ два такта и нѣсколько опередилъ товарищей, но віолончель братски постаралась скрыть его ошибку. Смѣлѣе и размахистѣе всѣхъ игралъ Обергилль; самъ хозяинъ переворачивалъ ему ноты и подавалъ знаки сочувствія. Наконецъ, шумнымъ *tutti* музыка кончилась, глухой Мейеръ выѣхалъ двумя тактами дальше окончательнаго аккорда — громкія рукоплесканія были наградою скромныхъ виртуозовъ. *Tutti bravi!!*

Гиреевичъ истощался на похвалы артистамъ; но говорилъ тихо, чтобы не внушить имъ излишней гордости. Когда же артисты вышли, онъ особенно распространился въ похвалахъ віолончелисту.

— Я долженъ прятать этого человѣка, это въ полномъ смыслѣ кладъ! У меня давнымъ давно отняли бы его, заплатили бы какія угодно деньги. Къ счастью, онъ самъ не понимаетъ своего таланта и чрезвычайно скромнень.

При этихъ словахъ Гиреевичъ уже вынималъ Страдиваріуса изъ футляра и сперва показалъ его гостямъ своимъ.

— На видъ самая обыкновенная скрипка, — прибавилъ онъ, — но какой звукъ! что за пріятность, что за сила! Я купилъ ее въ Италіи. Представьте, самъ Паганини хотѣлъ пріобрѣсти ее, но я перекупилъ у него и завладѣлъ этимъ сокровищемъ. Смѣло могу сказать, что подобнаго инструмента нѣтъ въ Европѣ, слѣдовательно и въ мірѣ.

Онъ повелъ смычкомъ и бросилъ торжествующій взглядъ на всѣхъ присутствующихъ.

— А, что? Пусть кто нибудь покажетъ мнѣ подобную скрипку.

Зени сѣла за фортепіано, а Гиреевичъ, съ неподражаемою граціею ставъ передъ пюпитромъ, съ чувствомъ и вдохновеніемъ началъ играть.

Не стану описывать, какъ онъ игралъ, потому что музыку подобнаго рода оцѣнить невозможно. Скажу только, что онъ сильно старался и ломался, а гдѣ не могъ исполнить вѣрно, то умѣлъ прекрасно покрыть варіаціями собственнаго изобрѣтенія. Послѣ каждого соло онъ взглядывалъ на слушателей, какъ бы вызывая рукоплесканія.

Дочь умѣла пожертвовать собою, вторила отцу и нисколько не думала о себѣ. Потомъ слѣдовали восторги и пожатія рукъ, принятые артистомъ скромно, но съ сознаніемъ собственнаго достоинства.

— Эту композицію Липинскаго, — сказалъ Гиреевичъ, — я игралъ въ его присутствіи въ Дрезденѣ. Повѣрите-ли, онъ остолбенѣлъ. Я замѣтилъ тѣнь зависти на лицѣ знаменитаго артиста: видно — и геніи бываютъ больны ею! Наконецъ, у него вырвались достопамятныя слова: — Въ моей композиціи вы открыли прелесть, которой я и самъ не подозрѣвалъ. Въ самомъ дѣлѣ, я слыхалъ, какъ Липинскій играетъ этотъ дуэтъ. Признаюсь — разница огромная! Можетъ быть, и скрипка много значила въ этомъ случаѣ. Липинскій не могъ наглядѣться на нее.

Тщательно вытеревъ своего Страдиваріуса, хозяинъ уложилъ его въ футляръ и заперъ на ключъ, который всегда носилъ на шеѣ. По программѣ слѣдовала гармоника, но такъ какъ еще надобно было приготовить ее, то гости имѣли время проглотить испытанныя впечатлѣнія. Графиня играла съ большою претензіей, но довольно плохо; впрочемъ, прекрасные меланхолическіе

звуки и необыкновенная звучность инструмента должны были непременно понравиться всѣмъ. При этой музыкѣ Юліанъ сдѣлался еще печальнѣе, потому что она пробудила въ немъ грустное чувство.

Въ заключеніе, Зени сѣла за фортепіано; прежде чѣмъ она начала играть, родители распространились о ея талантѣ, триумфахъ и о впечатлѣніи, какое производила она на Мендельсона Бартольда и Мейербергера. Панна играла вѣрно, смѣло, отчетливо, но ни тѣни выраженія не было въ ея игрѣ; звуки дрожали, шипѣли и гудѣли, но ничего не говорили душѣ.

Юліанъ вспомнилъ игру Поли, полную искренности и чувства, не столь блестящую, но столь для него понятную и ясную.

Послѣ Eriksönig'a Шуберта, заключившаго концертъ, когда президентъ и Юліанъ благодарили артистку и выражали восторгъ, родители подошли обнять свою дочь — и мать посадила ее около себя, чтобы она отдохнула. Между тѣмъ, Гиреевичъ потихоньку рассказывалъ о дочери чрезвычайно любопытныя исторіи: какъ она училась, какъ удивляла наставниковъ, какъ собирала лавры еще въ эпоху гаммъ и экзерцицій, какія сочиняетъ теперь варіаціи и фантазіи.

Президентъ слушалъ все это съ большимъ вниманіемъ. Юліанъ видимо скучалъ: его мысль блуждала далеко; даже смѣшныя причуды здѣшняго дома не развлекали его и онъ не имѣлъ охоты наблюдать за ними. Юліанъ съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты отъѣзда въ Карлинъ; вечеръ приближался, но хозяинъ почти ничего не показалъ имъ: столько предметовъ оставалось еще для обзора! Садъ и въ немъ необыкновенный прудъ, съ тяжелыми испареніями, принимаемыми за минеральныя, два дерева, сросшіяся между собою вѣтвями, цвѣты въ оранжереѣ, теплица съ ананасами, часовня, конюшни и т. п. Президентъ, однако, не остался и далъ слово подробнѣе обозрѣть всѣ рѣдкости въ слѣдующій визитъ. Когда они выѣхали изъ Ситкова, президентъ разразился спазматическимъ хохотомъ. Юліанъ сидѣлъ точно убитый,

- Какъ? даже и они не развеселили тебя?
- Ужасно надоѣли.
- А панна?
- Можетъ стать рядомъ съ индѣйской куклой.

— Но вѣдь она хороша собою?

— Не совсѣмъ дурна.

— А милліоны?

Юліанъ ничего не сказалъ въ отвѣтъ—и путешественники, въ мрачномъ молчаніи, поздно возвратились въ Карлинь.

— Не думаю, чтобы устроилось дѣло, бормоталъ про себя президентъ.— Эти люди слишкомъ смѣшны и причудливы для Юліана; ему нужно бы родню въ другомъ родѣ; но гдѣ мы найдемъ милліоны Гиреевичей? Можно бы и поскупать немного ради денегъ.

II.

Алексѣй все болѣе и болѣе любилъ Анну и съ каждымъ днемъ становился печальнѣе. Онъ жестоко страдалъ, хоть никогда не жаловался на судьбу свою.

Это страданье начало постепенно отражаться на лицѣ, во всей фигурѣ, въ жестахъ и даже въ образѣ мыслей молодого человѣка. Алексѣй потерялъ выраженія независимости, гордости, спокойствія, веселости. Глаза у него потускнѣли, всѣ черты лица стали мрачнѣе. Онъ трудился по прежнему, но труды уже не утѣшали его и онъ не видѣлъ передъ собою цѣли. Каждый разъ, какъ онъ пріѣзжалъ въ Жербы, мать все печальнѣе и печальнѣе глядѣла на него, качала головою, замѣчала въ сынѣ развитіе какой-то загадочной болѣзни, чувствовала, что ему худо и тяжело жить въ Карлинь, иногда уговаривала его возвратиться домой, но Алексѣй печально улыбался и молчалъ. Не видя средствъ поправить дѣло, мать обратилась, наконецъ къ графу Юношѣ.

— Панъ графъ!—сказала она ему,—я имѣю къ вамъ большую просьбу: помогите мнѣ спасти моего Алексѣя. Напрасно я старалась удалить отъ Карлинскихъ; онъ не послушался меня и попалъ въ западню. Не могу понять, что съ нимъ дѣлается, но вижу, что онъ сохнетъ. Спасите меня и его, присовѣтуйте, что мнѣ дѣлать? какъ вырвать его оттуда?

Юноша покачалъ головою и отвѣчалъ:

— Теперь ужъ я не очень люблю посѣщать салоны,—тамъ будутъ смотреть на меня какъ на диво. А слѣдовало бы схо-

доть туда и собственными глазами посмотрѣть, какъ живетъ тамъ сынъ нашъ. Онъ постоянно твердить, что ему хорошо; но я знаю, какъ хорошо бываетъ бѣдняку у пановъ. Теперь вы не ждите отъ него утѣшенія: если онъ и разстанется съ Карлиномъ, то всегда будетъ тосковать о немъ. Ужь не влюбился ли онъ тамъ?

— Да въ кого?—подхватила мать.—Конечно не въ панну Анну; вѣдь онъ не сумасшедшій, чтобы осмѣлиться поднять на нее глаза свои. А если въ другую, такъ отчаяваться нечего, потому что она бѣдная дѣвушка.

— Почему знать, что тамъ происходитъ?—сказалъ Юноша.—Вы не знаете, что скрывается иногда подъ маской равнодушія и приличія, а я живалъ въ салонахъ и хорошо знаю подобныя вещи.

Старушка перекрестилась отъ страху.

— Но что могло случиться съ нимъ?—воскликнула она.—Похудѣлъ, сталъ блѣденъ и задумчивъ, вздыхаетъ, а если иногда скажешь ему, чтобы онъ оставилъ этотъ Карлинъ, такъ точно обваришь его кипяткомъ. Но съ чего же онъ сохнетъ и пропадаетъ въ этомъ раю?

— Я попробую самъ разузнать все; только не знаю, успѣю-ли.

— Благодаръ мой! сто разъ поклонюсь вамъ въ ноги,—только успокойте меня.

Долго раздумывалъ старикъ Юноша, какъ бы отправиться въ Карлинъ. Ему тяжело было явиться въ сермягѣ въ давно покинутый салонъ, а, между тѣмъ, не хотѣлось отказать Дробицкой. Графъ нѣкогда хорошо зналъ президента, пана Аѳанасія и все семейство Карлинскихъ. Правда, онъ не боялся насмѣшливаго взгляда, какой могъ встрѣтить его тамъ, но для него крайне непріятна была мысль—переступить порогъ, за которымъ ждали его непріятныя воспоминанія. Несмотря на это, считая долгомъ помочь новымъ друзьямъ, онъ прямо изъ Жербовъ отправился въ Карлинъ. Съ пасмурнымъ, но спокойнымъ лицомъ вошелъ графъ на замковый дворъ и, спросивъ квартиру Алексѣя, прямо пошелъ къ нему. Президентъ и Юліанъ стояли въ это время на балконѣ, и оба узнали графа.

— Это сумасбродный старикъ Юноша!—воскликнулъ президентъ.—Ужь не къ намъ ли онъ съ визитомъ!

— Вѣроятно, къ Дробицкому,—отвѣчалъ Юліанъ.— Но если онъ будетъ у Алексѣя, то слѣдуетъ просить его и къ намъ.

— Въ такомъ костюмѣ? —возразилъ президентъ, пожимая плечами.— Впрочемъ, онъ дальній нашъ родственникъ; его мать была изъ фамиліи Карлинскихъ, и мы обязаны принять его. Смѣшной старикъ! Пойдемъ къ нему навстрѣчу!

Они нашли графа у Алексѣя. Послѣдній былъ очень разстроенъ этимъ визитомъ и болѣе беспокоился, нежели радовался прибытію дорогого гостя. Встрѣча съ президентомъ и Юліаномъ нисколько не смутила графа; онъ только разсмѣялся и указавъ на свой армякъ и лапти, подалъ имъ жесткую руку свою.

— Что это случилось съ тобою, милый графъ? —спросилъ президентъ.— Тебя, право, не узнаешь въ этомъ маскарадномъ костюмѣ. Я слышалъ и не вѣрилъ, а теперь смотрю и думаю, что глаза обманываютъ меня.

— Нѣтъ, не обманываютъ, президентъ! Это я, *en chair et os*, тотъ же самый, что былъ прежде, съ тою только разницею, что теперь я молюсь за старые грѣхи и возродился.

— И ты называешь это возрожденіемъ?

— Да, какъ называю каждую вещь настоящимъ, ея именемъ. Наша прежняя жизнь была непрерывнымъ обманомъ, и мнѣ, наконецъ, опротивѣли поклоненіе деньгамъ, уваженіе къ выложенному лицемѣрію, потребность въ безпрестанныхъ выдумкахъ, наружная дружба и вообще вся неправда вашей жизни; вотъ почему я рѣшился насильно перемѣнить себя и сбросить съ плечъ старую оболочку.

— И въ этой тебѣ лучше?

— Гораздо лучше. Теперь я сознаю, что живу, и не скучаю.

Анна чрезвычайно удивилась, когда увидѣла въ своемъ салонѣ гостя въ армякѣ; но нѣсколько словъ, сказанныхъ графомъ, совершенно успокоили ее; подъ грубымъ костюмомъ она тотчасъ замѣтила челоуѣка высшаго образованія и происхожденія. Разговоръ сдѣлался общимъ. Юстинъ, бѣдная Поля, снѣдаемая внутреннею горячкою, президентъ и Юліанъ — всѣ принимали въ немъ участіе. Старикъ Юноша незамѣтно бросалъ взгляды на Алексѣя, стараясь понять его положеніе въ здѣшнемъ домѣ и отношеніе къ окружающимъ лицамъ. Его поразила необыкновенная красота Анны, и тайное предчувствіе сказало ему, что Алексѣй не могъ

равнодушно смотрѣть на это чудное существо. Но, несмотря на свою проницательность, старикъ не могъ замѣтить никакихъ признаковъ любви и сочувствія ни въ Алексѣѣ, ни въ Аннѣ. Въ любви къ Полѣ графъ тоже не могъ подозрѣвать Алексѣя: во-первыхъ, она очевидно была занята Юліаномъ, а во-вторыхъ, графъ хорошо зналъ понятія Алексѣя о красотѣ и прямо заключилъ, что веселая блондинка не могла понравиться Дробицкому и увлечь его. Графъ глядѣлъ, догадывался, сидѣлъ довольно долго и слѣдилъ, и наконецъ, по нѣкоторымъ взглядамъ Дробицкаго, казалось, попалъ на слѣдъ загадки.

— Ужели онъ обезумѣлъ до такой степени, — думалъ графъ, — что рѣшился пламенно влюбиться въ Анну и добровольно обречь себя на вѣчныя страданія? Ужели онъ такъ смѣшонъ, что вздумалъ тутъ мечтать о какой-нибудь надеждѣ? Значитъ — онъ совершенно не понимаетъ ни людей, ни кастовыхъ предразсудковъ. Жаль бѣднаго молодого человѣка! Надо открыть ему глаза.

Съ этою мыслью графъ переночевалъ у Алексѣя, и когда они очутились вдвоемъ, началъ заранѣе придуманный разговоръ.

— Радуюсь, что тебѣ такъ хорошо здѣсь, милый Алексѣй. — Ты живешь точно дома, тебя умѣютъ цѣнить, любить, уважаютъ, но довольно ли этого для твоего сердца?

— Развѣ я могу желать чего-нибудь больше?

— Ты не понимаешь, къ чему я говорю это, — возразилъ Юноша, закуривая трубку. — Я хорошо знаю свѣтъ. Когда наша шляхта сближается съ такъ называемыми панами, на томъ основаніи, что считаетъ себя равною имъ по своему образованію, уму и сердцу, то почти всегда дѣлаетъ тяжелую, страшную ошибку. Это заблужденіе обыкновенно продолжается до тѣхъ поръ, пока допущенный къ сообществу съ панами не выскажетъ имъ чувствъ своей братской любви, или же не попытается потребовать со стороны ихъ какой-нибудь жертвы. Бывали случаи, что аристократки влюблялись въ прекрасныхъ юношей, а панычамъ нравились хорошенькія дѣвушки незнатнаго происхожденія. Любовь на короткое время сближала обѣ стороны; но необходимо помнить, что подобная привязанность у пановъ — одна фантазія и не ведетъ къ тому, къ чему она привела бы въ другомъ сословіи. Это для нихъ маленькія за-

бавы безъ послѣдствій. Они воображаютъ, что все можно купить или за все заплатить.

— Не понимаю, къ чему клонится ваше предостереженіе, — отвѣчалъ Алексѣй. — Я знаю себя, Карлинскихъ и не принадлежу къ разряду людей, стремящихся стать выше своей сферы.

— Въ такомъ случаѣ я безъ церемоніи скажу тебѣ: ты каждый день видишь Анну и, пожалуй, готовъ подумать, что имѣешь право влюбиться въ нее.

Алексѣй печально улыбнулся.

— Я не ребенокъ, — сказалъ онъ. — Для меня Анна не по имени и происхожденію, а по сердцу и уму представляется существомъ столь высокимъ, великимъ и лучезарнымъ, что я не смѣю даже поднять на нее глазъ. Любовь къ ней была бы съ моей стороны непростительной дерзостью!

Эти слова сказаны были съ такимъ энтузіазмомъ, что пристально глядѣвшій на Алексѣя графъ многое понялъ изъ его голоса и глазъ. Пораженный глубокою печалью, онъ потушилъ сѣдую голову, сморщилъ брови и больше не говорилъ ни слова.

На другой день, съ разсвѣтомъ, старикъ отправился въ Жербы и, дорожа спокойствіемъ Дробицкой, скрылъ передъ нею замѣченную тайну и сказалъ только:

— Алексѣю хорошо въ Карлинѣ; тамъ всѣ любятъ его; больше ничего я не замѣтилъ. Маленькая Поля занята уже другимъ. Какъ молодой человѣкъ, Алексѣй, мечтаетъ, тоскуетъ и потому худѣетъ и чахнетъ. По моему мнѣнію, его слѣдовало бы стащить за ноги на землю и женить; поэзія — кушанье не питательное. Понщите-ка ему честную жену, будемъ вмѣстѣ сватать, — и я еще напьюсь на его свадьбѣ.

— О, гдѣ ужъ мнѣ искать для него жену! — отвѣчала Дробицкая. — Тутъ не будетъ никакого толка; потомъ всю жизнь мучила-бы меня совѣсть. Пускай лучше ищетъ самъ и поступаетъ какъ хочетъ; я рѣшительно отказываюсь отъ этого дѣла.

III.

Между тѣмъ, Поля продолжала играть свою тяжелую роль. Иногда она совсѣмъ теряла силы, хотѣла идти къ Юліану, на

колябняхъ просить у него прощенія и потомъ утопиться. Но вскорѣ ей приходили на мысль послѣдствія такой вспышки, скандалъ — и бѣдняжка останавливалась и возвращалась къ Юстину.

Привязанность Юстина къ Полѣ съ каждою минутою дѣлалась очевиднѣе и возлагала на дѣвушку обязанности. Она сознавала, что должна пожертвовать собою и дать бѣдному поэту счастье, которымъ манила его.

Поля съ геройствомъ приносила свою жертву, удерживала бывшее въ груди сердце, скрывала кровавыя слезы и улыбалась молодому человѣку; а послѣдній, у ногъ ея, забылъ все на свѣтѣ, даже питавшую его до сихъ поръ поэзію. Карлинскій глядѣлъ на все это съ раздраженіемъ и бѣшенствомъ. Сначала онъ насмѣхался надъ Полею, потомъ впалъ въ отчаяніе и, наконецъ, не имѣя возможности разрѣшить недоумѣніе, совершенно упалъ духомъ. Въ сердцѣ молодаго человѣка не было достаточной силы для продолжительной борьбы, ни для постоянной привязанности: поэтому первая борьба истощила Юліана, и онъ не могъ идти далѣе. Когда же молодой человѣкъ увидалъ, что Поля явно и рѣшительно покинула его, то почувствовалъ, будто огромная тяжесть спала съ его сердца. Теперь онъ могъ отдохнуть; тихая печаль вскорѣ замѣнила отчаяніе. Раздумывая самъ съ собою, Юліанъ сказалъ себѣ, что ничѣмъ не обязанъ Полѣ, что онъ болѣе страдалъ отъ своей любви и что выходить изъ этихъ отношеній чистымъ и свободнымъ. Но часто въ немъ опять возбуждалось горячее сожалѣніе о любви; воспоминаніе о Полѣ и проведенныхъ съ нею и безвозвратно улетѣвшихъ вечерахъ почти сводило его съ ума: онъ плакалъ и ропталъ. Вся эта драма, слишкомъ тяжелая для Юліана, сильно томила его.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ, такъ живо припоминавшихъ Юліану блаженные минуты, проведенныя въ бесѣдѣ сада, онъ, весь въ слезахъ, вбѣжалъ къ Дробицкому, схватилъ его за руку и, дрожа какъ листъ, вывелъ его въ садъ.

— Милый Алексѣй! — воскликнулъ онъ, — я несчастливъ, не понимаю ни себя, ни своего положенія, надѣюсь только на твою дружбу. Объясни мнѣ откровенно Полю, меня самого, наше положеніе — и скажи, что происходитъ съ нами? Я рѣшительно ничего не понимаю.

Алексѣй молчалъ.

— Заклинаю тебя Богомъ, честью, нашею дружбою,—спаси меня! Забудь—кто я, не думай—кто она, и прямо скажи, что бы ты сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ?

— Теперь все зависитъ отъ того,—любить тебя Поля или нѣтъ; необходимо разрѣшить, что такое любовь ея къ Юстину: загадочная комедія или горькая правда, которой необходимо побороться?

— А какъ ты думаешь?—спросилъ Юліанъ.

— Не смѣю сказать тебѣ своего мнѣнія.

— Если ты дѣйствительно другъ мнѣ, то говори откровенно!

— Хорошо, я ничего не буду скрывать передъ тобою,—отвѣчалъ Дробицкій.—Всѣ дѣйствія Поли представляются мнѣ загадкою. Кто знаетъ? Президентъ и полковница могли имѣть на нее вліяніе; вы худо скрывали свою тайну, всѣ знали о ней. По моему мнѣнію, Поля играетъ комедію, чтобы освободить тебя.

— И мнѣ приходила подобная мысль,—нѣсколько холоднѣе отвѣчалъ Карлинскій,—но можетъ ли это быть?.. она?..

Алексѣй пожалъ плечами.

— Очень можетъ быть.

— Что же остается мнѣ дѣлать?—спросилъ Юліанъ.

— Не спрашивай меня! ради Бога—не спрашивай! Разборъ этого вопроса сильно оскорбитъ тебя. Было время, когда тебѣ слѣдовало бѣжать отъ ней, теперь осталась одна дорога: пренебречь всѣмъ, идти съ нею въ костелъ и обвѣнчаться.

Юліанъ стоялъ точно вкопанный. Очевидно было, что онъ колебался; хотѣлъ любить, но боялся жениться.

— Въ самомъ дѣлѣ, я люблю ее,—наконецъ проговорилъ Карлинскій.—Но можемъ ли мы быть счастливы?

— Не о томъ теперь рѣчь, но ты обязанъ это сдѣлать. Съ самаго начала ты могъ оттолкнуть ее, а теперь не имѣешь на это права: она была твоя, и жизнь твоя принадлежитъ ей.

Карлинскій смѣшался.

— Знаешь ли,—боязливо произнесъ онъ,—знаешь ли, какую картину моей будущности, вѣроятно не безъ цѣли, представилъ мнѣ президентъ, если бы я женился на бѣдной?

Алексѣй пожалъ плечами и сказалъ:

— Не знаю.

Юліанъ слово въ слово повторилъ весь разговоръ свой съ президентомъ передъ поѣздкою въ Ситково.

— Слѣдовательно, у тебя нѣтъ отважности обречь себя на бѣдность? Говори откровенно, Юліанъ! Въ такомъ случаѣ сердечно жаль тебя, потому что ты погибнешь. Подумай, на чемъ основывается теперь твое счастье: на имѣніи, на деньгахъ—на одномъ изъ самыхъ непрочныхъ земныхъ благъ. И для удовольствій тѣла, для свѣтскихъ пустяковъ, ты готовъ пожертвовать своими правилами, привязанностью, любовью, блгородствомъ?

— Это довольно рѣзко сказано, — проговорилъ нѣсколько обиженный Юліанъ.

— Ты требовалъ моей откровенности, а я въ подобныхъ случаяхъ не могу и не умѣю говорить противъ собственнаго убѣжденія. Теперь говори ты; я слушаю, я душевно желаю, чтобы ты оправдался.

Юліанъ значительно охладѣлъ и сказалъ себѣ, что, несмотря на искреннюю дружбу, Алексѣй и онъ не равны другъ другу. Голосъ его обнаруживалъ обиженнаго пана, когда онъ произнесъ:

— Все это не болѣе, какъ ораторскіе приемы! Правда, я люблю Полю, но не предвижу счастья ни для нея, ни для самого себя, если мы соединимся—оба бѣдняки, отверженные родными и съ такою необузданною любовью, какъ наша...

Алексѣй печально задумался и заглядѣлся на мѣсяцъ.

— О, далеко, очень далеко улетѣло время университетскихъ прогулокъ нашихъ въ глубокой часъ ночи! Совершенно изгладились мысли, которыми дѣлились мы тогда: исчезло даже и то, о чемъ съ такимъ восторгомъ разсуждали мы при встрѣчѣ на постояломъ дворѣ! Я, кажется, все тотъ же, что былъ, но тебя измѣнило холодное прикосновенье вашего общества, тебя отравили вредныя испаренія его.

— Дорогой мой Алексѣй! не думай такъ обо мнѣ.

— О, я не обвиняю тебя! Ты бѣденъ, ты слабъ, Юліанъ! Но помни, что счастье не живетъ тамъ, гдѣ оно грезится тебѣ; даже спокойствія ты не найдешь въ богатствѣ, если ставишь его на первомъ планѣ въ ряду условій жизни.

— Но ты не понялъ меня. Я не боюсь бѣдности одинъ, но съ Полей...

— Съ нею? съ нею, которая обожаетъ тебя и готова отдать за тебя жизнь свою?

— Такъ ея отношенія къ Юстину комедія? притворство?— вдругъ спросилъ Юліанъ.

— Не знаю; но опять скажу, что столь внезапную пере-мѣну не могу иначе объяснить себѣ.

Юліанъ началъ ходить по комнатѣ и говорилъ въ задумчи-вости:

— Все это превышаетъ мои силы. Я не созданъ для борь-бы и страданій. Я хорошо знаю, что съ Полей я не могу быть счастливъ.

— Но, ради Бога, вспомни, чѣмъ ты обязанъ ей!

— Обязанъ... я?—воскликнулъ Карлинскій. — Скажи лучше— она. Я доведенъ былъ до сумашествія. Никто не устоялъ бы на моемъ мѣстѣ— она увлекла меня.

Алексѣй сжалъ руки.

— Молчи! ради Бога молчи!—вскричалъ онъ. — Ты никогда не долженъ говорить этого! Она ребенокъ, она существо, не по-нимавшее опасности; но виноватъ ты, какъ мужчина; наконецъ, сто разъ виноватъ потому, что смѣешь еще обвинять ее!

Юліанъ вспыхнулъ и сказалъ Дробицкому:

— Теперь я вижу ясно, что чѣмъ больше мы живемъ, тѣмъ меньше понимаемъ другъ друга. Ни возрастъ, ни опытъ нисколько не научили тебя: ты все еще смотришь на вещи по студенчески, горячо и свысока. Я созрѣлъ гораздо больше.

— Не хвались этимъ,—возразилъ Алексѣй. — Вѣдь ты самъ просилъ меня быть откровеннымъ и имѣлъ бы полное право прези-рать меня, если бы я далъ тебѣ другой совѣтъ и не открылъ всего сердца... Прекратимъ, однако, этотъ разговоръ.

IV.

Бываютъ минуты, когда самый обыкновенный гость намъ пріятенъ, потому что онъ служить какъ-бы громоотводомъ; всѣ надѣваются для него маски, избавляются отъ угрожающей откровенности или домашнихъ сценъ, принимаютъ на себя официальные мины, праздничныя улыбки, говорятъ и разсуждаютъ *сообразно взглядамъ гостя и весело проводятъ время.*

Въ Карлинѣ, казалось, всѣ до одного были рады нечаянно прїѣхавшему гостю. Это былъ однофамилецъ и родственникъ графа Замшанскаго, панъ Альбертъ Замшанскій, родомъ изъ Познани. Только что возвратившись изъ путешествія по Европѣ, онъ, вмѣстѣ съ дядею, объѣзжалъ теперь самые лучшіе дома въ здѣшнемъ околоткѣ.

Мы уже хорошо знаемъ графа, славнаго знатока въ сигарахъ и обожателя Лолы Монтесъ. Племянникъ не превышалъ его достоинствами, хотя въ другомъ родѣ. Что касается наружности, то нельзя было найти въ немъ ни малѣйшаго недостатка: Альбертъ одѣвался превосходно и съ большимъ вкусомъ. Средняго роста, живой и ловкій, съ темнорусыми волосами, съ усиками и бородкой, содержимыми, подобно головѣ, по всѣмъ правиламъ моды, стройный и хорошенкій собою — Альбертъ, при первомъ взглядѣ, долженъ былъ всѣмъ нравиться.

Съ перваго разу, Альбертъ озадачивалъ всѣхъ необыкновеннымъ знаніемъ свѣта и людей, ученостью, остроуміемъ, смѣлостью взглядовъ и умственнымъ превосходствомъ. Первое, производимое имъ впечатлѣніе, всегда говорило въ его пользу. Но даже для самаго равнодушнаго наблюдателя довольно было двухъ дней знакомства съ этимъ человѣкомъ, чтобы замѣтить фальшивый блескъ его. Альбертъ Замшанскій, въ самомъ дѣлѣ одаренный талантами и быстротою пониманія, весь былъ, такъ сказать, напоказъ, и самая лучшая сторона его блистала только свѣту; но подъ этою вывѣскою, внутри, заключалась одна пустота. Считаю лишнимъ говорить, что, учившись дома катихизису, въ университетѣ — философіи, а въ свѣтѣ — атеизму, Альбертъ не имѣлъ ни постоянныхъ правилъ, ни точки, съ которой бы онъ неизмѣнно глядѣлъ на свѣтъ. Онъ ничего не зналъ основательно, ничего не любилъ, ничѣмъ не занимался, заглушилъ въ себѣ голосъ сердца и сдѣлался истиннымъ сыномъ XIX столѣтія, прежде всего думающимъ о comfortѣ, потомъ уже о доброй славѣ и, наконецъ, и то очень рѣдко, о чистотѣ совѣсти и внутреннемъ спокойствіи.

Единственнымъ нравственнымъ правиломъ Альберта было для собственной пользы избѣгать всего, что могло подвергнуть его отвѣтственности передъ законами или передъ общественнымъ мнѣніемъ. Альбертъ не былъ развратенъ, но только вслѣдствіе пред-

варительнаго соображенія, что излишество во всякомъ отношеніи вредно; онъ даже не былъ страстенъ, но, какъ хорошій актеръ, умѣлъ представиться и поэтомъ, и страстнымъ человѣкомъ, и даже въ высшей степени религіознымъ. Холодный, какъ ледъ, веселый, какъ птичка, вѣжливый, привѣтливый, умѣя во всѣхъ случаяхъ выказать себя съ самой блистательной стороны, Альбертъ всѣхъ очаровывалъ и привлекалъ къ себѣ, и стоустая молва вездѣ прокричала о немъ, какъ о рѣдкости, феноменѣ, воплощенномъ совершенствѣ.

Надобно прибавить, что Альбертъ былъ членъ семейства, состоящаго изъ шести человѣкъ, проживавшаго въ прекрасной деревнѣ, но бѣднаго. Но онъ такъ искусно игралъ роль богача, такъ хорошо умѣлъ вести знакомство съ Сулковскими, Дзялыньскими и другими аристократами, что никто не смѣлъ даже подумать, что состояніе молодаго человѣка довольно ограниченное. Между тѣмъ, существенною причиною его пріѣзда къ роднымъ была потребность узнать о состояніи дяди графа — и освѣдомиться: нельзя ли надѣяться получить что нибудь отъ него и, кто знаетъ? — можетъ быть, онъ имѣлъ еще въ виду жениться на богатой.

Гость произвелъ въ Карлинѣ огромное, могущественное, неотразимое впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, онъ говорилъ по французски, какъ природный французъ, по-нѣмецки, какъ швабъ, по англійски — точно Джонъ Буль; притомъ еще онъ возвращался со скачекъ прямо изъ Эпсому и Шантильи, слышалъ Рашель, мадамъ Віардо, Жени Линдъ, Крузелли, лично зналъ Дюма и Ламартина, былъ *du dernier mîeux* съ Понятовскими во Флоренціи, съ аристократіею всей Европы, съ журналистами и т. п., всѣхъ называлъ по имени, танцевалъ на вечерахъ у принцессы Матильды, былъ одинъ изъ любимцевъ Бонапарта и, какъ нельзя лучше, принять при Саксонскомъ дворѣ, нѣсколько разъ представлялся королю, и такъ далѣе.

Юліанъ и президентъ живо почувствовали, какого знаменитаго человѣка они принимаютъ въ своемъ домѣ. А такъ какъ Альбертъ сразу поставилъ себя на степень короткой дружбы и довѣрчивости съ ними, то они не могли нарадоваться чести знакомства съ такимъ рѣдкимъ и достойнымъ гостемъ, положительно знавшимъ, какого цвѣта ложи въ Парижской оперѣ, съ которой стороны входъ въ «Jardin d'Hiver», и какъ называются ло-

шади, выигравшія послѣдніе призы. Даже президентъ съ этихъ поръ началъ предполагать, что графскій титулъ Замшанскихъ принадлежитъ имъ по праву. Однимъ словомъ, Альбертъ очаровалъ всѣхъ. Но удивительнѣе всего то, что Анна, святая Анна также поддалась обаянію прекраснаго юноши, бросавшаго на нее самыя чувствительныя, меланхолическіе взгляды.

Алексѣй, привыкшій видѣть Анну всегда холодною, важною, былъ глубоко пораженъ, когда на другой день замѣтилъ, что и она находится подъ вліяніемъ Альберта, занимается имъ, наряжается для него и смотритъ на молодаго человѣка такъ, какъ еще ни на кого не смотрѣла.

Что же было причиною такого переворота? Это неразъяснимая загадка. На каждомъ шагѣ мы встрѣчаемъ непонятныя симпатіи; величайшіе умы снисходятъ къ самымъ обыкновеннымъ, чистѣйшія сердца чувствуютъ влеченіе къ самымъ развращеннымъ. Разумъ напрасно усиливается противодѣйствовать этому влеченію и, въ подобныхъ случаяхъ, служить лишь печальнымъ свидѣтелемъ нашего паденія.

Въ свою очередь и Альберту все понравилось въ Карлинѣ: онъ съ восторгомъ говорилъ объ аристократическомъ замкѣ, наминавшемъ счастливыя времена феодализма, о здѣшнихъ садахъ, о семействѣ, о всѣхъ вмѣстѣ и каждомъ порознь, и охотно остался здѣсь на нѣсколько дней.

Хорошій тонъ и тонкій вкусъ гостя, очаровавшіе всѣхъ, не произвели только ни малѣйшаго впечатлѣнія на Алексѣя. Онъ въ каждомъ человѣкѣ искалъ, такъ сказать, фундамента; но здѣсь онъ не имѣлъ возможности докопаться до него. Сколько разъ онъ ни покушался завязать серьезный разговоръ, Замшанскій всегда отдѣлывался отъ него то шутками, то общими мѣстами, то внезапнымъ оборотомъ разговора, хоть очень ловкимъ, но явно уклонявшимся отъ главнаго предмета.

Черезъ два дня Замшанскіе уѣхали, давъ слово опять навѣстить Карлинъ. По отѣздѣ гостей, еще долго раздавались въ стѣнахъ замка похвалы молодому человѣку; только Поля, Алексѣй и Юстинъ ни слова не говорили о немъ. Анна обратила вниманіе на безпокойное молчаніе Дробицкаго и сама спросила его объ Альбертѣ.

— Ну, скажите откровенно, какъ онъ понравился вамъ? Что

касается меня, то не скрываю, что я еще не видала подобного ему человѣка.

— Не смѣю противорѣчить вамъ,—отвѣчалъ Алексѣй.

— Мнѣ кажется, что даже зависть ничего не найдетъ сказать противъ него: какія манеры, какой милый характеръ, какой образованный умъ, какъ онъ ученъ и вмѣстѣ скромнѣе! Какъ хорошо знаетъ жизнь! Однимъ словомъ: въ этомъ человѣкѣ сосредоточены почти всѣ прекрасныя свойства.

Алексѣй только вздохнулъ и прошепталъ:

— Счастливецъ!

— Мнѣ особенно для Юліана хотѣлось бы, чтобы онъ скорее познакомился съ нашимъ домомъ,—прибавила Анна, понизивъ голосъ.—Я увѣрена, что онъ произвелъ бы самое благотворное вліяніе на моего брата.

— Не знаю... можетъ быть,—проговорилъ Алексѣй.

— Кажется, вы предубѣждены противъ него?

— Я? нисколько; но я не раздѣляю вашего общаго восторга; онъ ловокъ, милъ, вѣжливъ—и больше ничего.

— Такъ ученъ—и такъ свободно смотритъ на вещи, такъ наблюдателенъ и опытенъ!

Алексѣй замолчалъ, но въ эту минуту, какъ бы для выручки его изъ непріятнаго положенія, подошелъ къ нимъ Юліанъ и, угадавъ предметъ разговора, воскликнулъ:

— Вѣрно вы спорите насчетъ Альберта? Алексѣю онъ не понравился.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ Дробицкій.—Можетъ быть, я только не понялъ его.

— Рѣдкій человѣкъ! Съ какою силой воли и характеромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какой нѣжный и снисходительный; умъ поэтическій и вмѣстѣ практическій, все есть въ немъ.

— Признаюсь,—отозвался подошедшій президентъ,—я смотрю на него, какъ на торжество современнаго воспитанія. Это человѣкъ въ полномъ смыслѣ свѣжій, съ благороднымъ сердцемъ и свѣтлою головою! Ему предстоитъ блестящая будущность.

При такихъ единогласныхъ похвалахъ, Алексѣю ничего не оставалось дѣлать, какъ потупить голову и замолчать. Онъ улыбнулся и не говорилъ уже ни слова. При видѣ этого, Анна почувствовала явное неудовольствіе; но, не сумѣвъ понять взгля-

довъ Алексѣя на жизнь, назвала ихъ только несправедливымъ предубѣжденіемъ.

Отъѣхавъ немного отъ Карлина, старикъ Петръ Замшанскій—любовникъ Лолы и молодой Альбертъ взглянули другъ на друга.

— Ты покорилъ тамъ всѣхъ,—сказалъ знатокъ въ сигарахъ.—Ноздравляю тебя.

— Это домъ очень милый, хотя на немъ лежитъ ржавчина деревни,—отвѣчалъ Альбертъ.—Но панна Анна—рѣдкая красавица!

— И, вдобавокъ, добра и свята, какъ ангелъ!—подтвердилъ дядя.

— А каково ихъ финансовое положеніе?—спросилъ молодой человѣкъ.

— О! я могу тебѣ это объяснить,—отвѣчалъ дядя, закуривая новую сигару,—самымъ подробнѣйшимъ образомъ: по имени и родственнымъ связямъ Карлинскіе стоятъ очень высоко... Имѣнье ихъ немного разстроено, но все еще отличное. Во всякомъ случаѣ, они получаютъ изъ отцовскаго имѣнья по нѣскольку сотъ тысячъ; къ тому-же панъ президентъ и панъ Аѳанасій бездѣтны. Слѣдовательно, панна можетъ принести за собой приданого слинкомъ полмилліона.

— Прекрасная партія.

— Для тебя, въ самомъ дѣлѣ, она очень приличная. Почему бы тебѣ не постараться?—отозвался старикъ, очень желавшій породниться съ Карлинскими.

— Да я бы готовъ, если бы только была надежда.

— Судя по первому приему, я почти не сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Анна холодна, какъ ледъ, но ты и ей умѣлъ понравиться. Теперь остается только половчѣе обойтись съ президентомъ, потому что онъ прозаически смотритъ на вещи и не позволить отуманить себя, да еще понравиться пану Аѳанасію—аристократу во Христѣ.

— О, мы найдемъ для нихъ средство!

— Прочія лица ничего тутъ не значать.

Альбертъ задумался и, спустя минуту, сказалъ:

— Вѣдь черезъ два дня мы опять поѣдемъ къ нимъ—не правда ли?

— Да, мы дали слово. Но сегодня побываемъ еще у Гирее-

вичей, — тутъ чистаганомъ два милліона и панна недурна собою. Правда, старики — смѣшные люди, но они имѣють чѣмъ запла- тить за это.

Альбертъ весело разсмѣялся и произнесъ:

— Надо посмотрѣть и этихъ *ичей*! Поѣдемъ въ Ситково.

У.

Въ теченіе двухъ слѣдующихъ недѣль безъ ума влюбленный Юстинъ два раза ходилъ пѣшкомъ въ Шуру и возвращался въ Карлинъ. Онъ прямо признался своему опекуну, что страстно полюбилъ Полю; старикъ, повидимому, нисколько не удивился этому, даже не противорѣчилъ молодому человѣку.

— Рано или поздно, а я ожидалъ этого, — сказалъ онъ поэту. — Радуюсь, что ты, по крайней мѣрѣ, влюбился не въ простую крестьянскую дѣвочку; признаюсь, я боялся этого. Теперь слушай меня! Испытай, какъ можно строже, свое сердце; вѣдь ты поэтъ и чувствуешь горячо; слѣдовательно, легко можешь ошибиться.

Нѣтъ, — отозвался Поддубинецъ, — я люблю ее выше всего на свѣтѣ и умоляю не отказывать намъ въ своемъ благословеніи. Безъ вашего согласія я не осмѣлюсь подойти къ ней съ пред- ложеніемъ раздѣлить мою участь.

Старикъ молча прижалъ голову Юстина къ сердцу и произнесъ:

— Благословляю тебя и вмѣстѣ заклинаю: не ищи счастья тамъ, гдѣ нѣтъ его, не надѣйся и не желай его. Благословляю тебя на страданія, потому что иначе не умѣю благословлять. Дай Богъ тебѣ вкусить кашлю сладости изъ чаши, которую берешь въ руки, а все прочее да усладятъ тебѣ поэзія, восторги — свя- щенная страсть людей, любящихъ дѣло рукъ Создателя и умѣю- щихъ смотрѣть на него сердцемъ и очами. Но, безразсудное дитя! — прибавилъ старецъ, — прежде, чѣмъ навѣки соединишь ты свою судьбу съ женщиною, подумаль ли ты, куда приведешь ее, чѣмъ будешь кормить и чѣмъ обеспечишь ея будущность?

Казалось, Поддубинецъ былъ наивно изумленъ такимъ вопро- сомъ и отвѣчалъ:

— Я никогда не заботился о подобныхъ вещахъ, да намъ немного нужно. Вы дадите намъ клочокъ земли подъ хату, мы

будемъ сѣять, собирать, и Богъ благословить труды наши. Я самъ изберу себѣ жилище на берегу рѣки, среди старыхъ дубовъ, самъ буду смотрѣть за постройкою, вы также поможете мнѣ.

— Дальше, дальше, говори, какъ ты предполагаешь жить?— съ возрастающимъ любопытствомъ восклицалъ панъ Аѳанасій.

— Не знаю, нужно ли намъ что-нибудь больше сказаннаго? Нѣсколько коровъ, овецъ и пастушковъ; нѣсколько земледѣльческихъ орудій и простыхъ домашнихъ принадлежностей, а, главное дѣло, лѣсная тишина и запахъ цвѣтовъ, журчащая вода и зелень.

— И ты жить бы такъ по крестьянски... а она?

— Надѣюсь, она даже не замѣтитъ того, что будетъ окружать ее, если любить такъ-же пламенно, какъ я.

— Какъ безпокоишь ты меня, милое дитя! Вѣдь ты совершенно не понимаешь жизни.

— Великую, общую жизнь я прекрасно понимаю, но мелочей ея, можетъ быть, еще не знаю, да и никогда не буду знать ихъ!

— Благодарю Бога, что Онъ далъ тебѣ во мнѣ покровителя; ты пропалъ бы, совершенно пропалъ! Да, въ твой рай нужна еще другая Ева, чтобы она за двоихъ васъ думала о насущномъ хлѣбѣ. Но не бойся. Уже давно я предназначилъ тебѣ Горы: тамъ есть домикъ, садъ, рѣчка—и у васъ не будетъ недостатка въ хлѣбѣ.

Юстинъ не понялъ словъ своего благодѣтеля.

— Эта деревня—твоя!—прибавилъ панъ Аѳанасій.

— А на что мнѣ деревня?—спросилъ Юстинъ,—и какъ вы можете дать ее мнѣ?

— Не спрашивай, не благодари и не отговаривайся. Въ Горахъ я приготовилъ для тебя жилище; тамъ будетъ лучше, нежели въ хижинѣ среди лѣса, гдѣ ты умеръ бы съ голода. Остальное устроить Богъ; я сдѣлалъ то, что было въ моихъ силахъ. Теперь дѣйствуй по внушенію сердца, и благословеніе Всевышняго да будетъ надъ тобою.

Панъ Аѳанасій отвернулся, взялъ соломенную шляпу, палку, книгу и пошелъ въ садъ, избѣгая благодарности изумленнаго питомца.

Юстинъ полетѣлъ въ Карлинъ, и хотя не понималъ вполнѣ важности подарка, но радъ былъ ему для Поли. Теперь свѣтъ представлялся поэту прекраснѣе прежняго, жизнь привлекатель-

нѣе, будущность свѣтлѣе. Мысль благодарственнымъ гимномъ выливалась изъ груди его: онъ свивалъ гнѣздо своему счастью, лелѣялъ мечту, плакалъ и вмѣстѣ смѣялся.

Но почему, при видѣ восторженного поэта, на лицѣ Поли отразились не радость, а ужасъ и блѣдность? Волненіе ли такъ глубоко проникло ее, или ангель-хранитель повѣялъ на нее предчувствіемъ?

Юстинъ подбѣжалъ къ дѣвушкѣ, пожалъ ея руку и одну минуту молча стоялъ передъ нею.

— Знаете, панна,—сказалъ онъ,—съ чѣмъ я пришелъ сюда?

— Не знаю,—отвѣчала бѣдная дѣвушка.

— Съ просьбою!.. Намъ здѣсь худо, тѣсно, грустно, слишкомъ много глазъ смотрятъ на насъ, слишкомъ много свидѣтелей нашего счастья. Дайте вашу руку—и уйдемъ отсюда.

— Куда?

— О, не бойтесь: намъ есть куда уйти!—отвѣчалъ Юстинъ торжествующимъ тономъ.—Во-первыхъ, въ Шуру, чтобы старикъ—святой отецъ благословилъ насъ, потомъ въ Горы; эта деревня моя. Тамъ есть домикъ, тѣнь, рѣка, тишина... все!

Поля печально улыбнулась и воскликнула;

— Такъ ты, въ самомъ дѣлѣ, хочешь раздѣлить отравленную и облитую слезами жизнь мою?

Съ какою-то лихорадочною отвагою она поднялась съ мѣста, подала поэту руку и повела его въ садъ, нарочно или случайно, въ то самое мѣсто, гдѣ она испытала столько счастья съ Юліаномъ.

Юстинъ съ безпокойствомъ глядѣлъ на сироту и видѣлъ, что на лицѣ ея отразилась жестокая внутренняя борьба.

— Теперь откровенно поговоримъ о будущемъ,—начала Поля.

— Нѣтъ, я не умѣю говорить въ то время, когда глубоко чувствую,—отвѣчалъ поэтъ, протянувъ къ ней руку.— Вотъ моя рука и вмѣстѣ клятва, что до гроба не оставляю тебя.

— Сперва послушай,—перебила Поля дрожащимъ голосомъ.— Та, кому ты отдаешь руку и сердце, недостойна тебя. Знаешь-ли ты ея прошедшее? Извѣдалъ-ли ты ея сердце?

— Прошедшее не принадлежитъ мнѣ, но сердце мое; не правда-ли?

— О, наконецъ, надо открыть тебѣ всю правду, бѣдное ди-

тя!—воскликнула сирота, заливаясь слезами.—Хотя это признаніе стоитъ мнѣ слишкомъ дорого, но я ничего не буду скрывать передъ тобою! Не хочу, чтобы ты былъ невинною жертвою чужихъ заблужденій. Я любила и люблю другого, принадлежу другому—и ничего не могу дать тебѣ, кромѣ холодной руки, остывшаго сердца, мысли, прикованной къ здѣшнимъ мѣстамъ, слезъ и угрызений.

Юстинъ поблѣднѣлъ и задрожалъ.

— Я обманывала тебя, продолжала дѣвушка, — ты былъ жертвою, какъ и я сама. Надо было оттолкнуть того, кого я любила, возбудить въ немъ презрѣніе ко мнѣ и, успокоивъ его этимъ презрѣніемъ, навсегда удалить отъ себя. Я притворялась влюбленною въ тебя...

Молодой человѣкъ грозно взглянулъ на Полю и воскликнулъ:

— Есть-ли въ тебѣ сердце?

Но гнѣвъ его тотчасъ смягчился при видѣ покорнаго и умоляющаго взгляда дѣвушки.

— Что-же я сдѣлалъ тебѣ? О, ты жестоко наказала меня за то, что я смѣлъ поднять на тебя глаза мои!

— Въ свою очередь и ты оттолкни меня съ презрѣніемъ!—воскликнула Поля.—Я не стою твоего чистаго сердца и святой любви, которую пробудила въ тебѣ. Я не приму жертвы—и ты простишь меня.

— Простить? Но могу ли я обвинять, если жалѣю тебя? Нѣтъ, я глубоко люблю тебя и все принимаю. Пойдемъ со мной и будемъ плакать вмѣстѣ. Я не хочу знать и разбирать прошедшаго, не требуя любви твоей, а только прошу позволенія любить тебя и смотрѣть на тоску твою. Надѣюсь, что милосердный Богъ, тишина и мои старанія, со временемъ, облегчатъ ее.

И поэтъ опять подалъ дѣвушкѣ руку. Поля, молча, пожала ее.

— Такъ ты не презираешь меня?—спросила она шепотомъ.

— Нѣтъ, я только скорблю. Пойдемъ и не будемъ больше говорить объ этомъ. Завтра я открою мое намѣреніе паннѣ Аннѣ и Юліану, поведу тебя къ алтарю—и потомъ убѣжимъ въ Горы.

— Да, убѣжимъ!—съ трепетомъ повторила Поля, почти теряя рассудокъ.—Здѣсь воздухъ отравленъ, тутъ невозможно жить, здѣсь все обманываетъ, это не нашъ свѣтъ и люди.

Поля замолчала, и молодые люди возвратились въ замокъ. Встрѣтивъ взоръ Юліана, Поля въ безсиліи упала на стулъ. Этотъ взглядъ былъ не тотъ, что прежде: въ немъ отражалась холодная подозрительность, и мѣсто прежней страсти заступила какая-то боязнь. Карлинскій уже боялся подойти къ Полѣ, не искалъ и даже избѣгалъ ее. Поля достигла цѣли, но ея сердце обливалось кровью: Юліану, повидимому, такъ немного стоила теперешняя перемѣна, для него такъ легко было забыть прошедшее, отречься отъ любимой дѣвушки. Любовь его была такъ слаба и скоропроходяща, тогда какъ бѣдная сирота сознавала, что для ея любви мало было всей жизни!

Анна съ радостью услышала о предложеніи Юстина и тотчасъ же побѣжала къ Полѣ.

— Ты идешь замужъ, — воскликнула она, — и скрывалась передо мной, неблагодарная? Юстинъ любить тебя, ты любишь его. Дядя Аванасій благословляетъ васъ. Позволь же и мнѣ — сестрѣ по сердцу — подѣлиться твоимъ счастьемъ.

Она взглянула на лицо бѣдной сироты и въ изумленіи отступила назадъ. Поля поблѣднѣла, какъ смерть, и вся дрожала, глаза ея были полны слезъ.

— Что съ тобою?

— Ничего, видно счастье производитъ на меня такое дѣйствіе! — произнесла сирота съ горечью и бросилась на шею своей подругѣ.

Несмотря на видимое равнодушіе, Юліанъ задрожалъ, какъ листъ, когда сестра сказала ему о предложеніи Юстина: смертельная блѣдность покрыла лицо его, зубы сжались, и страданіе такъ рѣзко выразилось во всей его наружности, что Анна только теперь замѣтила истину, догадалась и поняла то, чего прежде и не подозрѣвала.

— Что съ тобой, милый Юліанъ? — спросила она въ изумленіи. — Неужели ты не радуешься счастью Поли?

— Я? напротивъ, радуюсь, но меня всегда ужасно волнуетъ, если человѣка постигаетъ какое либо счастье.

— Но тутъ есть всѣ условія для счастья, — весело перебила Анна. — равенство положеній, сходство мыслей, взаимная склонность сердець; притомъ же, дядя Аванасій обезпечиваетъ ихъ будущность. Чего же больше желать имъ?

— Правда твоя, милая сестра! Они будутъ счастливы, и я отъ всего сердца желаю имъ этого, — отвѣчалъ Юліанъ, быстро уходя изъ комнаты. — Поговори объ этомъ съ президентомъ.

Удивленная Анна возвратилась на свою половину, а Юліанъ побѣждалъ скрыться отъ человѣческихъ взоровъ и заперся въ своей комнатѣ. Человѣкъ никогда живѣе не цѣнитъ сокровища, какъ въ минуту потери его: теперь въ Юліанѣ вдругъ воскресли и подавленная любовь, и чувство долга, и мученіе, и невыразимая тоска. Онъ ходилъ, какъ помѣшанный, ломалъ руки и упрекалъ себя за то, что не имѣлъ силы воли сомнительному будущему предпочесть настоящее, несомнѣнное счастье. Онъ размышлялъ, колебался и, въ порывѣ нетерпѣнія, то хотѣлъ бѣжать къ Полѣ, схватить ее и убѣжать изъ Карлина, то покушался убить неблагодарную, или, по крайнейней мѣрѣ, насмѣяться надъ нею, чтобы излить всю горечь сердца.

Видя, въ какомъ состояніи Юліанъ вышелъ изъ залы, Алексѣй сейчасъ же отправился за нимъ и, войдя въ его комнату, сказалъ: — я знаю все! У тебя не достало силъ и смѣлости бороться за собственное счастье и поссориться со свѣтомъ. Теперь старайся хладнокровно и мужественно перенести необходимыя страданія. Не избѣгай ихъ, стой твердо.

— Ты прекрасный совѣтникъ! — сердито воскликнулъ Юліанъ. — Ты холоденъ какъ гранитъ и настроилъ свою жизнь такъ, что она всегда идетъ регулярно, точно англійскіе часы. Пожалуйста, оставь свои наставленія и забудь обо мнѣ!

Въ эту минуту вошелъ президентъ, издали наблюдавшій за молодыми людьми. Онъ считалъ неудобнымъ оставлять Юліана наединѣ съ Алексѣемъ и давать тому возможность имѣть вліяніе на образъ мыслей племянника. Съ веселою улыбкою онъ, еще на порогѣ, сказалъ Юліану:

— Вотъ у насъ готовится свадьба, — Юстинъ женится на Полѣ. Я чрезвычайно радъ этому, потому что невозможно подобрать лучшей пары: живая и горячая Поля прекрасно поступаетъ, что идетъ за слѣпого Гомера... по крайней мѣрѣ, онъ не будетъ видѣть ея прихотей, въ которыхъ у насъ, конечно, не будетъ недостатка. Надобно, однако, намъ что-нибудь сдѣлать для Поли, если дядя Аѳанасій даетъ имъ Горы.

— Безъ сомнѣнія, — проговорилъ Юліанъ въ замѣшательствѣ, — Анна распорядится этимъ.

— Она уже говорила мнѣ о приданомъ—это само собою; но, можетъ быть, еще не мѣшало бы дать ей какихъ нибудь пять-сотъ дукатовъ на булавки.

— Если только она приметъ.

— Объ этомъ не безпокойся! Но все это устроилось такъ быстро, что мы не успѣли даже замѣтить, какъ они влюбились, дали другъ другу слово, условились и черезъ двѣ недѣли назначили свадьбу. Если бы тебѣ удалось такъ же скоро сладить съ панною Гиреевичъ!

— Мнѣ никогда и ничто не удастся, милый дядюшка! — воскликнулъ Юліанъ, взглянувъ на выходившаго Алексѣя.

— Откуда же явилось въ тебѣ такое сомнѣніе?

— Предчувствіе!

— Предчувствіе—вздоръ. Перестань набивать голову подобными пустяками. Любовь Поли и Юстина, право, не стоитъ того, чтобы завидовать ей, и я отнюдь не желаю тебѣ подобнаго счастья. А если, въ самомъ дѣлѣ, они возбуждаютъ въ тебѣ зависть, такъ вѣдь ты тоже всегда можешь завязать гдѣ нибудь интрижку и покончить ее, когда надоѣстъ. Да отчего бы не попытать счастья хоть бы даже съ Полею: вѣдь чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ поэтъ, конечно, надоѣстъ ей, и она съ радостью улыбнется тебѣ. Ты, милый, Юліанъ долженъ быть откровененъ со старикомъ дядею, потому что онъ второй отецъ твой. Мнѣ кажется, что ты питаешь маленькую симпатію къ Полѣ. Да тутъ и нѣтъ ничего удивительнаго. Дѣвушка хорошенькая, головка умная, талантовъ много, сердце пламенное, вы жили вмѣстѣ. Но для тебя все-таки большее счастье, что Юстинъ беретъ ее.

Юліанъ покраснѣлъ.

— Стыдиться тутъ нечего. Я радъ, что первый огонь погасъ въ тебѣ: il faut que jeunesse se passe. Можетъ быть, тебѣ непріятно будетъ видѣть ее въ объятіяхъ другого; но, по всей вѣроятности, ты никогда не думалъ жениться на Полѣ и держать любовницу передъ глазами Анны, да еще сироту, воспитанную въ вашемъ домѣ, какъ будто для того, чтобы она служила для тебя предметомъ страсти. Все устроилось, какъ нельзя лучше: ты пожалѣешь, повздыхаешь и забудешь ее, а если бы, со временемъ, вы вспомнили прежнее... ну!—президентъ расхохотался и началъ приглаживать голову съ самыми комическими жестами.

— Но поговоримъ о чемънибудь другомъ. Я увѣренъ, что ты такъ горячо принялъ къ сердцу теперешнее дѣло только въслѣдствіе совѣтовъ этого глупаго Алексѣя. Сказать правду, я терпѣть не могу его и хотя самъ старался заманить его въ Карлинъ, но вижу теперь, что сдѣлалъ глупость. Онъ внушаетъ вамъ фальшивыя понятія, овладѣлъ образомъ мыслей твоимъ и Анны, привязалъ къ себѣ Эмілія такъ, что бѣдный не можетъ жить безъ него. Гдѣ ни ступишь—ездѣ видно его вліяніе. А добросовѣстный человѣкъ никогда не домогается подобнаго вліянія въ чужомъ домѣ: все это подозрительно для меня. Вѣроятно, у него есть какіе-нибудь планы и цѣли.

— Онъ очень преданъ намъ, — замѣтилъ Юліанъ, и если вы обратите, дядюшка, вниманіе на его дѣйствія—вы не замѣтите въ нихъ ни малѣйшихъ слѣдовъ личнаго интереса.

— Это показываетъ только, что онъ уменъ — и больше ничего. Но для меня подобное качество представляется еще болѣе опаснымъ, и я хотѣлъ бы избавиться отъ Дробицкаго; онъ — интриганъ! Да кромѣ того, онъ не нравится мнѣ еще и потому, что всегда ставитъ себя какъ бы наравнѣ съ нами: съ тобою хочетъ быть запанибрата, осмѣливается приближаться къ Аннѣ, а ко мнѣ — хотя и выражаетъ уваженіе, но не такое, какимъ обязанъ наемникъ своему господину.

— Милый дядюшка! не забывайте, что онъ товарищъ и другъ мой, что насъ связываютъ старыя и короткія отношенія.

— Все это прекрасно, но я могу переносить короткость отъ людей равныхъ мнѣ и скажу тебѣ прямо, что хочу удалить Дробицкаго.

— Это не такъ легко, — произнесъ Юліанъ. — Какую вы найдете причину?.. даже Анна... надо бы спросить ее.

— Я и не сдѣлаю ничего безъ нея, — перебилъ Карлинскій. — Посовѣтуемся, придумаемъ и вѣжливо разстанемся съ нимъ: для меня Дробицкій существо антипатичное; я даже полагаю, что и тебѣ онъ уже начинаетъ быть въ тягость, только ты не признаешься въ этомъ...

— Мнѣ? я люблю Алексѣя! — воскликнулъ Юліанъ. — Мы такъ много обязаны ему!

— Всегда помни, — строго перебилъ дядя, — что если подобные люди дѣлаютъ какое либо одолженіе, то имъ обыкновенно платятъ, и мы заплатимъ Дробицкому.

— А если это долги сердца?

— Самое лучшее — за все платить звонкою монетою.

На этомъ кончился разговоръ, послѣ котораго президентъ пошелъ къ Аннѣ. Здѣсь ему гораздо труднѣе было приступить къ дѣлу. Уважая невинность чистой души и такъ называемыя женскія права, президентъ не могъ высказать Аннѣ, какъ высказалъ Юліану, что именно онъ имѣетъ противъ Алексѣя и въ какомъ отношеніи опасается его. Ему необходимо было найти другія благовидныя причины и основаться на другихъ заключеніяхъ. Но старикъ не долго думалъ. Онъ желалъ возможнаго счастья своимъ дѣтямъ, искренно заботился о нихъ, и если понималъ ихъ благополучіе по-своему и фальшиво, то нельзя обвинять его за это.

Онъ началъ похвалами Алексѣю и сказалъ Аннѣ:

— Какой онъ благородный и безкорыстный человѣкъ! Чѣмъ больше я узнаю, тѣмъ выше цѣню его.

— О, правда, милый дядюшка! Иногда онъ бываетъ грубъ и упрямъ, но всегда справедливъ и честенъ.

— Душевно жаль, что этихъ свойствъ недостаточно для составленія полнаго идеала управляющаго и довѣреннаго.

— Значитъ, милый дядюшка, вы находите въ немъ какой нибудь недостатокъ?

— Рѣшительно никакого! Напротивъ, я удивляюсь его усердію и дѣятельности, но хотѣлъ бы видѣть болѣе счастливые результаты, какихъ, вѣрно, достигъ бы на его мѣстѣ другой человѣкъ, не столь мягкій и честный и глубже вникающій въ сущность дѣла. Поэзія и хозяйство несовмѣстимы между собою.

— Но онъ практическій человѣкъ.

— Не совсѣмъ, милая Анна, не совсѣмъ! Объ этомъ мы только что разсуждали съ Юліаномъ.

— И братъ замѣчаетъ этотъ недостатокъ?

— Да!.. жаль потерять такого честнаго человѣка, а между тѣмъ...

Анна испугалась и, съ выраженіемъ безпокойства, вставъ съ мѣста, воскликнула:

— Милый дядюшка! не ошибаетесь ли вы? Чрезмѣрно заботясь о нашемъ счастьѣ, вы, вѣроятно, хотите сдѣлать для насъ больше, нежели возможно; только подумайте, что, желая лучшаго, мы можемъ потерять и то, что имѣемъ.

— Какъ вижу, ты очень расположена къ Дробицкому, — сказалъ, смѣясь, Карлинскій.

— Отъ всего сердца, и не думаю, чтобы избытокъ благо-родства составлялъ грѣхъ, а Дробицкій, если виноватъ, такъ развѣ однимъ этимъ свойствомъ.

Президентъ съ улыбкою поцѣловалъ племянницу въ голову и прекратилъ разговоръ, предоставляя исполненіе своего намѣренія дальнѣйшему ходу времени и обстоятельствамъ.

VI.

Наступилъ день свадьбы Поли. Казалось, сирота свыклась съ своимъ положеніемъ: по крайней мѣрѣ, она сдѣлалась по-прежнему весела; но принужденныя вспышки ея отравлялись горькою ироніей, невольно выражавшеюся въ каждомъ словѣ. Бѣдная дѣвушка не могла вообразить себѣ жизни за границами Карлина, а, между тѣмъ, хотѣла и должна была оставить его какъ можно скорѣе.

Наканунѣ свадьбы отправлены были въ Горы фортепіано и другія вещи, которыми Анна хотѣла наградить свою подругу. Поля расслабалась при видѣ улетающаго прошедшаго и заперлась въ своей комнатѣ. На свадьбу пригласили только полковницу съ мужемъ, президента и пана Аѳанасія; но послѣдній отказался отъ поѣздки въ Карлинъ. Ксендзъ Мирейко долженъ былъ благословить новобрачныхъ. Юліанъ, по мѣрѣ приближенія этого дня, мучился все болѣе и болѣе, запирался въ своей комнатѣ и томился воспоминаніями. Нѣсколько разъ онъ покушался подойти къ Полѣ, но дѣвушка ловко избѣгала его. Случайно прибылъ туда также къ свадьбѣ Альбертъ Замшанскій — гость незванный, но которому Юліанъ крѣпко обрадовался, потому что онъ пріятно занималъ его и тѣмъ отвлекалъ его вниманіе отъ Поли. Анна также рада была Альберту и встрѣтила его дружескою улыбкою, какъ стараго и хорошаго знакомаго.

Приготовленіе къ свадьбѣ, равно какъ и день ея, были печальны: на дворѣ было пасмурно и холодно, въ комнатахъ пусто. Каждый, сидя въ своемъ углу, либо думалъ, либо плакалъ. Одинъ Юстинъ не обнаруживалъ печали и молился, приготовляясь къ великому таинству. Въ главной залѣ устроили

алтарь, сама Анна украсила его коврами и цвѣтами. Занятая этими распоряженіями, изрѣдка подходила она къ Полѣ, цѣловала ее въ голову и въ душѣ молила Бога о счастіи сироты. Но что происходило въ это время въ душѣ Поли, этого никто не выразить!

Наконецъ наступило время одѣвать невѣсту. На столахъ и стульяхъ разложенъ былъ бѣлый нарядъ съ вуалью, вѣнкомъ и букетомъ. Поля сквозь слезы глядѣла на этотъ уборъ и не хотѣла надѣвать его.

— Дорогая Поля! — произнесла Анна; — перестань грустить и начинай одѣваться.

— О, ты не знаешь, какія оковы наложите вы на меня съ этимъ нарядомъ! — возразила Поля. — Съ нимъ я должна буду навсегда отречься отъ Карлина, тогда какъ я ничего не знаю на свѣтѣ, кромѣ здѣшняго дома: въ немъ я провела мою молодость и не воображаю себя способною прожить въ другомъ мѣстѣ.

— Но вѣдь ты не одна и не навсегда оставишь насъ, дорогая Поля. Горы только въ двухъ миляхъ отсюда. Юстинъ поѣдетъ съ тобою. Перестань же грустить, начнемъ одѣваться! Перекрестись и начнемъ.

Поля взглянула на платье, вѣнокъ, букетъ и сказала:

— Нѣтъ! я не хочу обманывать и не надѣну ни этого бѣлаго платья — эмблемы невинности, ни этихъ цвѣтовъ, ни вуаля! Бѣдная сирота — я пойду къ алтарю въ будничномъ костюмѣ, съ одними лишь чувствами смиренія и безъ символовъ, на которые не имѣю права. Скорѣе мнѣ слѣдуетъ надѣть траурное платье, опоясаться краснымъ поясомъ мученицы, взять въ руки крестъ, вмѣсто вѣнка, надѣть терновый вѣнецъ — и въ такомъ видѣ приступить къ алтарю.

Анна сжала руки и воскликнула:

— Ахъ, Боже мой! какія фантазіи приходятъ тебѣ въ голову! Что подумаютъ объ этомъ люди? Здѣсь посторонній гость, панъ Альбертъ Замшанскій. Пройдутъ Богъ знаетъ какія силетни. Выбрось изъ головы свои причуды!

— Но я не имѣю силъ надѣть этого наряда.

— Поля! если ты любишь меня...

— Это будетъ обманъ!.. комедія!

— Дорогая Поля, ты помѣшалась!

Поля проворно встала съ мѣста, бросила лихорадочный взглядъ на Анну и проговорила съ дикимъ хохотомъ:

— Да! правда, все было обманомъ! Кончимъ такъ, какъ начали. Я выйду бѣлою и чистою... ха, ха, ха! Такъ должно быть!

Анна видѣла во всемъ этомъ только глубокую скорбь и раздраженіе. При послѣднихъ словахъ сироты она принялась одѣвать ее — и Поля, какъ мертвая кукла, стояла передъ зеркаломъ послушно и въ глубокомъ молчаніи, прерываемомъ одними лишь конвульсивными рыданіями. Когда наконецъ оставалось положить на голову вѣнокъ, въ комнату важно вошла пани Дельріо, чтобы приколоть его. Поля передъ нею стала на колѣни, поцѣловала ее ноги и сказала:

— Простите меня, простите несчастную! Можетъ быть, я не была такъ благодарна вамъ, покорна и послушна, какъ слѣдовало.

Полковница проворно обняла дѣвушку и, не сказавъ ни слова, вышла вонъ. Видъ свадебныхъ нарядовъ глубоко поразилъ ее воспоминаніями собственной жизни.

Вскорѣ затѣмъ заплаканную неvěсту почти васильно подняли съ полу и повели къ алтарю, какъ жертву.

Въ залѣ уже собрались всѣ, съ приколотыми букетами. Юліанъ глядѣлъ на всѣхъ потупленными глазами. Воцарилась тяжелая тишина, президентъ безпокойно слѣдилъ за племянникомъ. Въ числѣ прочихъ гостей находился и Эмилій, первый разъ допущенный къ публичному обряду; взволнованный Алексѣй наблюдалъ за нимъ.

Тихій шумъ возвѣстилъ о прибытіи неvěсты, группы раздвинулись, и показалась Поля. При входѣ въ залу, она пришла въ себя, воодушевилась отвагою и казалась почти веселою. Началось благословеніе. Поля подошла сперва къ полковницѣ и президенту, потомъ поочереды обошла всѣхъ прочихъ: Аннѣ поклонилась въ ноги, и, наконецъ, сверхъ всякаго чаянія, обратилась къ Юліану, стала передъ нимъ на колѣни и произнесла глухимъ голосомъ:

— И вы благословите сироту!

Юліанъ подалъ свою руку, поднялъ Полю и, облитый ру-

мянцемъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ, скорѣе отошелъ прочь, избѣгая взгляда невѣсты. Но взглядъ Поля благословилъ Юліана, потому что въ немъ выразились не упреки, не гнѣвъ, а только состраданіе и молитва о его счастьѣ.

Капуцинъ уже стоялъ предъ алтаремъ, молодая чета подошла къ нему. Голосъ ксендза, новобрачныхъ и шумъ присутствующихъ смѣшались, перевязали руки, размѣняли кольца и, когда все кончилось неизмѣнною присягою, вдругъ раздался глухой стукъ: Поля безъ чувствъ упала на коверъ. Юстинъ первый бросился къ ней. Анна прибѣжала съ уксусомъ. Черезъ нѣсколько минутъ Поля пришла въ себя, открыла глаза и глухо вздохнула. Ее тотчасъ же повели въ ея комнату, и Юстинъ, по праву мужа, пошелъ за нею. Въ первый разъ послѣ свадьбы молодые взглянули здѣсь другъ на друга — и Поддубинецъ прочиталъ въ глазахъ жены такое страданіе, что готовъ былъ пожертвовать жизнью, чтобы только уменьшить его.

— Отдохни, сказалъ онъ Полѣ. — Впечатлѣнія, мысли и чувства разстроили тебя, тебѣ нужны тишина и спокойствіе.

— Но не здѣсь! — воскликнула Поля раздирающимъ и вмѣстѣ умоляющимъ голосомъ. — Пойдемъ, пойдемъ... убѣжимъ отсюда... Я твоя... бери меня и увези какъ можно скорѣе; я не могу, не должна долѣе оставаться здѣсь. Пойдемъ! ради Бога, пойдемъ!

— Какъ? сейчасъ? — спросилъ Юстинъ.

— Сію минуту! — отвѣчала Поля, срывая съ себя вѣнокъ, цвѣты и вуаль. — Пойдемъ, я готова...

Въ эту минуту вбѣжала Анна.

— Милая, безцѣнная моя! — проговорила плачущая Поля, — позволь мнѣ ѣхать съ Юстиномъ. Чѣмъ больше продлится разставаніе и прощаніе съ вами, тѣмъ сильнѣе буду я страдать; теперь я боюсь постороннихъ взглядовъ, они сожигаютъ меня. Позволь мнѣ ѣхать!

Анна не знала, что дѣлать.

— Но что скажутъ дядя, маменька, Юліанъ?

— Извини меня болѣзнью, волненіемъ, какимъ-нибудь случаемъ... чѣмъ хочешь... Иначе этотъ день убьетъ меня.

Лошади были готовы. Исполняя волю жены, Юстинъ проводилъ ее, или, вѣрнѣе, снесъ по лѣстницѣ къ экипажу, подѣ-

ѣхавшему къ боковой калиткѣ. И еще никто не зналъ о внезапномъ отъѣздѣ новобрачныхъ, какъ лошади уже везли ихъ по дорогѣ къ Горамъ.

Анна вошла въ залу одна.

— Ну, что — молодая? — спросилъ президентъ.

— Больна и уѣхала съ Юстиномъ домой.

— Какъ? не простившись и безъ обѣда? — перебила полковница.

— Я не могла и не смѣла удержать ихъ, — отвѣчала Анна. — Поля хотѣла непременно ѣхать, чтобы не плакать при гостяхъ: такъ тяжело было ей разстаться съ Карлиномъ.

Юліанъ слышалъ этотъ разговоръ и страдалъ... но, непостижимое дѣло, въ тоже время эгоизмъ утѣшалъ его, говоря о чувствѣ свободы. Можетъ быть, онъ даже радовался, что больше не увидитъ Полю.

Свадебный пиръ кончился безъ молодыхъ, и только для одной церемоніи выпили за ихъ здоровье. Юліанъ, поднося бокалъ въ губамъ, взглянулъ на Алексѣя и встрѣтилъ серьезный, укоряющій и страдальческій взоръ друга. Алексѣй понималъ, что происходило въ душѣ Юліана, и, при видѣ столь непостижимаго легкомыслія и эгоизма, прежняя дружба къ Юліану совершенно погасла въ его сердцѣ.

Благородный Алексѣй живо представилъ себѣ мученіе хладнокровно покинутой сироты, бѣжавшей изъ здѣшняго дома въ то самое время, какъ Юліанъ почти съ радостью пилъ вино за счастье и благополучіе вчерашней любовницы!

VII.

Молодые, въ совершенномъ молчаніи, проѣхали двѣ мили, отдѣляющія Горы отъ Карлина. Поля, откинувшись въ уголь повозки, плакала, Юстинъ держалъ ея руку и сидѣлъ, задумавшись. Для обоихъ прибытіе въ неизвѣстный домъ, гдѣ должна была заключиться вся ихъ будущность, представлялось страшнымъ. Поэтъ живо чувствовалъ, что свободная жизнь, проводимая до сихъ поръ въ путешествіяхъ, созерцаній и мечтахъ, навсегда улетѣла отъ него. Онъ не могъ уже быть свободенъ: обманчивая надежда навѣки приковала

его къ другому существу; но онъ видѣлъ, что не получить отъ Поля счастья и самъ не сдѣлаетъ ее счастливою. Рай на самомъ порогѣ обратился въ Голгоѳу, пѣснь замирала на устахъ, сердце страдало и обливалось кровью, дѣйствительная жизнь схватывала въ свои когти свободного до сихъ поръ Юстина. Онъ и Поля вздрогнули, когда повозка остановилась и надо было выйти. Они увидѣли передъ собою старый деревянный домъ, окруженный огромными липами, пустой, уединенный и безъ слѣдовъ жизни.

Деревья плотно окружали дворъ, такъ что сквозь нихъ не видно было свѣта; только въ одномъ мѣстѣ, изъ-за пней, виднѣлась луговая площадка съ рѣчкою, какъ можно было предполагать по растущимъ на ней тростнику и лозѣ, а на другомъ берегу рѣчки лѣсъ окружалъ небольшое поле. Воздухъ проникнуть былъ сыростью, какая чувствуется въ лѣсахъ и подъ тѣнью. Старый деревянный домъ покрытъ былъ мохомъ и плѣсенью. Съ давнихъ поръ никто не жилъ въ этомъ домѣ; теперь, по приказанію пана Аѳанасія, его поправили и немного очистили для Юстина и вырубилъ окружающіе его дикіе кустарники.

Вѣтви деревъ, свѣсившіяся къ окнамъ, обнимавшія весь домъ и закрывавшія кровлю, составляли чудное, но печальное украшеніе. Войдя въ самый домъ, молодые почувствовали могильный, подземный запахъ, и глаза ихъ не скоро освоились съ сумракомъ, продолжающимся здѣсь съ утра до вечера.

Не встрѣтивъ ни души на крыльцѣ и на дворѣ съ отворенными воротами, они стали осматривать домъ. Поля съ грустнымъ чувствомъ глядѣла на сѣрыя стѣны. Все здѣсь вѣяло печалью, нигдѣ не было слѣдовъ жизни. Въ это время въ глаза Поля бросились вещи, привезенныя изъ Карлина, и она со слезами кинулась къ нимъ: это были—фортепіано, за которымъ провела она много времени, кресло, рабочій столикъ, корзинка съ приборами для работы, стаканъ для букетовъ, нѣсколько книгъ и образа, висѣвшіе надъ ея кроватью. Анна прислала сюда все, что только могла, чтобы только оживить Горы воспоминаніемъ о Карлинѣ и перенести сюда прошедшее сироты. Поля встрѣтила въ своей комнатѣ все, что служило для нея отраднымъ воспоминаніемъ, но эти предметы, приве-

зенные равнодушными слугами, подобно самому прошедшему, были въ безпорядкѣ разбросаны по полу и частью перебиты, либо переломаны.

Юстинъ тихо велъ жену свою и также съ любопытствомъ смотрѣлъ на все. Но какъ домъ, такъ и заключавшіеся въ немъ предметы не производили на поэта ни малѣйшаго впечатлѣнія: чувство печали проникло въ него еще на порогъ и не разсѣивалось въ немъ во все время осмотра новаго жилища. Отворивъ двери въ четвертую комнату и поднявъ глаза, Юстинъ вздрогнулъ, потому что неожиданно увидѣлъ пана Аѳанасія, сидѣвшаго на стулѣ и въ задумчивости читавшаго огромную книгу. Поля невольно прижалась къ мужу. Она мало знала дядю Анны, рѣдко видала его — и эта важная, суровая, погруженная въ религіозныя размышленія фигура, при первомъ взглядѣ, сильно поразила ее.

Углубленный въ чтеніе, панъ Аѳанасій не замѣтилъ молодой четы до тѣхъ поръ, пока она не подошла къ его стулу. Тогда Карлинекій оглянулся и, молча, поднялъ руку надъ молодыми, ставшими передъ нимъ на колѣни. Книга упала съ колѣнъ старца, испытующій взоръ его остановился на Полѣ.

— Вотъ ваше земное достояніе! — произнесъ онъ тихимъ голосомъ. — Я благословилъ его молитвою, потому что люблю здѣшнее мѣсто. Впрочемъ, не все ли равно человѣку: тамъ или здѣсь страдать и жаловаться? Послѣ Карлина здѣсь скучно будетъ тебѣ, дитя мое! — прибавилъ онъ, обратясь къ Полѣ, — но на землѣ всѣ мы странники и пришельцы. Мы тоскуемъ, сами не зная — о чемъ, о небесахъ и древнемъ отечествѣ души нашей, тоскуемъ о Богѣ, ища Его въ людяхъ, и не успокоиваемся до тѣхъ поръ, пока не познаемъ заблужденія и не возвратимся къ Тому, Кто влечетъ насъ къ Себѣ, у Кого въ рукахъ истинное спокойствіе и счастье. Вотъ вашъ домъ, построенный въ пустынѣ, гдѣ время часто будетъ казаться вамъ продолжительнымъ, а между тѣмъ пролетитъ, какъ молнія.

Поля не поняла словъ старца, потому что мысль ея блуждала въ другомъ мѣстѣ, и со слезами уносилась въ Карлинъ. Панъ Аѳанасій поднялъ книгу и закрылъ ее.

— Какъ старикъ, я не буду надобдѣть вамъ. Я зашелъ сюда только посмотреть и возвращаюсь въ Щуру. Если вамъ

будетъ нужно что нибудь, то пришлите къ мнѣ.—Съ этими словами онъ всталъ со стула, взялъ палку, шляпу и, бросивъ еще взглядъ на сироту и Юстина, скорыми шагами вышелъ вонъ, оставивъ молодыхъ наединѣ.

УШ.

А въ Карлинѣ въ этотъ день было веселѣе. Правда, Анна каждую минуту приходила на мысль подруга дѣтства, но окружающіе люди, гости, шумъ, родные не давали ей возможности поплакать въ уединеніи. Можетъ быть, и Альбертъ Замшанскій также содѣйствовалъ веселости Анны, потому что въ теперешній визитъ, очевидно стараясь понравиться дѣвушкѣ, онъ ни на одну минуту не отходилъ отъ нея. Краснорѣчіе, остроуміе и гибкая способность принаровляться къ людямъ дѣлали его болѣе и болѣе привлекательнымъ для Анны.

Есть люди, одаренные такимъ счастливымъ характеромъ, что обманъ непонятенъ и даже вовсе не существуетъ для нихъ, потому что сами они не умѣютъ обманывать; только посторонніе открываютъ имъ глаза, но сами они всегда остаются слѣпы. Анна, по добротѣ и чистотѣ своей, была именно такимъ существомъ: для нея все представлялось правдою; сама она не хотѣла и не могла нигдѣ замѣтить обмана. Потому и Альбертъ, хотя былъ только искусственнымъ произведеніемъ, хотя блисталъ только заимствованнымъ свѣтомъ и ничего не заключалъ въ себѣ, показался ей чуднымъ, очаровательнымъ человѣкомъ. А можетъ быть, сердце ея увлекалось и привязалось къ этому призраку только потому, что давно жаждало любви.

Алексѣй съ сердечною скорбью видѣлъ, какъ Анна конфузилась отъ взоровъ молодого гостя, краснѣла, была весела и любезна съ нимъ. Всѣ эти очевидные признаки рождавшагося чувства не ускользнули отъ его наблюдательности. Невыразимая горестъ сжала сердце бѣднаго Алексѣя: онъ видѣлъ свой идеалъ брошеннымъ въ жертву самому обыкновенному человеку и трепеталъ, представляя его будущность. Онъ, не смѣвшій поднять на нее глазъ своихъ, готовый всю жизнь стоять предъ нею на колѣняхъ, желавшій только издали смотрѣть на

это небесное явленіе, теперь увидѣлъ ее упавшею на землю къ существу ничтожному и возбуждавшему въ немъ одно лишь презрѣніе!

Можетъ быть, Дробицкій былъ бы равнодушнѣе, если-бы ему предпочли, по крайней мѣрѣ, равнаго. Но онъ глубоко страдалъ, когда замѣтилъ посредственность, смѣло поднимавшуюся туда, куда онъ не смѣлъ даже поднять свои взоры.

Президентъ и Юліанъ въ скоромъ времени замѣтили въ Аннѣ перемѣну. Полковница также поняла ее и рѣшилась непосредственно содѣйствовать Аннѣ. Юліанъ нисколько не удивлялся этому обстоятельству; онъ былъ равнодушенъ ко всему и притомъ, судя объ Альбертѣ по наружности, оцѣнилъ его такъ же, какъ и сестра. Но президентъ смотрѣлъ на эту новость пасмурно и даже съ нѣкоторою тревогою.

Онъ любилъ Анну, какъ родную дочь, и опасался за ея участь. Всегда считая первымъ условіемъ счастья достатокъ, онъ безпокоился объ участи племянницы, потому что зналъ Замшанскаго только по дядѣ.

Президентъ нѣсколько дней съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за молодыми людьми и, наконецъ, видя, что Анна съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе сближалась съ Альбертомъ, а послѣдній, въ свою очередь, не скрывалъ своихъ чувствъ къ ней, счелъ необходимымъ разспросить объ немъ старика кузена.

Послѣ обѣда, когда закурили сигары и Петръ Замшанскій уже начиналъ говорить о Полѣ, президентъ вдругъ обратился къ нему съ словами:

— Какой милый человѣкъ этотъ Альбертъ; но скажите пожалуйста, какъ онъ вамъ приходится?

— Двоюродный племянникъ! — отвѣчалъ старикъ, нѣсколько смѣшавшись и стараясь перемѣнить разговоръ.

— Онъ живетъ въ Познани? — опять спросилъ президентъ.

— Въ Познани, близъ Костяна.

— Вѣроятно, они богатые люди?

— Да, состоятельные, только имѣютъ большое семейство и, кромѣ того, имѣнія приносятъ тамъ доходовъ гораздо меньше, чѣмъ у насъ.

— Гмъ! — пробормоталъ Карлинскій: — очень милый молодой человѣкъ... какъ прекрасно воспитанъ! Вы обязаны задер-

жать его здѣсь какъ можно дольше; вѣдь жаль потерять такого человѣка.

— Конечно! Вотъ развѣ удастся женить его на здѣшней, — сказалъ панъ Петръ, мигая однимъ глазомъ: — у меня есть проекты...

— Въ самомъ дѣлѣ? — воскликнулъ президентъ, опасаясь попасть въ западню.

— Зени Гиреевичъ! — прошепталъ Замшанскій.

Президентъ вскочилъ, какъ ошпаренный, и даже не понялъ, что это былъ только маневръ со стороны пана Петра, хорошо знавшаго, что президентъ караулитъ Гиреевичей для Юліана и что опасенія потерять эту партію скорѣе увѣнчаетъ ихъ виды на панну Анну. По всей вѣроятности, панъ Петръ охотнѣе женилъ-бы племянника на Зени и ея милліонахъ, нежели на имени Карлинскихъ и скромномъ приданомъ Ануси; но онъ зналъ, что Гиреевичи не вдругъ отдадутъ свою любимую дочь за незнакомаго человѣка. Поэтому Замшанскій пустилъ теперешнюю ракету собственно для президента, на всякій случай. При всей ловкости и прозорливости, Карлинскій испугался и не замѣтилъ уловки.

— Въ самомъ дѣлѣ? — воскликнулъ онъ: — да, это прекрасная партія и стоитъ похлопотать о ней. Кстати, скажу вамъ откровенно, что и я думалъ объ ней для Юліана.

— Ахъ, извините, право, я не зналъ объ этомъ, — отвѣчалъ панъ Петръ. — Но вы и я не интриганы и, конечно, не станемъ брать панну силою или хитростью, а кому Богъ дастъ счастье.

Президентъ сѣлъ на мѣсто и, повидимому, успокоился; но, на самомъ дѣлѣ, это обстоятельство чрезвычайно встревожило его. Подумавъ немного, онъ прибавилъ:

— Правду сказать, Гиреевичъ до гадости расчетливъ. Мнѣ кажется, что онъ будетъ смотрѣть въ оба за своею дочерью и не позволитъ ей влюбиться до тѣхъ поръ, пока не сосчитаетъ капиталовъ ея нареченнаго.

— Мы были у Гиреевичей, — перебилъ панъ Петръ, — и, натурально, осматривали всѣ рѣдкости его дома, слушали музыку, а этотъ разбойникъ Альбертъ увѣрялъ, что даже за границу онъ не видалъ и не слыхалъ ничего подобнаго. Ги-

реевичу чрезвычайно понравилось то, что его *bric à brac* онъ сравнивалъ съ кабинетомъ принца де-Линъ въ Бельгіи, а его игру съ игрою Вьетана. Плутъ малый! о, плутъ!

„Плутъ? хорошо и это принять къ свѣдѣнію“, — подумалъ президентъ.

Въ эту минуту ихъ позвали къ чаю.

Выручая мать, Анна занималась около столика хозяйствомъ. Альбертъ помогалъ ей, и между ними уже легко было замѣтить короткость, служащую первою ступенью къ болѣе тѣснымъ отношеніямъ. Пани Дельрію, глядя на нихъ, вспоминала свою молодость. Юліанъ большими шагами ходилъ по залѣ, теперь пустой для него и пробуждавшей неизгладимыя воспоминанія. Алексѣй глядѣлъ въ окно, не имѣя силъ смотрѣть на короткость Анны съ этимъ ловкимъ комедіантомъ безъ души и сердца.

— Какой это прекрасный старопольскій обычай, — произнесъ Альбертъ, — что у насъ сами хозяйки наливаютъ чай! Это придаетъ ему особый вкусъ. Въ Парижѣ...

— Почему вы такъ часто вспоминаете о Парижѣ? — спросила Анна.

— Потому что, хотя у насъ въ большой модѣ кричать и выдумывать про него разныя небылицы, однако это, можетъ быть, единственный въ мірѣ городъ, гдѣ высшее общество умѣетъ жить и гдѣ жизнь чрезвычайно пріятна.

— Пріятнѣе, чѣмъ у насъ? Но вы хвалили нашъ старинный обычай?

— Да, хвалю и даже высоко цѣню его. Но это не мѣшаетъ мнѣ утверждать, что нигдѣ такъ хорошо не понимаютъ жизни, какъ въ Парижѣ. Никто не видитъ пружинъ, двигающихъ эту машину, все идетъ прекрасно, легко, плавно, въ свою пору приходитъ, измѣняется, проходитъ, все такъ прекрасно рассчитано, что жителю Парижа никогда не можетъ придти на мысль, чтобы въ другомъ мѣстѣ жизнь была въ тягость. О, жизнь — великое искусство, почти наука!

— Но вы говорите о жизни, которой мы не понимаемъ; сейчасъ изображенная вами — невозможна. Какъ! жить только для того, чтобы веселиться и наслаждаться?

— Конечно, если же судить о ней съ нравственной точки, то это другое дѣло.

— Но человекъ живетъ еще сердцемъ, душою!

— Извините, панна, въ той жизни, какою живутъ въ Парижѣ, все входитъ въ расчетъ: тамъ есть пища для сердца, для души, для чувства красоты, для идеала, для всѣхъ потребностей человека — душевныхъ и тѣлесныхъ.

— Я думаю, что больше всего для эгоизма.

— Но эгоизмъ, принимаемый въ хорошемъ значеніи, не такъ страшенъ, — подхватилъ Альбертъ, любившій парадоксы, — и не такъ отвратителенъ, какъ кажется. Въ хорошемъ значеніи онъ заключаетъ въ себѣ филантропическія начала и никому не мѣшаетъ.

— Это для меня совершенная новость! — замѣтила Анна.

— Отвращеніе къ эгоизму есть предразсудокъ, — съ улыбкою продолжалъ молодой человекъ; — эгоизмъ — это соединительная сила, и міръ не устоялъ бы безъ нея; только этою силою, какъ и всѣми другими, долженъ управлять разумъ. Въ состояніи варварскомъ эгоизмъ все ниспровергаетъ или разрушаетъ, потому что тамъ нѣтъ будущаго, но въ цивилизованномъ мірѣ онъ спасаетъ.

Въ такомъ родѣ продолжался разговоръ между Анною и Замшанскимъ, и никто не прерывалъ ихъ. Алексѣй съ глубокою грустью смотрѣлъ на нихъ, слушалъ и жалѣлъ о паденіи Анны.

— Бѣдныя женщины! — думалъ онъ: — онѣ всегда предназначаются недостойнымъ людямъ. По какой то странной прихоти судьбы, самая поэтическая дѣвушка должна пасть жертвою насмѣшливаго скептика, чуть только онъ блеснетъ предъ нею остроуміемъ или своими вздохами возбудить въ ней состраданіе; самая святая позволяетъ очаровать себя извергу; самую кроткою овладѣваетъ тотъ, кто даетъ ей почувствовать свою силу!

Внутреннее страданье и предчувствіе печальной будущности Анны до такой степени заняли Алексѣя, что онъ не замѣтилъ президента, который вѣжливо подошелъ къ нему и шепнулъ на ухо, что хочетъ завтра разсмотрѣть общее состояніе дѣлъ по имѣнію и повѣрить счеты.

— Я всегда готовъ, и каждую минуту могу представить вамъ все, что угодно, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Очень хорошо, увидимъ, — равнодушно сказалъ президентъ. — По принятому обыкновенію, я обязанъ вникнуть въ положеніе дѣлъ и придумать средства, какъ дѣйствовать дальше; мы составимъ совѣтъ вмѣстѣ съ Юліаномъ.

Алексѣй не сказалъ ни слова, но его озадачило внезапное намѣреніе президента обривизовать дѣла, слишкомъ хорошо извѣстныя ему. Существеннымъ намѣреніемъ стараго опекуна было дать такой оборотъ ревизіи, чтобы не сойтись съ Алексѣемъ во взглядахъ насчетъ управленія дѣлъ, и принудить его отказаться отъ должности. Онъ не хотѣлъ прямо высказать своего желанія — и рѣшился, для Юліана и Анны, незамѣтно довести Дробицкаго до того, чтобы онъ самъ добровольно удалился изъ ихъ дома.

XIX.

На другой день приступили къ ревизіи дѣлъ и совѣщанію. Совершенно равнодушный ко всему, Юліанъ приглашенъ былъ только для формы; президентъ игралъ здѣсь главную роль. Алексѣй представилъ ему счеты, планы, балансы и объяснилъ, какія онъ придумалъ средства для удовлетворенія главныхъ кредиторовъ. Президентъ искалъ только предлога — и вскорѣ обратилъ вниманіе на расчетъ по уплатѣ долга жидамъ, съ давнихъ поръ лежавшаго на Карлинѣ. Это дѣло было самое запутанное, кончилось оно полюбовною сдѣлкою, и теперь оставалось только уплатить извѣстную сумму наслѣдникамъ жида Шаи. Но Алексѣй, составлявшій условіе, поступилъ благородно и всѣ векселя за подписью покойнаго Хорунжича призналъ несомнѣннымъ долгомъ.

Разсматривая бумаги, президентъ улыбнулся и сказалъ:

— У этихъ жидовъ, кажется, можно было выторговать гораздо больше.

— Можетъ быть, — возразилъ Алексѣй, — но тутъ дѣло шло главнымъ образомъ о подписи пана Хорунжича, а жида и безъ того теряютъ проценты за десятки лѣтъ.

— Жида никогда нечего не теряютъ! — воскликнулъ Карлинскій.

— Здѣсь, панъ президентъ, потери ихъ очевидны.

— Вы слишком честны и добросовѣстны! — опять воскликнулъ Карлинскій.

— Особенно въ чужихъ дѣлахъ! — отвѣчалъ Дробицкій.

— И изъ чужого кармана! — прошепталъ президентъ.

Алексѣй покраснѣлъ и задрожалъ. Приготовленный ко всему, президентъ сохранялъ хладнокровіе: онъ ожидалъ взрыва.

— Я готовъ заплатить изъ своихъ денегъ, такъ какъ того требуетъ мое собственное убѣжденіе! — горячо воскликнулъ Дробицкій.

— Прошу не горячиться! — сказалъ президентъ. — При разсужденіи о дѣлахъ слѣдуетъ говорить хладнокровно и обдуманно.

— Я старался объ этомъ! — воскликнулъ Дробицкій. Впрочемъ, если мои распоряженія вы находите неправильными, то мы не связаны другъ съ другомъ навѣки.

Юліанъ молчалъ. Онъ уже значительно охладѣлъ къ Алексѣю, имѣвшему въ глазахъ его и тотъ недостатокъ, что онъ никогда не поблажалъ его прихотямъ и склонности къ разсѣянію. Дробицкій взглянулъ на него и, видя своего друга совершенно равнодушнымъ, поклонился, сложилъ бумаги передъ его дядею и вышелъ вонъ.

Тутъ Юліанъ пробудился отъ задумчивости.

— Что случилось у васъ, милый дядюшка?

— Ничего. Кажется, панъ Дробицкій, черезчуръ щекотливый ко всѣмъ совѣтамъ и наставленіямъ, обидѣлся на мое замѣчаніе, выраженное самымъ вѣжливымъ образомъ. Вѣрно онъ думаетъ, что мы будемъ извиняться и просить его назадъ; но онъ очень ошибся.

— Какъ? онъ долженъ разстаться съ нами? — спросилъ встревоженный Юліанъ.

— Вѣроятно, — онъ вышелъ отсюда въ ужасномъ раздраженіи. Пожалуйста, не выказывай ему своей слабости, не ходи и не посылай къ нему. Такимъ образомъ, мы вѣжливо избавимся отъ него, вся вина упадетъ на одного меня — и конецъ дѣлу!

— Но я хорошенько не слыхалъ, изъ-за чего началось у васъ дѣло?

— Изъ за глупостей... Я въ шутку сказалъ, что онъ слишкомъ щедръ изъ чужого кармана; онъ вспыхнулъ, сказалъ

какую-то глупость, положилъ передо мной бумаги и вышелъ изъ конторы.

Возвратясь въ свою комнату, Алексѣй, ни о чемъ не думая, въ крайнемъ раздраженіи, сейчасъ же приказалъ слугѣ укладывать свои вещи и запрягать лошадей, поблагодарилъ за приглашеніе къ обѣду, выбралъ необходимыя бумаги, и особенно пораженный тѣмъ, что Юліанъ ни одного слова не сказалъ въ его защиту, даже не пришелъ дружески поговорить съ нимъ, рѣшился навсегда покинуть Карлинъ. Можетъ быть, этой рѣшимости содѣйствовала еще и любовь его, дошедшая до такой степени, что видъ Анны и Альберта былъ для него невыносимымъ мученіемъ. Въ первыя минуты выѣхать изъ Карлина — ему представлялось самымъ легкимъ дѣломъ. Но когда онъ уложилъ всѣ вещи и все было готово къ отъѣзду, тогда только онъ понялъ, что это будетъ стоить ему слишкомъ дорого. Человѣкъ нигдѣ не можетъ безнаказанно прожить долгое время. Онъ привыкаетъ къ мѣстности и окружающимъ лицамъ. Здѣсь одинъ видъ равнодушной, холодной, но каждый день и дружески улыбавшейся ему Анны улаждалъ все; одинъ вечерній разговоръ съ нею служилъ предметомъ неисчерпаемыхъ мечтаній на цѣлую недѣлю. И все это надо было потерять вдругъ! У бѣднаго Алексѣя кружилась голова; онъ окаменѣлъ на мѣстѣ и просидѣлъ весь день, не зная, что происходило съ нимъ. Всѣ вещи были уложены, но онъ не уѣзжалъ, не могъ оторваться отъ Карлина.

Никто не навѣстилъ его, никто не обратилъ вниманія на его отсутствіе во время обѣда, потому что это случалось и прежде. Президентъ держалъ Юліана при себѣ, а прочія лица ничего не знали и не могли предвидѣть случившагося обстоятельства. Алексѣй сидѣлъ одинъ, забытый всѣми, и это ужасно печалило его. Онъ сознавалъ необходимость прекратить всѣ связи съ Карлиномъ, такъ какъ онѣ ничего болѣе не могли принести ему, кромѣ однихъ горькихъ воспоминаній, но у него не доставало силъ на подобный подвигъ. Странныя, беспорядочныя, печальныя мысли бродили въ головѣ его; цѣлый день прошелъ въ лихорадочномъ оцѣпенѣніи. Каждый разъ, какъ Алексѣй порывался съ мѣста, ему приходила на память Анна — и бѣднякъ воображалъ, что онъ долженъ хранить и спасать ее отъ угрожающей опас-

ности, но чрезъ минуту онъ упалъ духомъ и спрашивалъ себя: что я значу здѣсь? имѣю-ли право сказать хоть одно слово?

Въ такой борьбѣ съ самимъ собою Алексѣй просидѣлъ до вечера. Наконецъ, онъ хотѣлъ подняться съ мѣста и ѣхать, но вдругъ почувствовалъ въ головѣ шумъ, во рту — горечь, во всемъ тѣлѣ горячку съ сильною дрожью и жаромъ, въ глазахъ его потемнѣло — и, сойдя кое-какъ со стула, онъ упалъ на кровать, на которой ничего не было, кромѣ соломы. Скоро онъ впалъ въ забытѣе.

Онъ чувствовалъ, что живъ, но не могъ ни шевельнуться, ни позвать кого-нибудь, ни подняться. Предъ глазами его носились видѣнія то насмѣшливо улыбавшіяся, то могиленно-печальныя.

Всѣ, кого Алексѣй зналъ, кого любилъ или ненавидѣлъ, предстали ему въ теперешнемъ болѣзненномъ состояніи: Анна, Юліанъ, Эмилій, мать, старикъ Юноша, Жербенскіе сосѣди, панъ Аванасій, Юстинъ, Поля, а рядомъ съ ними множество незнакомыхъ лицъ. Всѣ эти люди, казалось, негодовали на Алексѣя, всѣ, проходя мимо него, горько упрекали его; каждый, какъ лично обиженный имъ, высказывалъ свое обвиненіе и бросалъ въ него камень. А между тѣмъ Алексѣй — связанный, нѣмой, безсильный — напрасно усиливался сказать что-нибудь въ свое оправданіе, недугъ сковывалъ его языкъ, цѣпи сжимали руки и ноги, тяжелый камень лежалъ на головѣ и груди.

Въ этомъ хаосѣ, на мрачномъ и безпрестанно колебавшемся фонѣ, при необыкновенномъ шумѣ, Алексѣй постоянно видѣлъ новыя явленія, но маленькое облако постепенно заслоняло ихъ; люди вдругъ обратились въ огромные клубы дыма и исчезали; черная, могильная тишина наступила послѣ бѣшенной бури. Алексѣй уже не чувствовалъ и не зналъ, что происходило съ нимъ.

Слуги ушли, никого не было при немъ; въ страшномъ бреду и горячкѣ, больной пролежалъ на кровати до поздней ночи. Но когда всѣ разошлись изъ гостиной, президентъ и Юліанъ вздумали посѣтить Алексѣя.

Они нашли его безъ огня, на непостланной кровати, въ страшной горячкѣ, съ неподвижными глазами, запекшимися губами, со всѣми признаками опасной болѣзни. На сдѣланный вопросъ Алексѣй ничего не отвѣтилъ, даже не узналъ ихъ. Президентъ

сильно испугался. Юліанъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти. Немедленно послали за Греберомъ, и Карлинскій хотѣлъ самъ ухаживать за больнымъ; но президентъ, полагая, что болѣзнь подобнаго рода можетъ быть заразительною, не позволилъ ему этого, почти насильно вывелъ его изъ комнаты и приказалъ позвать Борновскаго, считая его способнымъ на все, даже въ случаѣ надобности умѣвшимъ замѣнить при больныхъ лѣкаря. Объ этомъ случаѣ не сказали Аннѣ и не дали знать въ Жербы, чтобы не испугать старушку мать. Юліанъ, въ сопровожденіи дяди, съ поникшею головою возвратился въ свою комнату.

— Я не приписываю этой болѣзни утреннему волненію, — началъ президентъ, послѣ минутнаго размышленія: — вѣдь я не сказалъ ему ничего слишкомъ рѣзкаго!

— Однако, дѣло очень скверное... Хотя бы, по крайней мѣрѣ, я раньше пришелъ къ нему, — отвѣчалъ Юліанъ. — Все это будетъ лежать у меня на совѣсти. Мы вырвали его изъ спокойнаго быта, онъ привыкъ къ своему положенію и былъ счастливъ, именемъ дружбы вызвали сюда для поправки дѣла, онъ всею душою посвятилъ намъ себя, спасъ брата, забылъ о себѣ — и за все это чѣмъ мы платимъ ему теперь? Хуже, чѣмъ равнодушіемъ, почти неблагодарностью!

Это былъ послѣдній проблескъ благороднѣйшаго чувства въ Юліанѣ, сразу уничтоженнаго слѣдующими холодными словами президента:

— Послушай, все зависитъ отъ взгляда на вещи. Мы дали ему хорошее мѣсто, гдѣ онъ пріобрѣталъ выгоды несравненно больше, чѣмъ отъ домашняго хозяйства, ввели его въ наше общество; онъ дѣлалъ, что могъ, но не сдѣлалъ ничего особеннаго. Эмилій, скоро-ли, долго-ли, поправился бы и безъ него. Наконецъ, мы не выбросили его на улицу. Не забывай — кто мы и кто онъ. За все прочее мы заплатимъ ему.

— Ахъ, дядюшка!

— Отстань, пожалуйста, со своею филантропіей и идеалами! Чего ты испугался? Оскорбленная глупая гордость произвела въ немъ болѣзнь и горячку; вотъ сейчасъ пустятъ ему кровь, дадутъ каломели — и все пройдетъ. Отчаяваться не въ чемъ. Спокойной ночи! — Съ этими словами президентъ вышелъ вонъ, притворяясь болѣе холоднымъ, нежели какимъ былъ на самомъ дѣлѣ.

потому что онъ глубоко чувствовалъ болѣзнь Алексѣя и признавалъ себя главнымъ ея виновникомъ. Но онъ не пошелъ спать, а тихо направился къ квартирѣ Алексѣя и вызвалъ Борновскаго.

— Ну, какъ онъ чувствуетъ себя?

— Да что, ясновѣроятный панъ — обыкновенное дѣло — бредить... горячка! страшная горячка! Я приставилъ ему горчичникъ. Голова точно въ огнѣ, говоритъ разныя разности.

Волнуемый безпокойствомъ, президентъ вошелъ въ домъ и сталъ въ дверяхъ другой комнаты. Вслѣдъ за нимъ вбѣжалъ встревоженный Юліанъ.

Алексѣй лежалъ съ открытыми глазами, изрѣдка прерывая окружающую тишину несвязными и быстро вылетающими фразами. Сначала никто не могъ понять и угадать ихъ значенія; но, спустя минуту, президентъ поблѣднѣлъ и затрясся отъ бѣшенства. Больной нѣсколько разъ произнесъ имя Анны.

— Виноватъ ли я?—говорилъ онъ:—вѣдь я долженъ былъ любить тебя; но я ничѣмъ не обнаружилъ своего чувства—ни словомъ, ни взглядомъ, ни жестомъ. Никто не знаетъ этого, никто, кромѣ меня да Бога. О, Анна, если бы ты знала, какъ мнѣ тяжело покинуть васъ, тебя... и никогда, никогда больше не видѣть тебя, не слышать твоего голоса и быть увѣреннымъ, что послѣ меня, какъ послѣ зимняго снѣга, не останется даже воспоминанія. Вѣдь ты была для меня Беатриче Данта, Лаурою Петрарки, вдохновеніемъ всѣхъ поэтовъ, мечтою. Виноватъ ли я, что упалъ передъ картиною, если и другіе всѣ стояли передъ нею на колѣняхъ! Богъ вложилъ въ меня частицу священнаго огня, озаряющаго сердца и души... и я хорошо вижу ихъ... вижу и тебя... О, ты ангелъ—Анна!

Президентъ выслалъ Борновскаго и слугъ, увидѣлъ Юліана, схватилъ его за руку и отошелъ съ нимъ въ другую комнату въ чрезвычайномъ раздраженіи, почти забывая себя и трясясь отъ бѣшенства.

— Слышалъ? — спросилъ онъ, — слышалъ? Любить Анну! Смѣлъ взглянуть на нее, смѣлъ полюбить ее, смѣлъ мечтать объ ней? Это нахаль! это негодяй, сумасбродъ! Люди услышать ея имя... ея имя въ устахъ подобной твари! Нѣтъ, я запрю его и не пущу сюда ни Гребера, ни ихъ... никого... пусть умираетъ одинъ! Я скорѣе рѣшусь принять грѣхъ [на совѣсть, нежели позволить, чтобы малѣйшая тѣнь упала на Анну!

— Дядюшка, милый дядюшка! вѣдь это горячка.

— Да, горячка, но она обнаружила тайну, подобно тому, какъ буря выбрасываетъ нечистоты и грязь, лежащія на днѣ моря! Не старайся оправдывать его. Это негодяй!... мерзавецъ! сумасшедшій, — повторялъ президентъ въ высшей степени раздраженія. — Иди отсюда и оставь меня одного!

Юліанъ задрожалъ, потому что въ первый разъ видѣлъ президента въ такомъ состояніи.

— Если и въ самомъ дѣлѣ онъ полюбилъ Анну, — отозвался молодой человѣкъ, — то, съ его стороны, тутъ нѣтъ слишкомъ большого грѣха и намъ удивляться нечему. Но вѣдь онъ такъ хорошо скрывалъ свое чувство, что никто не замѣтилъ этого. Притомъ, эта вина не упадетъ-ли частью на насъ, на васъ, дядюшка, и особенно на меня, которые почти насильно втащили его въ Карлинъ? Право, онъ не въ такой степени виноватъ, какъ вы думаете.

— Не говори мнѣ этого, — воскликнулъ Карлинскій. — Анна... смѣтъ поднять на Анну глаза такому ничтожному существу, твари — чуть-чуть выше земного праха.

— Повѣрьте, дядюшка, что не слѣдуетъ намъ сочинять новую драму. Никто не пойметъ и не догадается, о чемъ говорить онъ. Скорѣе по нашимъ лицамъ прочитаютъ, что у насъ произошла необыкновенная, страшная исторія. Пойдемте отсюда, оставимъ все, какъ было, и покажемъ видъ, будто ничего не знаемъ. Вѣдь невозможно совсѣмъ бросить или запретить Алексѣя: это будетъ все равно, что убить его. Пойдемте!

Президентъ задумался и понялъ, что иначе быть не могло. Глубоко взволнованный — онъ принялъ на себя хладнокровный видъ, тихими шагами пошелъ изъ комнаты, поручая больного Борновскому и, проходя мимо слугъ, сказалъ Юліану такъ, чтобы всѣ слышали его:

— Всему этому причиной глупая любовь его къ Аннѣ Польковскій изъ Замѣчка. Видно онъ узналъ, что она выходитъ замужъ за Маршинскаго. — И, такимъ образомъ, отклонивъ, какъ онъ думалъ, подозрѣніе, президентъ возвратился въ свою комнату; но безпокойство не дало ему сомкнуть глазъ.

Анна до поздней ночи нечего не знала. Но когда она уже ложилась спать, одна служанка пришла къ ней съ новостью и

со словъ Борновскаго описала ужасную горячку Дробицкаго, украсивъ свой рассказъ прибавленіями, ходившими между дворнею, то-есть, будто по утру Алексѣй поссорился съ президентомъ, что онъ хотѣлъ уѣхать изъ Карлина, что цѣлый день сидѣлъ запершись въ своей комнатѣ и что уже ночью нашли его безъ чувствъ на кровати. Анна испугалась и тотчасъ-же пошла къ Юліану, чтобы вѣрнѣе узнать о случившемся. Она считала сообщенныя вѣсти преувеличенными, но вмѣстѣ не сомнѣвалась, что въ нихъ заключается часть правды.

При входѣ Анны, печальный и задумчивый Юліанъ ходилъ по комнатѣ. Онъ догадался, зачѣмъ пришла сестра, и устремилъ на нее проницательный взоръ.

— Юліанъ! правда-ли это?—спросила она:—Алексѣй смертельно боленъ? Что такое случилось съ нимъ?

— Боленъ, сильно боленъ, но отчего — не знаю. Поутру президентъ довольно рѣзко поговорилъ съ нимъ, по всей вѣроятности, онъ слишкомъ принялъ это къ сердцу и хотѣлъ уѣхать изъ Карлина. Мы уже послали за Греберомъ.

Анна, повидимому, сильно опечалилась и воскликнула:

— Боже мой! какъ трудно людямъ ужиться на свѣтѣ! Я видѣла, что президентъ не любитъ его, но за что? Почему онъ хотѣлъ удалить его? Найдемъ-ли мы другого, подобнаго ему человека, который-бы могъ быть для насъ въ одно и то-же время помощникомъ, совѣтникомъ и другомъ? Кто замѣнитъ его при бѣдномъ Эмилиѣ?

— Однако, мы должны разстаться съ нимъ,—сказалъ Юліанъ, подходя къ сестрѣ.—Президентъ видѣлъ лучше всѣхъ насъ.

И онъ шепнулъ ей нѣсколько словъ. Анна живо отступила назадъ, покраснѣла и обратила изумленные глаза на брата. На лицѣ ея отразились оскорбленная гордость, какая-то тревога и почти гнѣвъ. Несмотря на свою святость, она сильно почувствовала слова брата и покачала головою.

— Этого не можетъ быть! Вамъ грезится...

— Мы оба слышали... въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Президентъ взбѣсился до такой степени, что я никогда не видывалъ его въ подобномъ положеніи.

— Бѣдный!—воскликнула Анна.—Какъ онъ могъ забыться до такой степени?

— Не понимаю, — отвѣчалъ Юліанъ. — Все это огорчаетъ, мучить, бѣсить меня, и я боюсь, чтобы не захворать также. Ступай въ свою комнату, милая сестра; видишь, что тебѣ даже нельзя выказывать заботливости о немъ; люди и онъ самъ поймутъ это въ дурную сторону. Пусть будетъ, что будетъ!

Анна ушла въ замѣшательствѣ. Слова, сказанныя Юліаномъ на ухо такъ, чтобы даже стѣны не подслушали ихъ, произвели на нее странное впечатлѣніе. Она почувствовала въ сердцѣ не благодарность или состраданіе, а гнѣвъ и въ первый разъ обиженную гордость. Она чувствовала себя оскорбленною, униженною и почти готова была заплакать. Эта любовь представлялась ей въ высшей степени смѣшною, и она боялась, что сама можетъ сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ, а это было-бы для нея величайшимъ несчастіемъ. Гнѣвъ подавилъ въ ея сердцѣ врожденную сострадательность.

Ночью пріѣхалъ Греберъ и тотчасъ пошелъ къ Алексѣю, гдѣ засталъ только дремавшаго и довольно пьянаго Борновскаго, который, вскочивъ на ноги, завѣрялъ честью, что онъ не больше пяти минутъ, какъ вздремнулъ. Первый взглядъ на больного показалъ доктору опасное его положеніе: тифозная горячка, съ сильнымъ воспаленіемъ мозга, развилась съ необыкновенною силою. Медицинскія средства уже немного могли сдѣлать въ настоящемъ случаѣ: оставалось только надѣяться на силы природы и предоставить имъ разрѣшеніе вопроса о жизни или смерти. Притомъ, въ глазахъ Гребера, этотъ бѣдный человѣкъ, покинутый друзьями и лежавшій одинъ, подъ надзоромъ пьянаго дворецкаго, былъ слишкомъ незанимательнымъ пациентомъ. Докторъ равнодушно отдалъ приказаніе, зѣвнулъ, приказалъ изготавить для себя комнату съ кроватью и отправился спать.

По выходѣ Гребера, оставшись исполнителемъ его приказаній, Борновскій прежде всего, для оживленія силъ, приложился къ бутылкѣ и потомъ уже обратилъ вниманіе на больного. Ему представилось, что не стоитъ мучить его до утра; а потому, возложивъ всѣ свои попеченія на молодость и натуру Алексѣя, онъ только вздохнулъ о своей тяжелой обязанности, выкурилъ трубку и преспокойно заснулъ.

Алексѣй лежалъ безъ памяти...

На другой день немного дѣятельнѣе занялись Дробицкимъ.

Послѣ чаю Греберъ самъ пошелъ осмотрѣть его; Борновскаго, боявшагося заразы, замѣнили цирюльникомъ, взятымъ изъ мѣстечка, и ожидали рѣшительной минуты кризиса.

Между тѣмъ Юліанъ, не смѣя извѣстить объ этомъ мать Дробицкаго, потому что немного боялся ея, послалъ за графомъ Юношей, и старикъ тотчасъ пришелъ къ больному. Насунивъ брови, графъ подошелъ къ кровати Алексѣя, — и слезы оросили глаза его при видѣ страшно измѣнившагося лица и грозныхъ признаковъ, какіе старикъ прочиталъ на немъ. Алексѣй, казалось, узналъ его. Графъ сѣлъ около больного и уже не отходилъ отъ него. Ни президентъ, ни Юліанъ не показывались сюда, опасаясь заразы; даже часть замка, гдѣ лежалъ Алексѣй, отдѣлили отъ другихъ частей карантиномъ и избѣгали слугъ, ходившихъ туда. Президентъ нѣсколько разъ спрашивалъ Гребера: нельзя ли Алексѣя свезти въ каретѣ домой? Но всегда послушный докторъ находилъ это совершенно невозможнымъ.

Эмилій, нѣсколько дней не видя своего друга, началъ сильно беспокоиться и спрашивать о немъ, и когда Анна знаками объяснила, что Алексѣй боленъ, сталъ проситься къ нему. Сначала не позволяли этого; но такъ какъ бѣдный глухонѣмой, приходя постоянно въ сильнѣйшее раздраженіе, настоятельно требовалъ, чтобы его свели къ больному, то президентъ, подумавъ немного и пожавъ плечами, наконецъ согласился на просьбу Эмилиа, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Анна извѣстное время не видалась съ братомъ.

Старикъ Антоній свелъ своего паныча въ комнату, гдѣ у кровати Алексѣя сидѣлъ одинъ пасмурный старикъ Юноша. Первый разъ въ жизни подобная картина представилась глазамъ Эмилиа. Завѣшанныя окна, непріятная темнота, тяжелый воздухъ, странная фигура графа въ армякѣ произвели на нѣжнаго Эмилиа болѣзненное впечатлѣніе. Въ страшномъ испугѣ онъ сѣлъ въ ногахъ больного, сжалъ руки и задумался. Глаза Алексѣя, казалось, угадали предчувствіемъ, нашли и даже узнали Эмилиа, потому что онъ безпокойно шевельнулся на кровати.

Напрасно хотѣли увести глухонѣмого назадъ. Съ свойственною такимъ людямъ силою характера онъ воспротивился всѣмъ усиліямъ и остался, попросивъ Антонія знаками сказать сестрѣ и брату, что не разстанется съ тѣмъ, кто провелъ около него такъ много тяжелыхъ дней.

Такимъ образомъ у кровати Дробицкаго сидѣли только старикъ Юноша и Эмили́й. Греберъ, цѣлый день играя въ карты съ президентомъ и Альбертомъ Замшанскимъ, иногда показывался сюда въ такомъ расположеніи, какое почерпалъ во время игры, и проворно уходилъ, каждый разъ обливаясь о-де-колономъ и окуриваясь селитрою.

Вскорѣ наступилъ рѣшительный день, и кризисъ показалъ, что больной останется живъ. Послѣ перелома болѣзни, Алексѣй сталъ поправляться, постепенно приходилъ въ чувство; но, вмѣстѣ съ этимъ въ немъ пробудилось сильное желаніе возвратиться въ Жербы, и онъ каждую минуту твердилъ объ этомъ. Дробицкая до сихъ поръ не знала о болѣзни сына. Юноша два раза былъ у нея и солгалъ, что Алексѣй уѣхалъ по дѣламъ въ городъ. Эмили́й плакалъ и неотлучно сидѣлъ при больномъ — и это до крайности не нравилось президенту.

Наконецъ, по его настоянію, послушный Греберъ позволилъ, въ одинъ теплый день, шагомъ перевезти Алексѣя въ каретѣ домой. Юноша пошелъ впереди этой печальной и неожиданной процессіи, чтобы приготовить Дробицкую.

Увидя его, старушка вышла на крыльцо и воскликнула:

— Ну, что тамъ, Алексѣй воротился?

— Еще вчера, — отвѣчалъ Юноша. — Но немного боленъ.

— Боленъ? А почему вы не говорили объ этомъ? — сердито воскликнула мать. — Развѣ я ребенокъ, что боитесь сказать, что съ нимъ дѣлается? Я знаю, какъ у пановъ заботятся о больномъ: тамъ, вѣрно, не будетъ недостатка ни въ докторамъ, ни въ лѣкарствахъ, ни въ питъѣ, ни въ пищѣ; но кто тамъ будетъ ходить за нимъ, кто поддержитъ и утѣшитъ его?

— Алексѣй ужъ ѣдетъ сюда, — отвѣчалъ Юноша. — Черезъ часъ вы увидите его, только нужно приготовить для него комнату; пусть Янъ переберется пока въ другое мѣсто.

— Такъ онъ сильно боленъ? — спросила мать, дрожа отъ страха и бросая на графа пронизательные взоры.

— Былъ опасно боленъ, не буду скрывать, но теперь ему гораздо лучше.

— Охъ, Боже мой! И мнѣ, и мнѣ — матери ничего не говорили. Я чувствовала что-то недоброе, каждую ночь онъ снился мнѣ блѣдный, страшный и какъ будто просилъ у меня помощи.

Дробицкая нѣсколько минутъ казалась пораженною и без-

сильною; но чувствительность никогда не побуждала въ этой женщинѣ сознанія долга и не убивала дѣятельности. Она правильно стала очищать комнату, приготовляла кровать, плакала и вмѣстѣ распоряжалась.

— Только вы не беспокойтесь, — сказалъ графъ, спустя минуту. — Я былъ около него во все время болѣзни, ни на шагъ не отходилъ отъ него; вмѣстѣ со мною сидѣлъ Эмилій Карлинскій, былъ и докторъ...

— А всё прочіе, вѣрно, и не знали объ этомъ? — воскликнула Дробицкая. — Понимаю, они съ радостью сбываютъ Алексѣя съ рукъ теперь, когда замучили его трудами и, можетъ быть, убили неблагодарностью!

Юноша, хотя зналъ всё обстоятельства, не сказалъ ни слова. Впрочемъ, инстинктъ матери угадалъ исторію болѣзни сына.

Лишь только показался на улицѣ экипажъ, Дробицкая выбѣжала навстрѣчу — ничто не могло удержать ее. Почти всѣ сосѣди также одинъ за другимъ вышли изъ домовъ своихъ и съ любопытствомъ глядѣли на ѣхавшую карету.

— Смотри-ка! смотри! — воскликнулъ панъ Пристіанъ Прусъ-Пержховскій, пуская дымъ сигары; — везутъ къ намъ пана Дробицкаго, да еще въ каретѣ! Это, говорятъ, цѣлая исторія! Замучился бѣдняга, изнылъ отъ скуки. Подѣломъ ему! не водись съ панами.

— Вздоръ мелешь, любезный! — подхватилъ изъ-за изгороди панъ Яцекъ Ултайскій. — А зачѣмъ тебѣ самому хотѣлось попасть въ Карлинъ! Вѣдь ты самъ говорилъ, что представишься туда.

— Я? — возразилъ, смѣясь, панъ Пристіанъ. — Да если бы я захотѣлъ, такъ вѣрно бы сдѣлалъ это, чѣмъ же я хуже Дробицкаго? Но я знаю пановъ!

— Четыре лошади, фореиторъ, желтая карета, два чело-вѣка... какъ бы не забыть и вѣрно пересказать женѣ, она будетъ обо всемъ спрашивать, — шепталъ самому себѣ Юзефатъ Буткевичъ.

— Подѣломъ ему! — ворчалъ панъ Мамертъ, стоя съ трубою на крыльцѣ и поглядывая на тихо подвигавшуюся карету. — Гмъ! не хотѣлъ уступить и продать мнѣ лѣсу. Вотъ тебѣ и дружба съ панами!

— Что это значить? — спрашивалъ панъ Ѳедоръ, протирая глаза и выбѣгая изъ погреба, гдѣ онъ чуть не заснулъ послѣ завтрака. — Что это значить? Почему они такъ тихо ѣдутъ? Кто сидитъ тамъ? — И онъ въ одномъ жилетѣ полетѣлъ къ Пристіану.

— Не знаешь ли, что это значить?

— Это съ такимъ триумфомъ везутъ къ намъ назадъ пана Дробицкаго, — отвѣчалъ Пристіанъ. — Онъ захваралъ, а въ больныхъ тамъ не нуждаются.

— То есть, Алексѣя? въ каретѣ? Что же случилось съ нимъ? Перепилъ, что ли? — спрашивалъ панъ Ѳедоръ, не понимая другой причины болѣзни, кромѣ пьянства. — Да, непременно опился! — продолжалъ онъ, разсуждая съ самимъ собою: — у него хранились ключи отъ подвала со старою водкою; это опасное дѣло, однако пріятное! Вотъ онъ шилъ-шилъ, да и спился съ кругу! Но онъ большой дуракъ, если хотя одинъ боченокъ не захватилъ съ собою. Какъ только выздоровѣетъ, спрошу его. А щегольская водка!

Вдова Буткевичъ также вылетѣла на улицу вмѣстѣ съ Магдусею.

— Панъ Пристіанъ, что это значить? Кто это пріѣхалъ? спросила она.

— Привезли Дробицкаго!

— Какъ привезли? Онъ умеръ?

— Чуть-чуть живъ... опасно боленъ!

— Ахъ, какъ жаль! Что же стало съ нимъ?

— Изволите видѣть, — отвѣчалъ Ултайскій, подходя ко ко вдовѣ, — обыкновенно — какъ водится съ этими панами: президентъ сбругалъ его, а онъ слишкомъ горячо принялъ это къ сердцу. Зачѣмъ подобныя вещи принимать къ сердцу? Прямой молокососъ! Послѣ этого, онъ слегъ въ постель, получилъ *птифуса*... Вотъ оно что! Я тысячу разъ предостерегалъ его насчетъ Карлинскихъ! Они говорятъ сладко, а на пальцахъ у нихъ когти!

Между тѣмъ какъ сосѣди разсуждали такимъ образомъ, Дробицкая, съ сухими глазами и волновавшеюся грудью, шла около экипажа и не говорила ни слова. Слезы заклеились на глазахъ ея. Она хотѣла какъ можно скорѣе увидѣть сына, но

не смѣла взлѣзнуть въ карету. Рѣшившись наконецъ на это, бѣдная старушка въ испугѣ отскочила назадъ, — только одна мать могла узнать Алексѣя. Болѣзнь уничтожила всю молодость и силы его: волосы на головѣ вылѣзли, щеки впали, глаза погасли, кожа пожелтѣла, выраженіе лица совершенно измѣнилось.

— О Боже мой! — воскликнула Дробицкая, ломая руки: — что они сдѣлали изъ него? Алексѣй мой, милый Алексѣй! И я ничего не знала, когда ты боролся со смертію? — Старушка разразилась жестокимъ гнѣвомъ.

— О, эта панская сострадательность, — говорила она: не извѣстить мать, когда дитя умираетъ! Чтожъ? они воображали, что я такая же слабая, какъ они сами? Это подлость! это злодѣйство! Вѣдь я имѣю силы исполнить то, что велитъ Богъ. А тамъ не было при немъ ни одного дружескаго лица, ни одной руки, готовой помочь?

— Ошибаетесь, милая маменька! — отозвался Алексѣй. — Тамъ былъ графъ Юноша, благородный Эмилій — и оба не отходили отъ меня.

— Знаю, но замѣнили-ль они тебѣ мать?

— Ради Бога, будьте осторожнѣе! Ваша раздражительность убьетъ сына, — перебилъ Юноша. — Ему нужно спокойствіе, а не болѣзненные воспоминанія.

— Награди тебя Богъ! Ты говоришь правду, — прошептала мать, успокоиваясь. — Но что вы поступили глупо, такъ ужъ глупо. Вѣдь я не ребенокъ и не понимаю барскихъ церемоній, ваша скрытность обижаетъ меня. Гдѣ мое мѣсто, тамъ я должна быть непременно!

Больного осторожно положили на приготовленную кровать — и когда Алексѣй осмотрѣлся, когда опять очутился въ своей комнаткѣ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ, хотя грустныхъ, но спокойныхъ, слезы ручьемъ брызнули изъ глазъ его. Онъ пожалъ руку матери и брату, и взглядомъ поблагодарилъ Юношу.

— Здѣсь мнѣ лучше, — сказалъ онъ слабымъ голосомъ, — теперь я чувствую, что я подъ родною кровлею, что здѣсь можно мнѣ и простонать, и поплакать, и высказать каждую мысль мою. Спасибо вамъ! Я выздоровѣю.

Но, несмотря на всѣ старанія и заботливость окружающихъ

родныхъ, Алексѣй медленно и постепенно приходилъ въ прежнее положеніе. Несмотря на молодость, болѣзнь оставила въ немъ неизгладимые слѣды на всю жизнь. Молодость, свѣжесть и силы исчезли: онъ сталъ почти дрожащимъ старцемъ, съ обнаженною головою, съ ввалившимися глазами и, что хуже всего, убитый душою. Только любовь къ Аннѣ, какъ лихорадочный сонъ, по временамъ томила его душу. Онъ любилъ еще, но это чувство обратилось въ какую-то идеальную мечтательность, отравляемую горькимъ воспоминаніемъ. Онъ постоянно видѣлъ Анну—этого ангела, улыбающаго Альберту и подающаго ему свою руку. Всѣ эти, прежде любимые имъ люди, предстали теперь въ истинномъ видѣ: съ человѣческими слабостями и неизмѣннымъ легкомысліемъ. Алексѣй теперь лучше зналъ ихъ—и болѣе сожалѣлъ, чѣмъ ненавидѣлъ. Юліанъ и Поля, президентъ, ихъ вліяніе на него самаго, обращеніе съ сиротою—вполнѣ уничтожили прекрасныя завѣсы, прикрывавшія ихъ съ самаго начала. Теперь Алексѣй видѣлъ, что нельзя рассчитывать на эти слабыя существа, что онѣ ищутъ только удовольствій, развлеченія и, считая себя главною цѣлью и центромъ всего—всѣхъ прочихъ братій, смотря по надобности, привлекаютъ къ себѣ или отталкиваютъ. Этотъ высшій, прекрасный, великолѣпный свѣтъ теперь представлялся ему въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ онъ всегда видѣлъ Жербы со своими сосѣдями; только здѣсь эгоизмъ и слабости были очевиднѣе.

Алексѣй всталъ съ одра болѣзни освѣженный, болѣе зрѣлый, болѣе холодный, чѣмъ прежде, и заключилъ своею болѣзнию первую часть жизни, когда мы еще вѣримъ въ ангеловъ, въ исключенія и совершенства. Къ счастью, онъ не впалъ въ другую крайность, и разумъ удержалъ его на границѣ, откуда свѣтъ представлялся ему тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, то есть, страшною смѣсью стремленій къ добру и слабостямъ, мечты и горькой правды, добродѣтелей и пророковъ, поэзіи и прозы, грязи и золота, тѣла и души, драматическою борьбою двухъ началъ, поочередно унижающихъ и возвышающихъ несчастнаго чловѣка.

Х.

Юліанъ не скоро поѣхалъ въ Жербы. Сознавая свою вину, онъ долго и неохотно собирался туда, наконецъ пріѣхалъ хо-

лохный, вѣжливый и совершенно не тотъ, какимъ Алексѣй недавно еще встрѣтилъ его на постояломъ дворѣ. Карлинскій надѣялся найти своего стараго друга сконфуженнымъ, боялся, чтобы онъ не выразилъ желанія возвратиться въ Карлинъ, ожидалъ упрековъ со стороны его матери, но всѣ эти предположенія и догадки не оправдались.

Алексѣй принялъ Юліана холодно и такъ же вѣжливо; съ благородною гордостью и не вспоминая о прошедшемъ, онъ поспѣшилъ сказать своему бывшему другу, что здоровье не позволяетъ ему исправлять должности управляющаго въ Карлинѣ, что другой, безъ сомнѣнія, гораздо лучше поведетъ дѣла и доставитъ имъ больше доходовъ. Дробицкая ни слова не сказала Юліану, приняла его съ достоинствомъ и равнодушно ушла въ свою комнату: она не обнаружила ни гнѣва, ни обиды, хоть сердце ея кипѣло этими чувствами. Начались расчеты. По совѣту президента, Юліанъ привезъ деньги. Но лишь только онъ упомянулъ о нихъ, Алексѣй покраснѣлъ и прервалъ его:

— Мы не согласились съ паномъ президентомъ насчетъ на правленія дѣла съ наслѣдниками Шай; въ твоёмъ присутствіи, онъ прямо сказалъ мнѣ, что я былъ слишкомъ щедръ изъ чужого кармана. Такъ я назначаю эти деньги на пополненіе причиненнаго вамъ по моей неосмотрительности убытка—и не приму ихъ. Пожалуйста, не возражай,—вѣдь ты хорошо знаешь меня, я денегъ не возьму! Поступите съ ними какъ вамъ угодно, а я не возьму ни одного гроша—даю тебѣ честное слово.

Юліанъ сталъ въ совершенный тупикъ. Не зная, что дѣлать, и увидя входившаго въ комнату юношу, онъ отправился къ матери Алексѣя, въ надеждѣ, что съ нею легче покончить дѣло. Старушка, пристально взглянувъ въ глаза Юліану, прямо догадалась, что это значитъ, и сказала панычу:

— Я не могу взять этихъ денегъ,—онѣ принадлежатъ Алексѣю.

— Но Алексѣй вслѣдствіе какой-то излишней щекотливости...

— Бѣдные люди должны быть щекотливы—и даже до излишества! — прервала Дробицкая. — Если Алексѣй не принимаетъ вашихъ денегъ, то, безъ сомнѣнія, видитъ, почему долженъ поступить такъ. Вѣдь и у насъ есть вещи дороже денегъ,—прибавила старушка,—это чувство собственнаго достоинства!

Юліанъ сконфузился и опять побѣждалъ къ Алексѣю. По на-

ставленію дяди, ему хотѣлось непременно кончить счеты съ Дробицкимъ, такъ какъ президентъ боялся, чтобы эта исторія не повредила ему во мнѣніи шляхты и не помѣшала получить давно желаемое званіе губернскаго предводителя дворянства. Поэтому Юліанъ рѣшился еще прибѣгнуть къ посредничеству Юноши, но послѣднему надо было откровенно объяснить все дѣло.

— Изволишь видѣть, милый мой, — отвѣчалъ графъ, — вы знаете, что очень несправедливо поступили съ Дробицкимъ, а за подобныя вещи не платятъ деньгами. У васъ не искореняется исконное заблужденіе, что все можно купить за деньги. Преданіе до сихъ поръ напоминаетъ вамъ прежнюю шляхту; содержа ее, въ качествѣ слугъ, на собственномъ жалованьѣ, вы и мы, цѣлыя двѣсти лѣтъ, по своимъ видамъ, употребляли ее въ дѣлахъ общественныхъ. Начиная *отъ войны Кокосей* *), въ которую, какъ вы знаете, шляхетская независимость послѣдній разъ обнаружила себя раздраженіемъ и угрозами, до пьяныхъ и безумныхъ сеймовъ станиславовскихъ временъ, мы постоянно трудились надъ порабощеніемъ братій шляхты точно такъ, какъ въ древнѣйшія времена сама шляхта поработала крестьянина. Но сегодня шляхтичъ, а завтра крестьянинъ, должны будутъ почувствовать свое достоинство и увидѣть въ себѣ челоуѣка, равнаго намъ по душѣ своей. Вы обидѣли Дробицкаго и хотите заплатить ему деньгами. Онъ оставилъ безъ вниманія и простилъ вашу глупость; но ни онъ самъ, ни окружающіе его друзья и родные, повѣрь, никогда не прикоснутся къ постыднымъ деньгамъ.

— Панъ графъ! — воскликнулъ Юліанъ, — прискорбно слышать, что вы такъ говорите о насъ. Президентъ...

— Я очень уважаю вашего президента, — перебилъ графъ, — но не вижу средства вознаградить обидное слово деньгами. Дробицкій не возьметъ ихъ, и я хвалю его за это. Онъ не умретъ съ голоду, давно знакомъ съ бѣдностью, которая, право, не такъ тяжела, какъ воображаете вы, панычи!

*) Польскій Король Сигизмундъ, названный *Старымъ и Славнымъ*, желая смирить валаховъ, назначилъ общее ополченіе и собралъ около Львова до 150,000 войска. Но въ это время участвовавшая въ походѣ шляхта вдругъ и очень серьезно начала обнаруживать права своей вольности, такъ что король уже не имѣлъ возможности открыть военныхъ дѣйствій и, по случаю наступившей непогоды, долженъ былъ распустить войско. Этотъ случай современныя писатели и называли *Кокосей*, т. е. *куриною войною*.

Съ этимъ и уѣхалъ Юліанъ. Дядя нетерпѣливо ждалъ его на терасѣ, гдѣ поданъ былъ чай. Прекрасная Анна сама наливала его для гостей — двухъ Зашманскихъ и семейства Гиреевичей. Юліанъ и дядя отошли въ сторону.

— Ну, что? — съ улыбкою спросилъ президентъ, — рассчитался?...

— Нѣтъ.

— Какъ -- нѣтъ? почему?

— Дробицкій прямо сказалъ мнѣ, что назначаетъ эти деньги на пополненіе убытковъ по дѣлу съ наслѣдниками Шаи.

Президентъ вспыхнулъ.

— Надо было...

— Я дѣлалъ все, что могъ, но трудно было сладить съ ихъ шляхетскою гордостью, а старикъ Юноша почти обругалъ меня.

— Понимаю, — съ улыбкою прибавилъ дядя, — мы должны будемъ заплатить вдвое противъ теперешняго.

— Нѣтъ! — возразилъ Юліанъ, — могу ручаться, что они не возьмутъ ни гроша. Дробицкій — человѣкъ съ сильнымъ характеромъ.

— Однако, мы не можемъ принять его услугъ даромъ! Пусть отдадутъ эти деньги бѣднымъ.

— Мы должны смолчать и проглотить эту пилюлю за одно ваше слово, милый дядюшка!

— Но что я сказалъ обиднаго? — перебилъ президентъ. Право, не понимаю, откуда берется въ нихъ такая щекотливость. Впрочемъ, довольно! Одинъ я виноватъ въ этомъ дѣлѣ... я... Поэтому, предоставьте одному мнѣ изыскивать средства загладить вину свою.

— Я хотѣлъ-бы просить васъ, дядюшка, объ одномъ: даже не думать объ этомъ.

— Ну, ступай-ка къ Гиреевичамъ! — воскликнулъ нетерпѣливый президентъ. — Ступай къ панинѣ — и предоставь все мнѣ. Альбертъ, хотя и влюбленъ въ Анну, но можетъ и понравиться Зени; а онъ — очень опасный соперникъ!

Послушный Юліанъ пошелъ къ гостямъ.

Молодой Карлинскій былъ уже не тотъ, что прежде. Любовь къ Полѣ давно исчезла въ сердцѣ его, — и, истощивъ въ этой страсти весь запасъ поэзій, какая была въ душѣ его, молодой

человѣкъ сталъ совершеннымъ матеріалистомъ; теперь главная цѣль его была — наслажденіе жизнью и полное довольство. Стремясь всѣми силами къ упроченію себѣ такого положенія, Юліанъ старательно домогался руки Зени, находя ее весьма сносною при милліонахъ, а милліоны — очень нужными для Карлинескихъ.

Въ свою очередь Альбертъ постоянно сближался съ Анною: въ ней забилося сердце, обманутое искусною игрою молодого актера, умѣвшего принимать на себя всѣ необходимыя роли. Президентъ равнодушно смотрѣлъ на это и не смѣлъ противорѣчить Аннѣ, потому что, подобно ей, находилъ въ Альбертѣ Замшанскомъ необыкновенныя достоинства и особенно, какъ говорилъ онъ, рѣдкій тактъ и прекрасный тонъ высшаго общества. Молодые люди постоянно сближались другъ съ другомъ. Анна сдѣлалась печальна, измѣнилась; а мать, со страхомъ слѣдя за развитіемъ этой болѣзни сердца, бросала пронизательныя взоры на президента, такъ какъ собственно отъ него зависѣли будущность и счастье ея дочери.

— Что-быни случилось, — говорила она самой себѣ, — хотя бы даже пришлось поссориться съ президентомъ, но если Анна любить, я непременно женю ихъ!

Между тѣмъ, въ Шурѣ дни проходили ровно, тихо, однообразно. Только панъ Аѳанасій тосковалъ теперь объ Юстинѣ и часто ходилъ къ нему въ Горы, чтобы послушать своего поэта, потому что онъ привыкъ къ звукамъ его голоса, какъ къ шуму деревьевъ въ саду своемъ. Изъ Карлина онъ рѣдко получалъ извѣстія; но возвратившійся оттуда ксендзъ Мирейко сразу принесъ множество новостей.

— Во-первыхъ, — говорилъ онъ, — панъ Дробицкій крѣпко занемогъ тамъ, и президентъ, вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній, отправилъ его домой. Борновскій сообщилъ мнѣ по секрету, что во время болѣзни панъ Дробицкій говорилъ въ бреду разныя диковинки и, между прочимъ, высказалъ, что влюбленъ въ pannу Анну.

Старикъ съ удивленіемъ взглянулъ на ксендза и воскликнулъ жалобнымъ голосомъ:

— Бѣдный юноша! Вздумалъ глядѣть на солнце, чтобы ослѣпнуть!

— Во-вторыхъ, — продолжалъ ксендзъ Мирейко, — панъ

Юліанъ, по наставленію президента, старается получить руку этой милліонной татарки, панны Гиреевичъ!

Аѳанасій подвинулся къ нему со стуломъ и воскликнулъ:

— А, призидентъ, президентъ? Ну, онъ все значеніе основываетъ на деньгахъ. Всегда то же самое заблужденіе, одна и та же ошибка, которая губила и губить насъ! Юліанъ также пропадаетъ! Онъ не думаетъ о будущемъ и обязанностяхъ, а хочетъ жениться, да еще на комъ? А Эмилій?

— Со дня выѣзда Дробицкаго опять занемогъ, сталъ чрезвычайно печаленъ, просится къ своему другу, но ему не позволяютъ даже прокатиться въ Жербы.

— Хотя бы это утѣшеніе дали бѣдняжкѣ. Но Анна? Скажи чтонибудь объ Аннѣ!

— И тутъ новость. Тамъ пріѣхалъ изъ-за границы какой-то молодой человѣкъ и, какъ слышно, увивается около нея, президентъ протектируетъ ему.

Аѳанасій такъ вспыхнулъ, что даже соскочилъ со стула.

— Что вы говорите? Безъ меня? безъ моего совѣта? Кто жъ это такой? Кто смѣетъ ухаживать за Анной? А она что? Говорите скорѣе. Кто этотъ молодой человѣкъ и каковъ собою?

— Родственникъ пана Петра Замшанскаго, заграничный щеголь!

— Это быть не можетъ! Замшанскій!—воскликнулъ Аѳанасій. Президентъ не позволитъ этого. Но что Анна?

— Говорятъ, что панна смотритъ на него такъ, какъ до сихъ поръ ни на кого не смотрѣла, и очень...

Карлинскій сжалъ руки.

— Анна! Анна? святое ангельское существо. Ее отдадутъ какомунибудь животному, которое осквернитъ ее своею страстью. И она жертва! Никто не открылъ ей глазъ. Ея жизнь имѣла другую цѣль. Одна Анна могла подняться выше другихъ, могла возвыситься даже до самоотверженія, даже до святости—и умолять Бога за грѣхи прадѣдовъ. Да нѣтъ, неправда это, сплетни слугъ. Этого быть не можетъ!

Аѳанасій всталъ со стула, началъ ходить по комнатѣ и черезъ нѣсколько минутъ послалъ за президентомъ, приказавъ сказать ему, чтобы онъ какъ можно скорѣе пріѣхалъ въ Шуру. Президента искали дома, потомъ въ Карлинѣ, и только на дру-

гой день онъ явился, частью уже догадываясь, зачѣмъ требуютъ его.

Трудно найти на свѣтѣ двухъ людей, такъ мало похожихъ другъ на друга, какъ эти родные братья. Ихъ понятія и взгляды на вещи были совершенно противоположны. Президентъ называлъ Аѳанасія аристократомъ во Христѣ, Аѳанасій президента — старою вѣтренною мельницею. Они видались рѣдко, обращались холодно и исподтишка острили другъ надъ другомъ.

Аѳанасій, привыкнувъ идти къ цѣли всегда кратчайшею дорогою, взялъ брата подъ руку, вывелъ его въ садъ и спросилъ:

— Что я слышу? что тамъ у васъ дѣлается? Ужели въ вашихъ глазахъ я ужъ не имѣю вовсе значенія? Слѣдовало-бы, хотя ради приличія, приглашать меня на домашнія совѣщанія.

— Милый братъ! — отвѣчалъ президентъ, — по нашему мнѣнiю, ты до такой степени занятъ дѣломъ спасенія души своей, что наши земныя заботы вовсе не интересуютъ тебя.

— Да, я молюсь и тружусь за васъ, — сказалъ Аѳанасій; — но все-таки благоволите объяснить мнѣ, какіе составляются у васъ проекты? Ужъ посторонніе люди доносятъ о нихъ.

— Кажется, у васъ нѣтъ никакихъ проектовъ, исключая женитьбы Юліана.

— Женитьбы Юліана! Вы думаете женить его? Но что онъ сдѣлалъ? Къ чему вы предназначили его? Какую цѣль указали ему? Вѣдь Карлинскій не долженъ жить даромъ. А вы считали достаточнымъ только воспитать его, изнѣжить, испортить и научить наслаждаться жизнью, не думая ни о чемъ.

— Юліанъ и въ настоящемъ своемъ положеніи можетъ быть полезенъ обществу. Зачѣмъ ему порываться къ недоступнымъ вещамъ? Онъ слабый ребенокъ. Я люблю тебя, милый братъ, однако не могу согласиться съ тобою во всемъ. Я обязанъ смотрѣть на вещи такъ, какъ онѣ есть, и не примѣшиваю къ нимъ твоего духовнаго элемента.

— Это худо!

— Но зато я рассчитываю вѣрно.

— Расчеты обманываютъ, если въ нихъ не заключается духовныхъ цѣлей.

— Иначе жить я не умѣю и дѣлаю, что могу. Юліанъ имѣетъ мало, поэтому я и женю его на милліонеркѣ Гиреевичъ.

— Имѣть мало? Такъ пусть сдѣласть много! пусть трудится! Бѣдность не порокъ. Притомъ, не каждый человѣкъ умѣетъ владѣть богатствомъ и употребить его должнымъ образомъ. Прежде всего сдѣлай изъ Юліана человѣка—и не заботься о деньгахъ: деньги дастъ Богъ, который видитъ, кому онѣ необходимы.

Президентъ разсмѣялся.

— Милый братъ! намъ невозможно согласиться другъ съ другомъ: унижись до меня, сойди немножко на землю.

— Лучше самъ поднимись вверхъ, это будетъ для тебя полезнѣе, братъ! Но что Анна? Кто тамъ домогается руки Анны?

— Одинъ изъ знаменитѣйшихъ молодыхъ людей, какихъ только мнѣ случалось встрѣчать въ жизни — Альбертъ Замшанскій.

— Охъ, боюсь, что ты такъ хвалишь его...

— Сегодня онъ будетъ сюда; вотъ ты и узнаешь его самъ; они пріѣдутъ послѣ обѣда.

— Очень радъ буду ему, и впередъ говорю, что для Анны я потребую отъ него слишкомъ многого.

— И я не удовольствуюсь малымъ. Этотъ молодой человѣкъ...

— Хорошо, хорошо; мы увидимъ его.

Послѣ обѣда, дѣйствительно, пріѣхали Петръ Замшанскій съ племянникомъ. Хозяинъ проворно вышелъ къ нему навстрѣчу и устремилъ въ искателя руки Анны такой испытующій, такой немилосердно-проницательный взоръ, что, несмотря на свою самоувѣренность, Альбертъ смѣшался отъ этого ясновидящаго взора.

— И это вы называете совершенствомъ! Это мужъ для Анны!—говорилъ президенту Аѳанасій. Это кукла, превосходно обученный попугай, но въ немъ нѣтъ ни души, ни сердца; въ немъ языкъ замѣняетъ всѣ достоинства.

Президентъ молчалъ. Альбертъ по-своему старался понравиться старцу, ловко принаровляясь къ извѣстнымъ ему понятіямъ. Но здѣсь ему не такъ легко было дѣйствовать. Аѳанасій всю жизнь свою провелъ въ работѣ надъ мыслями. Очаровать его порадоксами, отуманить гипотезами, ослѣпить остроуміемъ—было невозможно. Онъ схватывалъ каждую идею, высказанную

Альбертомъ, заставляя analyzing ее, объяснять, задавалъ свои вопросы и не позволялъ отдѣлываться легкими отвѣтами. Всегда смѣлый и богатый запасомъ Альбертъ почувствовалъ слабость, измѣнилъ планъ стратегіи и перешелъ къ ласкательству, поддакиванію и выраженію восторга отъ высокихъ мыслей старика. Доведя Альберта до такого положенія, Аѳанасій замолчалъ и больше не испытывалъ его, какъ будто добрался до грунта: онъ вполне понялъ молодого человѣка, первый взглядъ не обманулъ его.

— Послушай, братъ!—сказалъ онъ президенту, уже сбившемуся ѣхать. Это попугай съ красивыми перьями! Болтаетъ онъ хорошо; но я предпочелъ бы ему простого человѣка—съ душою и сердцемъ, а у него въ груди пусто. Это кукла, братъ, кукла!

— Анна любить его!—отвѣчалъ президентъ съ торжествующимъ видомъ.

Аѳанасій поблѣднѣлъ, сжалъ руки и болѣе не говорилъ ни слова.

XI.

Между тѣмъ, Алексѣй, по мѣрѣ выздоровленія, все болѣе и болѣе грустилъ о Карлинѣ. Время, проведенное въ замкѣ, оставило въ его сердцѣ глубокое впечатлѣніе, и даже гнѣвъ за обиду не могъ изгладить въ немъ тайной привязанности. Алексѣй оправдывалъ всѣхъ, обвинялъ одного себя и, если бы не стыдился, вѣрно опять поѣхалъ бы къ Эмилию и къ Аннѣ, пошелъ бы къ нимъ въ слуги, въ презрѣнные рабы, только бы опять жить въ атмосферѣ, къ которой привыкла грудь его.

Напрасно Юноша насмѣшками, а мать ласковыми убѣжденіями старались обратить его къ дѣятельности, къ занятію хозяйствомъ, къ прежней жизни. Алексѣй равнодушно слушалъ эти наставленія и тосковалъ сильно и глубоко. Большею частью онъ цѣлые дни проводилъ въ своемъ садикѣ и тамъ, опершись головою на руки, неподвижно глядѣлъ на Карлинъ, уносился мыслями къ Аннѣ. Однажды ему пришли на память Юстинъ и Поля—и онъ вдругъ рѣшился побывать въ Горахъ, такъ какъ до сихъ поръ не зналъ, какъ живутъ эти люди, чрезвычайно интересовавшіе его.

Мать, опасаясь, что Алексѣй отправится къ Юліану, не прежде согласилась отпустить сына въ Горы, пока онъ не завѣрилъ ее честнымъ словомъ, что поѣдетъ только къ Юстину и Полѣ, и строго наказала Парфену отнюдь не возить паныча въ Карлинъ, хотя бы онъ приказывалъ ѣхать туда.

Парфень, по прежнему веселый и говорливый, желалъ въ дорогѣ развлечь Алексѣя и постоянно заговаривалъ о разныхъ предметахъ; но его усилія были напрасны: Дробицкій только полусловами и вздохами отвѣчалъ ему.

— Какъ его свалило съ ногъ!—наконецъ сказалъ Парфень самому себѣ.—Совсѣмъ другой сталъ человекъ. Бывало и пошутится, и пошутить, а теперь, какъ изъ камня, ничего не выжмешь изъ него.

Парфень, при отъѣздѣ, завѣрялъ чество, что не собьется съ дороги, а между тѣмъ такъ ошибся, что только къ вечеру они увидѣли Горы.

Солнце уже сѣло, когда возокъ остановился передъ крыльцомъ, но ни одна душа не вышла изъ дома.

Оглядѣвшись вокругъ, Алексѣй вошелъ въ переднюю, но и въ ней никого не было. Наконецъ, уже въ третьей комнатѣ, онъ увидѣлъ Полю, сидѣвшую передъ фортепіано, съ опущенными руками. Поднявъ голову, Поля вскрикнула при видѣ Алексѣя, хотя она сразу узнала прежняго знакомя, но сочла его призракомъ, вставшимъ изъ могилы: до такой степени онъ измѣнился и постарѣлъ!

Черезъ отворенныя двери въ садъ Алексѣй увидѣлъ Юстина. Услыша крикъ жены, Юстинъ обернулся, всталъ съ мѣста и проворно вошелъ въ комнату. Онъ съ чувствомъ обнялъ стараго друга и воскликнулъ:

— Ты ли это, Алексѣй? Что сдѣлалось съ тобою? Какъ ты измѣнился!

У Поли показались на глазахъ слезы. Она угадала, что именно измѣнило бѣднаго Алексѣя. Но и она тоже была только тѣнью прежней веселой дѣвушки. Исхудалая, съ ввалившимися и сверкавшими лихорадочнымъ блескомъ глазами, она похожа была на цвѣтокъ, который засохъ и умеръ отъ недостатка того, что должно было жить и поддерживать его.

— Бѣдный! — воскликнула Поля, — и ты, и ты также

убить, — это неизбежная участь всѣхъ, кто сближается съ ними.

— Я былъ боленъ, — возразилъ Алексѣй. Не знаю, какимъ чудомъ я остался живъ... и... покинулъ Карлинъ.

Слезы навернулись на глазахъ его.

— Мы ничего не слыхали, — произнесла Поля, — но, думая о тебѣ, я предчувствовала конецъ драмы. У нихъ все оканчивается такимъ образомъ.

Алексѣй взглянулъ на Юстина — и онъ также не былъ прежнимъ поэтомъ, вѣрующимъ въ свои пѣсни и будущее: страданье разбило его и склонило къ землѣ.

— Ты не забылъ насъ, — сказалъ Юстинъ, — да наградить тебя за это Богъ! Садись и прежде всего рассказывай, что случилось съ тобою.

— Ничего не знаю, и ничего не буду говорить о себѣ, — отвѣчалъ Алексѣй. — Я пріѣхалъ посмотреть на васъ, а не для того, чтобы наводить тоску.

— Что новаго въ Карлинѣ? — съ беспокойствомъ спросила Поля.

— Уже давно я не былъ тамъ, мы разошлись, — прибавилъ Алексѣй, потупя голову, — и больше не видимся.

Юстинъ незамѣтно удалился, не желая препятствовать разговору жены. Поэтъ видѣлъ, что при немъ бѣдная Поля будетъ гтѣсняться, и хотѣлъ дать ей свободу.

— Говори прямо, говори откровенно! — сказала сирота. — Юстину все извѣстно. Говори объ Юліанѣ.

— Но что я могу сказать о немъ? Развѣ то, что онъ живетъ весело и женится.

Поля горько улыбнулась.

— На комъ? Разумѣется на богачкѣ?

— На Зени Гиреевичъ.

— Говорятъ, она хорошая музыкантша?

— Не знаю, не слыхалъ.

— А какъ поживаетъ Анна? — спросила Поля, пристально всматриваясь въ Алексѣя.

— Анна, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, усиливаясь скрыть свое волненіе, — Анна идетъ замужъ за...

— Альберта? неправда ли? Я предчувствовала это. Наконецъ и ея сердце забилося! Она любитъ! Счастливица!

Потомъ, схвативъ Дробицкаго за руку, Поля произнесла съ глубокимъ волненіемъ:

— Другъ! почему Богъ даетъ однимъ счастье, а другимъ посылаетъ испытанія? Панъ Аѳанасій говоритъ, что все это происходитъ по законамъ правосудія, что тайна судебъ нашихъ откроется въ другомъ мірѣ. Безъ будущей жизни, дополняющей бѣдную долю нашу, мы ничего бы не поняли здѣсь и были бы поставлены въ необходимость сойти съ ума, умереть съ отчаянія. Вижу, что и ты страдаешь. Какъ хотѣлось бы облегчить тебя!.. Когда угаснетъ молодость, когда уже ничего нѣтъ на этой бѣдной землѣ, рѣшительно ничего, тогда мы видимъ передъ собою огромное кладбище всего святого, прекраснаго, любимаго нами. Невидимая рука открываетъ хранящіяся въ могилахъ кости и прахъ, и мы видимъ въ гробахъ: нашу любовь въ бѣломъ саванѣ, вѣру въ людей, надежду на жизнь, друзей. На каждой могилѣ цвѣтутъ невидимыя лиліи, на каждой читаемъ ужасное: *Навѣки!* и, вмѣсто *Dies irae*, только насмѣшливая улыбка летаетъ надъ кладбищемъ.

Съ этими словами Поля вдругъ отвернулась, чтобы скрыть свои слезы, и бросилась къ открытому фортепіано. Ея руки съ лихорадочною торопливостью коснулись клавишей и съ дикимъ восторгомъ заиграли извѣстный вальсъ Штрауса, который кто-то шутя называлъ: *Жизнь—танецъ, танецъ—жизнь...*

— Ради Бога, не играй этого! — воскликнулъ прибѣжавшій съ крыльца Юстинъ. — Вѣдь ты знаешь, какъ этотъ вальсъ разстраиваетъ тебя.

Музыка умолкла. Вскорѣ зажгли огонь, и Юстинъ старался навести разговоръ на менѣе печальные предметы. Поля молчала, равнодушно слушала рассказы Алексѣя и старалась казаться спокойной, такъ какъ глаза мужа ни на минуту не сходили съ нея. Но когда Дробицкій замолчалъ, она шепнула ему:

— Говори еще, говори о нихъ больше!

XII.

Въ Ситковѣ происходила страшная суета по случаю домогательства Карлинскаго — получить руку Зени. Его услужливость и вниманіе къ родителямъ и паннѣ съ каждымъ днемъ выража-

лись очевиднѣе, а между тѣмъ, судьба единственного дѣтища чрезвычайно занимала Гиреевичей, желавшихъ для нея самой блистательной партіи. Имя Карлинскихъ, ихъ связи, имѣніе, — все говорило въ пользу Юліана. Несмотря на это, графъ Гиреевичъ колебался: онъ слышалъ, что Карлинскіе обременены долгами, и зналъ, что президентъ былъ въ довольно затруднительномъ положеніи; онъ боялся, что и Юліанъ пойдетъ по слѣдамъ своихъ предковъ. Графиня прямо держала сторону Карлинскихъ, хотя, по словамъ ея, онъ и Зени были очень молоды, и притомъ ей хотѣлось еще видѣть со стороны Юліана болѣе доказательствъ привязанности. Но всѣ эти соображенія родителей уничтожались волею избалованной, самовольной, увлеченной молодымъ человѣкомъ дочери. Юліанъ очень понравился ей — и она прямо объявила, что охотно приметъ его предложеніе.

Юліанъ казался счастливымъ и составлялъ палны супружеской жизни. Молодые предполагали немедленно ѣхать за границу. Зени хотѣла взять нѣсколько уроковъ у Тальберга, Листа и Прудана, потому что серьезно воображала въ себѣ гениальныя способности къ музыкѣ. Юліанъ мечталъ о Парижѣ, Неаполѣ, Швейцаріи и минеральныхъ водахъ, гдѣ такъ хорошо проводить время. Но, по временамъ, заглядывая въ глубину своего сердца, вспоминая Полю, Юліанъ не могъ обманываться въ характерѣ настоящей привязанности. Она была холодная и искусственная. Безъ милліоновъ, безъ надежды вояжировать, Зени была для него самою обыкновенною дѣвушкой.

Впрочемъ, Юліанъ былъ увѣренъ въ своемъ будущемъ счастьѣ.

Дядя чрезвычайно радовался такой счастливой перемѣнѣ въ племянникѣ.

Полковница, готовилась почти ссориться за дѣтей своихъ, если бы президентъ вздумалъ препятствовать ихъ счастью. Она вскорѣ замѣтила склонность Анны къ Замшанскому, но, изнѣженная, расхваленная панна Гиреевичъ со своимъ виртуозничествомъ и милліонами не слишкомъ правилась ей. Президентъ сваталъ ее — и одно это уже охлаждало мать. Она имѣла основаніе думать, что Зени, привыкшая играть въ своемъ домѣ главную роль, и въ Карлинѣ никому не захочетъ подчиниться. Но для пани Дельріо чувство всегда стояло на первомъ мѣстѣ; она готова была пожертвовать всѣми опасеніями, если только Юлі-

анъ скажетъ, что питаетъ привязанность къ Зени. Допросивъ сына, она замолчала, такъ какъ ясно видѣла, что ея предостереженія ни къ чему не послужатъ. Юліанъ, секретно поговоривъ съ будущею своею женою и узнавъ ея мысли, наконецъ поѣхалъ съ президентомъ къ ея родителямъ и сдѣлалъ формальное предложеніе.

Излишне описывать страшный испугъ и ужасный вой, поднявшійся въ Ситковѣ, когда Гиреевичи, спросивъ дочь, узнали, что она, съ своей стороны, соглашается на предложеніе и хочетъ выйти замужъ. Зени была душою дома, родители жили только своею дочерью и не могли представить, что будутъ дѣлать, когда она покинетъ ихъ.

— Но что мы будемъ дѣлать одни? Кто утѣшитъ насъ? — восклицалъ графъ. — Нѣтъ, мы не можемъ и одного дня прожить безъ милой дочери!

— Вѣдь Карлинъ недалеко отъ Ситкова, — возразилъ президентъ. — Мы будемъ составлять одно семейство, попеременно жить вмѣстѣ и тамъ, и здѣсь.

— Ни я, ни жена моя не проживемъ безъ нея! Нѣтъ! — восклицалъ Гиреевичъ, ломая руки.

— Милый графъ! рано ли, поздно ли, но вы должны будете выдать дочь свою замужъ.

Родители потребовали, чтобы молодые жили въ Ситковѣ, потомъ предложили другія условія, спрашивая обо всемъ Зени, наконецъ постепенно дѣлали уступки — и въ тотъ же день совершенно было обрученіе: со стороны Карлинскихъ — дорогимъ перстнемъ, оставшимся послѣ прадѣда, а со стороны Гиреевичей — стариннымъ обручальнымъ кольцомъ съ солитеромъ, которое, по преданію, принадлежало Маріи Стюартъ, — на что имѣлись свидѣтельства — *съ печатями*, прибавилъ Гиреевичъ, *съ печатями!*

Свадьбу назначили черезъ полгода, такъ какъ надо было сдѣлать пышное, но, по возможности, дешевое приданое. На другой день послѣ обрученія Юліанъ вспомнилъ, что онъ совсѣмъ забылъ про дядю Аѳанасія и не попросилъ у него благословенія. Надо было немедленно ѣхать въ Шуру.

Молодой Карлинскій почти со страхомъ подъѣхалъ къ жилищу дяди. Хозяина онъ встрѣтилъ въ длинной аллеѣ, ведущей прямо къ дому. Старецъ съ палкою возвращался изъ Горъ и,

здороваясь съ племянникомъ, упомянулъ о поэтѣ и Полѣ, не зная, какъ сильно поразить его этимъ.

— Иду изъ Горь отъ Юстина и Поли, — сказалъ онъ. — Что-то не везетъ имъ счастье; червь точить эту молодую и прекрасную чету. Рѣшительно не понимаю ихъ. Пріѣхали со слезами и теперь сидятъ дома, задумчивые, и страдаютъ, какъ будто уже разочаровались другъ въ другѣ. Вотъ каково человеческое счастье! Почти не попробовали его, а уже во рту стало горько.

Юліанъ покраснѣлъ, смѣшался и поспѣшно отвѣчалъ дядѣ:

— Не станемъ говорить о нихъ. Сегодня больше, нежели въ другое время, я боюсь печальныхъ предвѣщаній для моей будущности.

— Такъ ты думаешь о будущемъ? Слава Богу! — перебилъ Аванасій. — А мнѣ президентъ наговорилъ тутъ о какихъ-то планахъ насчетъ твоей женитьбы... да еще на комъ? на дочери Гиреевичей! Ты очень молодъ для женитьбы. До сихъ поръ ты ничего не сдѣлалъ ни для общества, ни для себя, ни для насъ: слѣдовательно, имѣешь ли право думать о женитьбѣ?

— Милый дядюшка! что же можно сдѣлать въ теперешнія времена?

— Все! Во-первыхъ, быть полезнымъ гражданиномъ; во-вторыхъ, избрать себѣ дорогу, намѣтить цѣль. Но прежде всего, и главнымъ образомъ, образовать въ себѣ духовнаго человѣка. Ты колеблешься, до сихъ поръ не сдѣлался никѣмъ и ничѣмъ.

— Увы! У меня нѣтъ силъ быть кѣмънибудь больше, — вздохнулъ Юліанъ. — Я поневолѣ долженъ запереться дома.

— Можешь и дома трудиться, размышлять, только обрати взоры на будущую жизнь и сообразуй съ ней настоящую. Ты — Барлинскій! Безъ слезъ, даже съ душевною радостью я увидѣлъ бы тебя умирающимъ ради какойнибудь великой идеи, мученикомъ, апостоломъ, исповѣдникомъ; но безъ скорби не сумѣю смотрѣть на тебя въ то время, когда ты запрещаешься въ холодную скорлупу черепокожного животного или сдѣлаешься червякомъ, держащимся на засохшемъ листочкѣ.

Юліанъ рѣшился прекратить затруднительный разговоръ искреннимъ признаніемъ.

— Дядюшка! простите меня! Худо ли, хорошо ли, но я сдѣ-

лалъ рѣшительный шагъ: я люблю и уже обручился, черезъ полгода назначена свадьба.

— Охъ, это худо, очень худо! — воскликнулъ Аванасій, отступивъ отъ племянника. — Следовательно, ты погибъ, а съ тобою и все мы погибли. Теперь придется ждать новаго поколѣнія — не принесетъ ли оно намъ новой надежды. И всему причиною президентъ! Но на комъ ты женишься? На дочери Гиреевичей? Проклятая корысть! У нихъ деньги выше всего на свѣтѣ.

— Я знаю, что въ глазахъ вашихъ я представляюсь безумцемъ! — прибавилъ онъ, спустя минуту. — Мои совѣты вовсе не заслуживаютъ вашего вниманія; только изъ вѣжливости и, можетъ быть, изъ милости вы приходите извѣстить меня уже о рѣшеномъ дѣлѣ! Напрасно я истощался въ совѣтахъ, напрасно! Паденіе было неизбѣжно... и вы падете! Подобно всемъ нашимъ панычамъ, ты въ скоромъ времени сдѣлаешься бесполезною и холодною куклою. Анну вы отдаете другому такому же человѣку безъ сердца; онъ умѣетъ прекрасно болтать и проговорить всю жизнь, потому что въ немъ нѣтъ ни вѣры, ни энергіи для дѣятельности. У Эмилія отняли друга. Такъ ужъ больше ни о чемъ не совѣтуйтесь со мною, не ѣздите къ старому безумцу... не за чѣмъ! Съ горестью въ сердцѣ, всегда полнымъ любви, я пропою по васъ *Requiem aeternam*. Ни богатство, ни связи, ни свѣтское остроуміе не спасутъ васъ отъ паденія: вы падете! непременно падете! И мои глаза закроются и некому будетъ даже оплакать васъ!

Юліанъ стоялъ, потупя голову, и не зналъ, что сказать. Но вдругъ онъ почувствовалъ себя въ дрожащихъ объятіяхъ старца, и горячая слеза канула ему на голову.

Свершилось! — проговорилъ Аванасій тихимъ голосомъ. — Свершилось! Болѣе я не стану упрекать: да благословить тебя Богъ и да отвратитъ отъ тебя гнѣвъ свой!

Аванасій отеръ глаза и началъ говорить какъ будто самому себѣ:

— Напрасныя усилія! Другія времена, другія потребности, другой характеръ современности! Надо отказаться отъ родовыхъ предназначеній. Теперь Провидѣніе призываетъ другихъ дѣятелей въ виноградникъ свой; всемогущая десница Божія, какъ въ первыя времена христіанства, нисходитъ теперь на бѣдныхъ рыбаковъ,

на мытарей, простой народъ, а мы сдѣлались недостойны выбора, насъ удалили отъ мученичества.

XIII.

Дробицкій нѣсколько дней прожилъ въ Горахъ. Поля припоминала ему Карлинъ. Онъ не могъ равнодушно смотрѣть на сироту, добровольно умирающую отъ горести, и на убитого тоской Юстина—и сталъ думать, чѣмъ бы помочь имъ. О самомъ себѣ онъ уже не заботился. Поэтъ, какъ бы предчувствіемъ угадавъ въ Алексѣй друга, часто оставлялъ его наединѣ съ Полей, и въ подобныя минуты бѣдная сирота изливала передъ нимъ горькія воспоминанія объ Юліанѣ и Аннѣ. Она также поняла сердце своего друга. Разъ они вышли вдвоемъ подъ старыя липы, окружающія домъ. Вдали сидѣлъ Юстинъ—точно статуя, и, устремивъ глаза на воду, мечталъ не о великой поэмѣ, но о своемъ несчастіи. Алексѣй указалъ Полю на задумчиваго поэта и произнесъ:

— Посмотри,—жизнь улетѣла изъ него. Ты пожертвовала имъ для Юліана и теперь не хочешь заплатить ему за эту жертву.

— Чѣмъ?—спросила Поля.—Что у меня есть, кромѣ слезъ?

— Надо скрыть слезы. Ты обязана жить для него и примирить съ жизнью.

— Но посмотри на меня: гдѣ силы? Я хочу смерти.

— И его хочешь положить вмѣстѣ съ собою въ могилу? Поля! это —эгоизмъ, это недостойно тебя и твоего великаго сердца! Трудись, молись, напрягай силы, и вы оба встанете. Не говорю, что ты будешь счастлива; знаю, что есть чувства, управляющія всю жизнь; но ты по крайней мѣрѣ будешь спокойна, если спасешь его. Принеси еще одну жертву, Богъ дастъ тебѣ силы!

Поля расплакалась, схватила руку Алексѣя и съ глубокимъ чувствомъ пожала ее.

— Благодарю тебя. Значить,—ты считаешь меня лучше, сильнѣе и выше, нежели какова я на самомъ дѣлѣ. Но ты не знаешь меня; первая любовь все унесла съ собою!

— Не будемъ говорить о ней. Человѣкъ, вдохнувшій эту любовь, не стоилъ ея. Ты больше обязана Юстину, нежели ему.

Юстинъ имѣть право роптать на тебя и проклинать судьбу свою; онъ былъ обманутъ и принесенъ въ жертву для Юліана; ты разрушила его будущность. Но посмотри—жалуется ли онъ, проклинаетъ ли убійцу? Онъ молчитъ, плачетъ и думаетъ о тебѣ, потому что любить тебя: твой долгъ вознаградить его за это.

— Нѣтъ, не могу! Первый обманъ совершенно истощилъ меня—и я не найду въ себѣ силъ обмануть другой разъ, хотя бы даже для его счастья.

— Сжался надъ нимъ!—прошепталъ Алексѣй.

При этихъ словахъ они подошли къ пруду, гдѣ на берегу сидѣлъ Юстинъ. Поля незамѣтно отошла въ сторону и оставила друзей однихъ. Однако Алексѣй успѣлъ замѣтить на лицѣ Поли какую-то серьезную задумчивость, происходившую отъ внутренней борьбы. Сѣмя было брошено—и Алексѣй не сомнѣвался, что оно взойдетъ.

Спустя нѣсколько часовъ, Алексѣй поѣхалъ домой съ чувствомъ душевнаго спокойствія отъ мысли, что его посѣщеніе принесетъ пользу страдальцамъ.

Между тѣмъ, въ Жербахъ мать очень беспокоилась о сынѣ и, при встрѣчѣ съ нимъ, искала на его лицѣ послѣдствій поѣздки и слѣдовъ душевной борьбы. Спокойствіе просвѣтлѣвшаго лица сына очень обрадовало старушку. Она только взглядомъ спросила Парфена: не заѣзжали-ли они куда нибудь въ другое мѣсто; но тотъ отвѣтилъ отрицательнымъ киваніемъ головы. Эта поѣздка была для Алексѣя въ полномъ смыслѣ спасительнымъ лѣкарствомъ. Теперь онъ думалъ о Юстинѣ и Полѣ и ожидалъ для нихъ счастья, котораго не вкусилъ самъ.

Такимъ образомъ, прошло довольно времени—и бѣдная мать, видя, что суровость ея не приноситъ никакой пользы и только лишь раздражаетъ сына, стала уже ласкать его—какъ будто еще больного; наконецъ, обратилась за совѣтами и помощью къ Юношѣ.

— Да что я могу сдѣлать?—возразилъ графъ.—Единственный врачъ его болѣзни—время. Развѣ я мало говорилъ съ нимъ?

— Испытайте другія средства! Дѣлайте, что угодно, только возвратите мнѣ сына!

Старикъ покачалъ головою. Онъ долго размышлялъ—какъ бы помочь Дробицкому, но ничего не могъ придумать.

Въ Карлинѣ совершенно забыли Дробицкаго. Одинъ Эмилиі хорошо помнилъ, какъ объяснялъ онъ домашнимъ, своего друга, отца, благодѣтеля и съ безпокойствомъ порывался къ нему. Президентъ всѣми средствами удерживалъ его. Анна, а по любви къ ней и Альбертъ, старались замѣнить Эмилию Алексѣя; но Эмилиі почувствовалъ къ Альберту сильную антипатію, и нерасположенность его къ Замшанскому была слишкомъ очевидна.

Эмилиі каждый день просилъ у сестры и брата позволенія сѣздить въ Жербы и безпрестанно указывалъ на эту деревню, зная, что тамъ жилъ Алексѣй. Президентъ велѣлъ наконецъ сказать Эмилию, что Дробицкій разсердился на нихъ и не приметъ его; но это еще болѣе раздражило глухонѣмого: онъ непремѣнно хотѣлъ извиниться предъ Алексѣемъ и опять пригласить его въ Карлинъ. Анна, всегда краснѣвшая при воспоминаніи о Дробицкомъ, напрасно старалась внушить брату, что онъ требуетъ невозможнаго. Эмилиі качалъ головою и не могъ понять этого.

Но когда братъ и сестра, дядя и мать наотрѣзъ отказали ему въ удовольствіи видѣть любимаго Алексѣя, тогда несчастный сталъ каждый день просить и умолять своего надзирателя — секретно сѣздить въ Жербы. Старикъ Антоній плакалъ и утѣшалъ его обѣщаніями, но не смѣлъ исполнить ихъ.

Президентъ, Анна и Юліанъ, выведенные изъ терпѣнія ежедневными настояніями глухонѣмого, служившими для нихъ упрекомъ совѣсти, наконецъ, въ одинъ день, позволили ему ѣхать въ Жербы. Эмилиі обезумѣлъ отъ радости. Нарвавъ въ саду и въ оранжереѣ любимыхъ Алексѣемъ цвѣтовъ, онъ выбѣжалъ изъ комнатъ и стоялъ въ конюшнѣ, понуждая скорѣе запрягать лошадей. Старикъ Антоній едва могъ остановить его отъ рѣшимости отправиться пѣшкомъ, такъ какъ, указывая на Жербы, глухонѣмой хотѣлъ ѣхать туда, не ожидая лошадей. Онъ сѣлъ въ повозку съ задумчивою улыбкою и во всю дорогу выражалъ жестами, какъ ему хочется скорѣе пріѣхать въ деревню и обнять Алексѣя.

Дробицкій также грустилъ объ Эмилиѣ, но вовсе не ожидалъ его къ себѣ. Поэтому, когда, услыхавъ стукъ экипажа, онъ выбѣжалъ на крыльцо и Эмилиі бросился ему на шею, плакалъ отъ радости и покрывалъ его поцѣлуями, то Алексѣй самъ раз-

чувствовался до слезъ и испыталъ въ эти минуты самое чистое, святое удовольствіе.

Поздоровавшись съ Алексѣемъ, Эмилиі схватилъ цвѣты и самъ снесъ ихъ въ комнату. Между тѣмъ на лицѣ его выразалось и удивленіе: привыкнувъ къ замку и прекрасному карлинскому саду, онъ не могъ понять дома, крытаго соломой, и маленькой комнаты друга.

— Почему у тебя нѣтъ замка и прекрасныхъ комнатъ?

— Потому что я бѣденъ, — отвѣчалъ Алексѣй.

Эмилиі не могъ хорошенько понять бѣдности и Алексѣю пришлось долго объяснять ему значеніе этого слова.

— А я богатъ или бѣденъ?

— Вы богаты.

— Въ такомъ случаѣ, я могу подѣлиться съ тобою.

— Ты думаешь, что мнѣ нужно это? Богатство не даетъ счастья. Въ этомъ домикѣ, гдѣ я родился, мнѣ такъ же хорошо, какъ тебѣ въ Карлинѣ.

Далѣе глухонѣмому хотѣлось узнать, почему Алексѣй оставилъ ихъ и почему не пріѣзжаетъ въ Карлинъ. Трудно было сказать ему всю правду, и Дробицкій отдѣлся общими фразами.

Алексѣй забавлялъ Эмилию, какъ ребенка, и очень радъ былъ пріѣзду несчастнаго, потому что во всемъ Карлинѣ только онъ остался вѣренъ старому другу.

Уже смеркалось, но Эмилиі не хотѣлъ ѣхать назадъ, указывалъ на софу, гдѣ онъ могъ спать, и посылалъ Антонія въ Карлинъ одного, цѣлуя и упрасивая старика, чтобы тотъ позволилъ ему остаться въ Жербахъ. Но такъ какъ президентъ строго наказалъ въ тотъ-же день возвратиться домой, то необходимо было ѣхать. Эмилиі умолялъ Алексѣя побывать въ Карлинѣ и назначилъ мѣсто свиданія въ саду, если онъ хочетъ избѣжать встрѣчи съ другими лицами. Жалко было отнять эту надежду у несчастнаго, но возможно ли было осуществить ее.

— Пріѣзжай ко мнѣ; я не могу быть тамъ! — отвѣчалъ Дробицкій.

Эмилиі расплакался, какъ ребенокъ, и его насильно посадили въ повозку; даже старуха Дробицкая была взволнована этою картиною. Эмилиі почти помирилъ ее съ Карлиномъ.

XIV.

Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ визита въ Горы, Алексѣй опять поѣхалъ къ Юстину. Его влекли туда любопытство и предчувствіе, что усилія его не будутъ напрасны. Онъ нашелъ въ Горахъ большія перемѣны. Юстинъ выбѣжалъ къ нему съ лицомъ почти прежнимъ—веселымъ и воодушевленнымъ надеждою. Поля сидѣла у фортепіано и занималась музыкой, сдѣлавшейся ея единственнымъ удовольствіемъ. Юстинъ шепнулъ гостю, что надѣется на выздоровленіе жены, но Алексѣй не замѣтилъ никакой перемѣны на лицѣ несчастной жертвы: желаніе счастья обманывало Юстина. Правда, на щекахъ Поли былъ румянецъ, въ глазахъ блескъ, на устахъ улыбка, но она показалась Дробицкому гораздо хуже, чѣмъ въ первый визитъ: ея истощеніе было очень замѣтно, а убійственная болѣзнь еще замѣтнѣе.

— Видишь, — почти весело сказала она, подходя къ Алексѣю и подавая ему руку, — я послушалась тебя, тружусь, развлекаю Юстина, забочусь о немъ, хлопочу по хозяйству и, въ самомъ дѣлѣ, теперь мнѣ лучше, гораздо лучше! Я спокойна... а ты?

— Я, какъ видишь, еще держусь на ногахъ... живу, — отозвался Алексѣй.

— Ты нисколько не поправляешься.

— Со временемъ поправлюсь, — съ горечью проговорилъ Алексѣй.

Больше всего обрадовало Дробицкаго состояніе Юстина. Поэтъ возвратился къ любимымъ занятіямъ: опять собиралъ пѣсни и преданія, опять мечталъ о великой гомерической эпопее изъ славянскихъ преданій. Ему казалось, что Поля любитъ его, что все старое навсегда забыто.

Но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Поля еще разъ съ твердымъ самопожертвованіемъ отреклась отъ слезъ, улыбалась, казалась веселою и спокойною, чтобы уладить нѣсколько дней жизни своему бѣдному мужу. Алексѣй ясно видѣлъ положеніе дѣла, но обманывалъ себя тою мыслью, что сильное напряженіе воли часто производитъ чудеса, если оно соединяется съ твердою рѣшимостью. Между тѣмъ, безпрестанная борьба съ собою,

внутреннее страданіе и неутомимая дѣятельность, держа Полю въ постоянной лихорадкѣ, уже произвели зародышъ смерти. Дни ея были сочтены.

Алексѣй уѣхалъ печальный и опять провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ однихъ предчувствіяхъ и догадкахъ. Наконецъ, письмо Юстина пробудило его. Поэтъ просилъ Дробицкаго привезти доктора Гребера, потому что жена его немного ослабѣла и должна была слечь. Изъ письма поэта видно было, что онъ считалъ болѣзнь жены незначительною и не опасною. Алексѣй тотчасъ полетѣлъ въ мѣстечко и не скоро уговорилъ доктора ѣхать въ Горы.

Впрочемъ онъ согласился на усиленные просьбы Дробицкаго только потому, что Поддубинецъ былъ въ сношеніяхъ съ Карлинскими.

Поздно вечеромъ они пріѣхали въ Горы. Юстинъ встрѣтилъ ихъ на крыльцѣ со спокойнымъ и даже веселымъ лицомъ.

— Какъ здоровье Поли? — спросилъ Алексѣй.

— Теперь хорошо, исключая маленькой слабости.

Когда Греберъ вышелъ изъ комнаты больной и попросилъ чаю, Алексѣй очень испугался мрачнаго выраженія доктора.

— Что скажете о болѣзни? — тихо спросилъ Дробицкій.

Докторъ пожалъ плечами и отвѣчалъ:

— Въ послѣдней степени чахотка! Черезъ два дня она умретъ.

Дробицкій поблѣднѣлъ. Къ счастью, возвращавшійся Юстинъ не замѣтилъ этой перемѣны. Поля приказала просить друга въ свою комнату.

Алексѣй, въ глубокомъ волненіи, вошелъ къ ней. Поля сидѣла на кровати, немного склоняясь на подушку, и была такъ прекрасна, какъ, кажется, не была во всю жизнь. Страданіе не оставило на лицѣ ея никакихъ слѣдовъ истощенія, потому что ее воодушевляла великая жертва, принесенная ею; только черты ея стали идеальнѣе, взглядъ глубже, улыбка невиннѣе и прелестнѣе. Когда Алексѣй подошелъ ближе, она положила палецъ на губы и сказала тихимъ голосомъ:

— Тсъ! не говори ни слова Юстину; хорошо, если мы сократимъ для него хотя одинъ тяжелый день, а дни мои уже сочтены, смерть приближается съ быстротою молніи; онъ пере-

страдаетъ и переживаетъ ее... Бѣдный, благородный Юстинъ! Я знаю, что умру. Не понимаю, что происходитъ со мною, но чувствую недостатокъ жизненныхъ силъ, что-то быстро порывающееся къ концу, какое-то нетерпѣніе, поспѣшность...

Она закашлялась и остановилась.

— Завтра позови ко мнѣ ксендза. О, если-бы и онъ вздумалъ пріѣхать сюда!.. Я могла-бы, по крайней мѣрѣ, сказать, что прощаю его!

— Зачѣмъ? — воскликнулъ Алексѣй.

— Правда, нѣтъ, нѣтъ, не нужно! Я не могу и не хочу видѣть его! Это огорчило-бы Юстина; но вѣдь ты скажешь ему когда-нибудь... Ахъ, нѣтъ! и говорить не слѣдуетъ... Поля заплакала.

— Завтра — ксендза... пожалуйста, другъ!.. Конецъ можетъ придти скоро... А ты?.. какъ чувствуешь себя? О, худо! худо! такъ-же, какъ и я! Скажи мнѣ, вѣдь я все знаю!

— Надо все забыть...

— Да, счастливы тѣ люди, которые умѣютъ забывать, а я не могу! Каждый вздохъ напоминаетъ мнѣ о прошедшемъ, каждый звукъ. Ахъ, если-бы я могла еще разъ видѣть его и услышать, что и онъ простилъ меня. Если-бы ты извѣстилъ его!

Алексѣй молчалъ.

— Правда, это невозможно! — прибавила Поля, спустя минуту. — Какъ я смѣшна съ подобными желаніями!

Больная остановилась и, подвинувшись къ Алексѣю, сказала еще тише:

— Поручаю тебѣ Юстина. Въ первыя минуты не дай ему освоиться съ тоскою... Надо сейчасъ-же выжечь ее, какъ укусъ бѣшеной собаки, иначе она вопьется въ сердце и сведетъ его съ ума, какъ свела меня.

— Разговоръ изнурителенъ и вреденъ для тебя... Я пойду! — сказалъ Алексѣй, замѣтивъ усиливавшійся румянецъ на щекахъ ея.

— Минутой раньше или позже, но я непременно умру, такъ стоитъ-ли думать объ этомъ? О, если бы я знала, что увижу его, то дорожила-бы жизнью! Но нѣтъ, вѣдь ты не привезешь его ко мнѣ?

— Не могу... не имѣю возможности, — отвѣчалъ Алексѣй. — И для чего тебѣ видѣть его?

— Да, это невозможно! Однако такъ хотѣлось-бы послѣдній разъ взглянуть на него, потомъ закрыть глаза, ничего больше не видѣть—и отойти къ вѣчному сну съ его образомъ...

— Поля!

— Нѣтъ, нѣтъ! Видишь — я молчу... и больше не скажу ни слова! Ты не позволяешь... О, ты жестокъ... и къ себѣ, и ко мнѣ. Но ты видѣлъ ее?

— Кого?

— Анну! Не видалъ? О, ты силенъ, ты крѣпокъ... Какъ я завидую тебѣ! А я отдала-бы половину краткихъ дней моихъ, даже больше, только-бы снесли меня туда, только-бы я могла умереть тамъ... подъ липами... Анна не имѣетъ сердца!

Больная договаривала эти слова со слезами. Но вдругъ во всемъ домѣ поднялась суматоха, раздался стукъ экипажа, Юстинъ выбѣжалъ на крыльцо, и черезъ минуту послышались шаги въ смежныхъ комнатахъ. Поля вскрикнула, со свойственнымъ больнымъ ясновидѣніемъ:

— Ахъ, это она! это она!

Алексѣй въ испугѣ соскочилъ съ мѣста, поблѣднѣлъ и оглядывался—куда-бы уйти. Юстинъ подошелъ къ кровати жены и сказалъ ей съ улыбкою:

— Поля, пріѣхала гостя. Панна Анна была въ Шурфъ, она узнала тамъ о твоей болѣзни и пріѣхала къ намъ. Позволишь ей войти?

Поля задрожала. Ей пришелъ на память Карлинъ; но у нея сперлось дыханіе, и, совершенно ослабѣвъ, бѣдняжка только указала рукою на двери.

Алексѣй исчезъ; боковыми дверями онъ выбѣжалъ въ садъ, приказалъ запрягать лошадей и, хотя была ночь, отправился въ Жербы.

Анна, не желавшая встрѣтиться съ нимъ, не нашла его въ комнатѣ Поля; безпокойно оглянувшись во все стороны, она испѣшно бросилась въ объятія больной; она давно хотѣла видѣть свою подругу, но мать и президентъ не пускали ее. Къ счастью, Аванасій, понимавшій вещи иначе, прямо сказалъ Аннѣ, что она обязана ѣхать къ больной, и потому, уполномоченная дядею, Анна въ тотъ же вечеръ пріѣхала въ Горы.

Долго не видавшись съ Полею, Анна испугалась страшной

перемѣны, какую нашла въ ней. Но хорошенькая сирота, уже отеревъ слезы, съ веселою улыбкою встрѣтила подругу дѣтства. Гости и хозяйка долго молчали. Поля напрягала послѣднія силы, чтобы не опечалить Анну и не отравить послѣдней минуты свиданія съ нею. Живо посыпались вопросы и отвѣты. Анна, прежде всего, начала говорить объ Юліанѣ, не воображая, что привезла съ собою новую болѣзнь для умирающей.

— Конечно, ты ужъ знаешь, что Юліанъ страстно влюбленъ, — сказала она.

— Мы ничего не знаемъ здѣсь, — поспѣшно отвѣчала Поля. — Горы точно Шура — спятъ въ безмолвныхъ лѣсахъ. Никто не бываетъ у насъ.

— И уже обрученъ, — продолжала Анна. — Теперь онъ постоянно живетъ у Гиреевичей. Зени также влюблена въ него; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ свадьба.

Поля улыбнулась, хоть эта улыбка дорого стоила ей.

— Невозможно представить себѣ болѣе приличной, прекрасной и счастливой партіи: оба молоды, происхожденіе, состояніе, вкусы — все превосходно сошлось у нихъ. Президентъ устроилъ это дѣло. Я боялась, чтобы Юліанъ не причудничалъ, но онъ только съ самаго начала былъ равнодушенъ, а теперь любить, ни о комъ больше не говоритъ и не думаетъ, какъ о ней, чрезвычайно веселъ, теперь ты не узнала бы его.

— Да, я такъ давно не видала его.

— Правда, ты имѣешь полное право сердиться, что мы не навѣщали тебя; но мамаша, дядя президентъ, потому безпрестанные гости... Можетъ быть, ты знаешь, что и у меня есть надежды? — Анна покраснѣла.

— Да, слышала. Жаль, что я такъ мало знаю его.

— Но вотъ, узнаешь, онъ пріѣдетъ къ вамъ. Стыдно признаться тебѣ, но это человѣкъ, какого не случалось мнѣ встрѣчать въ жизни: въ полномъ смыслѣ превосходный!

— Такъ ты любишь, бѣдная Анна! — воскликнула Поля, не имѣя силъ больше владѣть собою. — О, дай Богъ тебѣ счастья!

— Еще не знаю, — прибавила Карлинская, — чѣмъ кончится это. Мамаша рѣшительно на его сторонѣ; она спрашивала меня, я призналась, что онъ мнѣ нравится. Президентъ еще не сказалъ окончательнаго мнѣнія. Юліанъ любитъ его, какъ брата.

Только дядя Аѳанасій, не знаю почему, не полюбилъ его, но онъ такой добрый: препятствовать не будетъ.

Разговоръ былъ неисчерпаемъ; для Поли каждая малѣйшая подробность, переносившая ее въ Карлинъ, была пріятна и драгоценна. Она спрашивала обо всемъ: о своей комнатѣ, о цвѣтахъ, мебели, о жизни въ Карлинѣ, обо всемъ, что случилось послѣ ея отъѣзда; она не вспоминала объ Юліанѣ, но каждая мысль сироты относилась къ нему. Наконецъ, когда надо было разстаться, Поля, по выходѣ Анны, упала въ обморокъ, и ей сдѣлалось гораздо хуже.

На другой день пріѣхалъ ксендзъ Мирейко, которому Алексѣй послалъ изъ корчмы длинное письмо. Капуцинъ прибылъ какъ будто съ визитомъ и, оставивъ Св. Дары въ часовнѣ, вошелъ къ больной съ веселою наружностью человѣка, уже привыкшаго встрѣчаться со смертью. Играя своимъ поясомъ и весело разговаривая съ Полею, онъ, между прочимъ, спросилъ: не хочетъ ли она исповѣдаться?

— Да, я очень желаю этого, — живо сказала Поля, — но вы предупредите мужа, чтобы не испугать его — я готова.

Съ Юстиномъ не трудно было объяснить.

— Твоя жена больна, — сказалъ ему ксендзъ, — и панъ Аѳанасій прислалъ меня сюда исповѣдать и причастить ее.

— Кажется, она не въ такой степени больна, чтобы думать объ опасности.

— Развѣ исповѣдь нужна только въ опасности? — возразилъ ксендзъ Мирейко.

— Но это можетъ встревожить ее.

— Не бойся, милый мой; напротивъ, это еще успокоитъ... ужъ я говорилъ съ нею.

Юстинъ не противорѣчилъ болѣе, и больная въ тотъ же день, при Аннѣ, неповѣдалась, пріобщалась Св. Тайнъ и тотчасъ попросила читать отходную. Это испугало мужа, но его успокоили. Греберъ, между тѣмъ, шепнулъ Аннѣ, что Поля сегодня или завтра умретъ. Анна осталась при ней.

Въ награду тяжкихъ жертвъ, милосердный Богъ усладилъ послѣднія минуты жизни Поли. Анна привела ей на память любимый Карлинъ, лѣта дѣтства, Юліана.

Поэтъ вовсе не вѣрилъ въ смерть жены, и, какъ будто для

поддержанія его въ этомъ невѣдѣніи, больная стала чувствовать себя гораздо лучше, потому что кончинѣ всегда предшествуетъ послѣднее напряженіе жизненныхъ силъ. Цѣлый день она дышала свободнѣе, лихорадка уменьшилась, румянецъ исчезъ; но, передъ вечеромъ обнаружались грозные признаки смерти — у больной отнялся языкъ.

Внезапно пораженный, Юстинъ оцѣпенѣлъ, но все еще не вѣрилъ до тѣхъ поръ, пока Анна не стала читать надъ больною предсмертныя молитвы и толстая восковая свѣча не озарила почти безжизненное лицо его жены.

Въ самую полночь изъ груди больной вырвалось нѣсколько тяжелыхъ вздоховъ, и бѣдная Поля скончалась.

Юстинъ долго стоялъ на колѣняхъ у холодной руки ея — въ самозабвеніи, безъ слезъ и рыданій... Наконецъ ксендзь Мирейко и Греберъ отвели его прочь. Анну тотчасъ отправили домой и послали за Алексѣемъ; даже и Юстину совѣтовали ѣхать въ Шуру, но онъ не соглашался на это и сказалъ окружающимъ:

— Я останусь здѣсь отдать послѣдній долгъ покойницѣ. За меня не опасайтесь, — моя жизнь уже потеряла свою цѣну; притомъ я никому не нуженъ.

Придя въ себя, поэтъ созвалъ людей и началъ хлопотать о погребеніи, объ одеждѣ для умершей, о гробѣ, могилѣ, самъ выбралъ для жены бѣлое платье и поддерживалъ Полю, когда женщины убирали ее на вѣчный покой, самъ далъ ей въ руки крестъ и, запечатлѣвъ на бѣломъ, мраморномъ челѣ послѣдній поцѣлуй, собственными руками перенесъ драгоценныя останки въ комнату со стороны сада, обставилъ цвѣтами, украсилъ зеленью, потомъ самъ положилъ ее въ гробъ, устланный благовонными растеніями, и, не имѣя силъ ни плакать, ни успокоиться, какъ часовой — неотлучно ходилъ вокругъ гроба. Наканунѣ погребенія, Юстинъ пошелъ на деревенское кладбище и, найдя тамъ тихое убожище для вѣчнаго покоя между двумя березами, приказалъ построить большой склепъ, гдѣ бы помѣстились не одинъ, а два гроба, и на собственныхъ плечахъ внесъ жену въ новое жилище. Скорбь и отчаянье поэта были тѣмъ мучительнѣе, что не обнаруживались ни слезами, ни стономъ. Пока зарывали гробъ, онъ стоялъ на колѣняхъ, и

Когда уже всѣ разошлись, онъ еще долго молился надъ могилою. Наконецъ, вставъ съ мѣста и не возвращаясь въ опустѣвшій домъ, онъ прямо съ кладбища отправился въ Шуру.

Аеанасій уже зналъ о смерти Поля и ждалъ къ себѣ Юстина.

Увидя его, старикъ открылъ свои объятія и, не говоря ни слова, крѣпко прижалъ къ сердцу любимого питомца.

Облитая слезами Анна возвратилась въ Карлинъ. Юліанъ вмѣстѣ съ Альбертомъ выбѣжалъ навстрѣчу съ самымъ веселымъ лицомъ и сигарою въ зубахъ; но увидя измѣнившееся лицо сестры, страшно испугался и спросилъ ее:

— Что это значитъ? Ужели какое нибудь несчастье случилось въ Шурѣ?

— Нѣтъ, милый братъ, нѣтъ! — прошептала сестра, — но Поля, наша бѣдная Поля умерла...—Анна взглянула на брата. Дрожа всѣмъ тѣломъ, Юліанъ искалъ, на что бы опереться.

— О, я убилъ ее! — воскликнулъ онъ, забывъ объ окружающихъ.

Эти странныя и съ перваго разу непонятныя для сестры слова глубоко огорчили президента. Онъ схватилъ племянника за руку и повелительно потащилъ его за собою, пригласивъ Альберта помочь ему. Такъ хорошо скрываемая до сихъ поръ тайна внезапно обнаружилась. Къ счастью, только сестра, дядя и одинъ посторонній человѣкъ были свидѣтелями восклицанія забывшагося Юліана.

Президентъ, чувствуя, что вина смерти сироты упала и на его совѣсть и, вмѣстѣ, жалѣя племянника, ни на шагъ не отходилъ отъ него. Но отчаяніе Юліана было, однако, непродолжительно. На другой день вмѣстѣ съ Альбертомъ его отправили къ сосѣдямъ на охоту, съ визитами — и онъ не отговаривался. Опасаясь, чтобы какія нибудь вѣсти не дошли до Зени, его черезъ недѣлю свезли съ Ситково. Впрочемъ, президентъ былъ тамъ еще раньше, и печаль бѣднаго племянника о сиротѣ объяснилъ братскою привязанностью. Въ первые дни Юліанъ плакалъ и вздыхалъ, ходилъ по саду и высказывалъ президенту свою скорбь и угрызеніе совѣсти, но холодный и прозанческій дядя умѣлъ представить прошедшее въ такомъ свѣтѣ, что постепенно успокоилъ племянника.

Совсѣмъ иначе страдалъ Юстинъ. Онъ уже не хотѣлъ воз-

вернуться въ Горы и опять поселился въ Шурѣ. Аѳанасій лѣчилъ его печаль вѣрою, молитвою и благочестивыми наставленіями, не принуждалъ молодого человѣка забыть прошедшее, а объяснялъ ему обязанности земной жизни и сладость союза, соединяющаго насъ съ другимъ лучшимъ миромъ. Старецъ не запрещалъ своему питомцу опять блуждать по лѣсамъ и ходить по деревнямъ. Во время такихъ путешествій Юстинъ часто заходилъ на Горское кладбище и проводилъ тамъ цѣлые дни.

Юстинъ не позволилъ ничего тронуть въ своемъ домѣ и все оставилъ въ томъ видѣ, какъ покинула его покойница. Иногда онъ заходилъ туда, по нѣскольку часовъ сидѣлъ въ задумчивости передъ нѣмымъ ея фортепіано и блуждалъ глазами по разбросаннымъ и покрытымъ пылью нотамъ, то приходилъ въ темную комнатку, гдѣ она скончалась, и съ грустью смотрѣлъ на кровать, покрытую ковромъ и обставленную засохшими цвѣтами...

И онъ пережилъ свое несчастье! Милосердный Богъ не рѣдко въ самомъ зародышѣ болѣзни уже посылаетъ человѣку спасительное лѣкарство. Такъ было и съ Юстиномъ: собственно печаль о подругѣ привязывала его къ жизни. Поддубинецъ началъ вести прежній образъ жизни, ходилъ по деревнямъ, прислушивался къ голосу пѣсенъ и любовался природою. Только одного Юліана онъ не могъ видѣть и, каждый разъ, какъ тотъ пріѣзжалъ въ Шуру, Юстинъ бѣжалъ въ поле и лѣсъ, чтобы не встрѣтиться съ нимъ.

Нерѣдко Юстинъ отпраивался на кладбище вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ; тогда старецъ бросалъ свою палку и книгу и, вмѣстѣ съ питомцемъ, окапывалъ могилу, пересаживалъ цвѣты, поливалъ ихъ и забавлялся этимъ, какъ ребѣнокъ.

XV.

Карлину опять улыбались надежды. Альбертъ былъ уже нарѣченнымъ женихомъ Анны, а Юліанъ, занятый своею женитьбою, экипажемъ и лошадьми, совершенно забылъ о Полѣ. Такой перемѣнѣ молодого человѣка содѣйствовали еще приготовленія къ свадьбѣ, счастливо, обратившія его вниманіе

къ пустымъ предметамъ. Надо было со вкусомъ и аристократически, принять въ Карлинѣ панну Гиреевичъ, такъ какъ, переходя сюда изъ ситскаго музеума, она могла быть слишкомъ взыскательна. Для нея приготовили особую половину со множествомъ рѣдкостей, приобрѣли фортепіано Плейеля, ноты, органъ-гармонику. Юліанъ исключительно занимался выборомъ цвѣтовъ ливреи, экипажей, лошадей, мебели, закупленной въ Варшавѣ, устройствомъ и украшеніемъ гербовъ и былъ сильно озабоченъ до тѣхъ поръ, пока все это не было признано удовлетворительнымъ.

Нечего и говорить, что свадьбу праздновали великолѣпнѣйшимъ образомъ. Несмотря на свою скупость, графъ Гиреевичъ усиливался во всемъ соблюсти приличный блескъ и самъ хвалилъ себя за это, утверждая вслухъ, что въ околоткѣ никогда не видали ничего подобнаго. Зени, услышавъ что-то насчетъ Поли, нѣсколько времени дулась на будущаго супруга, но такъ какъ послѣдній ловко оправдался клеветою злобнаго свѣта, то панна великодушно простила ему эту вину и довольно весело прыгнула на персидскій коверъ передъ алтаремъ и сошла съ него уже пани Карлинскою.

Старикъ Гиреевичъ плакалъ — какъ боберъ, и утѣшалъ жену, заливавшуюся горькими слезами о томъ, что Зени еще такъ молода! Впрочемъ, несмотря на неописанную горестъ, оба они, по неотступной просьбѣ гостей, въ тотъ же вечеръ играли на скрипкѣ и гармоніи и вызвали множество рукоплесканій. Гиреевичъ исполнилъ дуэтъ съ віолончелью, а графиня сыграла двѣ пѣсни изъ Оберона.

На другой день, во время великолѣпнаго бала въ Ситковѣ, къ которому приглашено было слишкомъ сто фамилій, Зени явилась въ старинныхъ драгоценныхъ камняхъ Карлинскаго дома, подаренныхъ ей мужемъ предъ свадебнымъ ужиномъ. Старикъ Гиреевичъ, страстный охотникъ хвастаться, поочередно рассказывалъ гостямъ на ухо, что этотъ уборъ въ свое время стоилъ слишкомъ десять тысячъ дукатовъ, а огромный смарагдъ на ожерельѣ подаренъ былъ однимъ султаномъ Карлинскому, бывшему посломъ въ Стамбулъ, и т. п.

Теперь почтенные читатели, вы имѣете право еще спросить меня: какъ зажила Юліанъ со своею супругою? Это не трудно

понять. Они зажили въ полномъ смыслѣ великолѣпно и прилично. Въ счастью, избалованная Зени не имѣла никакихъ страстныхъ желаній: она, при каждомъ удобномъ случаѣ, хвасталась своими музыкальными способностями, искала похвалъ, потому что привыкла къ нимъ, любила общество, требовала вояжей— и больше ничего не нужно было ей. Юліанъ, въ свою очередь, былъ добрымъ и снисходительнымъ, никогда не противорѣчилъ женѣ, а недостатокъ глубокой привязанности замѣнялъ чрезвычайною вѣжливостью и услужливостью, а потому они жили довольно счастливо и согласно. Правда, ~~не~~ дальше, какъ чрезъ два года послѣ женитьбы, Карлинскій часто, подъ предлогомъ хозяйственныхъ распоряженій, отлучался изъ замка и проживалъ въ одномъ домѣ въ мѣстечкѣ, гдѣ, какъ говорили, жила прежняя горничная жены его, веселая, улыбающаяся, черноглазая и чернобровая дѣвушка, но объ этомъ зналъ, можетъ быть, одинъ президентъ и не считалъ преступленіемъ того, что племянникъ пошелъ по его слѣдамъ. Черезъ нѣсколько времени, Фанцу помѣстили въ домикѣ близъ замка, но она вскорѣ вышла замужъ за актера, а Юліанъ, погрузивъ короткое время, нашелъ вмѣсто нея другую.

Эмилій жилъ у брата. Но по отѣздѣ Анны, Юліанъ вовсе не занимался имъ: бѣдняжка сидѣлъ одинъ въ комнатахъ вмѣстѣ съ Антоніемъ, либо въ саду подъ липами, и рѣдко приходилъ въ гостиную, потому что Зени боялась его. Эмилій секретно ѣздилъ иногда въ Жербы. Даже хотѣли было отправить его въ Варшаву, но президентъ нашелъ это ненужнымъ. Пробужденный на короткое время разсудокъ опять заснулъ, потому что ему не давали никакой пищи. Эмилій опять сдѣлался ребенкомъ, сталъ печаленъ, одичалъ; наконецъ, въ одинъ день, сидя въ саду и заглядѣвши на облака, онъ простудился и умеръ отъ горячки. Чтобы не произвести непріятнаго впечатлѣнія на Юліана и жену его, старикъ Антоній въ слѣдующую ночь перевезъ тѣло глухонѣмого въ кладбищенскую часовню и, при помощи одного Алексѣя, распорядился бѣднымъ его погребеніемъ. Президентъ не приказалъ дѣлать великолѣпныхъ похоронъ; поэтому Эмилія положили только въ сосновый гробъ, окрашенный черною краскою, и помѣстили въ фамильномъ склепѣ.

Юліанъ, слишкомъ занятый перемѣною обоевъ и мебели,

уже спустя недѣлю узналъ о смерти брата — и то случайно, когда потребовалъ къ себѣ старика Антонія, бывшаго прежде обойщикомъ. Его супруга, прекрасная Зени, всегда глядѣвшая на глухонѣмого со страхомъ, нисколько не огорчилась его смертью, а президентъ прямо сказалъ, что для Эмилія больше всего надо было желать смерти и что Богъ давно долженъ былъ умиласердиться надъ нимъ. Немедленно представилась крайняя надобность въ двухъ комнатахъ Эмилія; въ нихъ помѣстили старую горничную Зени, съ гитарою и двумя сабачками, а оставшіяся послѣ покойника вещи выбросили вонъ. Старикъ Антоній, со своимъ молитвенникомъ и очками, пошелъ доживать послѣдніе дни въ маленькой избушкѣ за флигелями.

Послѣ обрученія съ Альбертомъ, Анна немедленно поѣхала вмѣстѣ съ Зени въ Варшаву, чтобы сдѣлать тамъ великолѣпное приданое. Женихъ полетѣлъ въ Познань для покупки дома, потому что на первый разъ надо было куда нибудь привести жену, но это не удалось ему. Президентъ и Юліанъ, влюбленные въ него не меньше Анны, значительно охладѣли, когда узнали, что Альбертъ почти ничего не имѣетъ; но Анна уже чрезвычайно привязалась къ нему и дѣла зашли очень далеко: слѣдовательно, невозможно было думать о разрывѣ. Поэтому, уже не отправляя молодыхъ въ Познань, дядя и братъ должны были назначить Аннѣ два фольварка изъ Карлинскаго имѣнія.

Свадьбу праздновали въ Карлинѣ скромно и безъ пышности. Первые дни супружеской жизни были въ полномъ смыслѣ прекрасны: счастье молодыхъ представлялось самымъ вѣрнымъ и надежнымъ, Альбертъ былъ чрезвычайно чувствителенъ, а жена влюблена въ него до безумія.

Надо отдать справедливость Замшанскому за то, что впоследствии онъ избавился отъ многихъ недостатковъ. Ему не трудно было любить Анну, потому что кто не любилъ бы ангела! Но предъ глазами обманутой женщины постепенно исчезало очарованіе, окружавшее до сихъ поръ предметъ любви ея.

Изъ высшаго, остроумнаго, искренняго и чувствительнаго существа, обладавшаго великимъ разумомъ и многосторонними познаніями, Альбертъ въ скоромъ времени сталъ для нея тѣмъ, чѣмъ былъ самъ на самомъ дѣлѣ, то есть человекомъ ловкимъ и, подобно всѣмъ современнымъ юношамъ, заботившимся

только о хорошей жизни и наслажденіяхъ. Изумленная Анна постепенно открывала въ немъ не только обыкновеннаго, даже ничтожнаго человѣка; въ ледяной груди его нашла мертвое сердце, въ улыбающихся устахъ—холодъ скептицизма, а вмѣсто мыслей—однѣ фразы. Печаль отуманила лицо несчастной, обманутыя надежды поразили сердце.

Анна сосредоточилась въ самой себѣ, утѣшалась молитвами и строгимъ исполненіемъ обязанностей, сдѣлалась еще серьезнѣе, никогда не жаловалась даже передъ Богомъ и, не имѣя силъ ни любить, ни уважать мужа, старалась, по крайней мѣрѣ отъ человѣческихъ глазъ скрыть великую, болѣзненную ошибку, отравившую жизнь ея. А когда родился у нея ребенокъ, то она увидѣла въ немъ лучъ Божьяго милосердія: теперь она была не одна и видѣла впереди для себя цѣль.

XVI.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ остальныхъ Карлинскихъ—и, во-первыхъ, о президентѣ. Вскорѣ послѣ свадьбы Анны неожиданно возвратилась изъ-за границы жена его, такъ какъ вояжи наконецъ надоѣдали ей, и сейчасъ-же объявила, что съ этихъ поръ она будетъ всегда жить дома и только для одного милаго супруга играть на арфѣ. Это обстоятельство очень разстроило положеніе президента, уже привыкшаго жить по холостому; но онъ, съ выраженіями чувствительности, даже съ радостью принялъ бѣгланку и всѣмъ рассказывалъ, что теперь только начнетъ жить и отдохнетъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ нѣкоторыхъ домашнихъ порядкахъ президентша немного помѣшала своему супругу, такъ какъ на другой день ея пріѣзда кого-то секретно отравили изъ барскаго дома въ деревню.

Въ скоромъ времени наступилъ роковой срокъ выборовъ, и супруги съ большими запасами поѣхали въ столицу, открыли свой домъ и всѣми силами старались расположить къ себѣ сердца согражданъ. Президентъ низко кланялся мелкой шляхтѣ, съ героическою отважностью обнималъ людей, отъ которыхъ пахло чеснокомъ и лукомъ, поилъ, кормилъ, возилъ и принималъ ихъ такъ, что, наконецъ, не сомнѣвался въ плодахъ своихъ

стараній и единодушною выборѣ. Между тѣмъ, неожиданно явился опасный соперникъ. Цѣлые три года просидѣвъ дома, послѣдній, за нѣсколько дней передъ баллотировкою, такъ началъ понтъ мелкую шляхту, столько наговорилъ обѣщаній, такъ громко кричалъ противъ пановъ и аристократіи и такъ часто называлъ себя братомъ-шляхтичемъ, что всѣхъ привлекъ на свою сторону.

Слѣдствіемъ такого обхожденія было то, что самые искренніе друзья президента забыли свое обѣщаніе и выбаллотировали своего безцѣннаго N.N., хотя только три дня назадъ стали любить его. Вечеромъ его уже носили на рукахъ и заливали триумфъ шампанскимъ.

Жестокъ обманутый въ надеждахъ, президентъ впалъ въ сильнѣйшую мизантропію, ругалъ шляхту и увѣрялъ, что, если бы его стали просить на колѣняхъ, онъ не принялъ бы никакой должности. Съ тѣмъ онъ и уѣхалъ въ деревню. Впрочемъ, говорятъ, что онъ опять явился на слѣдующіе выборы, но какой былъ успѣхъ — неизвѣстно.

Въ жизни Аѳанасія служившей только преддверіемъ вѣчности, не могли произойти важныя перемѣны. Укрѣпляя и возвышая душу молитвою, отшельникъ въ безмолвномъ терпѣніи провелъ жизнь свою, спокойно встрѣтилъ смерть и переселился въ вѣчность, какъ на великій и вожделѣнный пиръ.

Послѣднимъ взглядомъ онъ благословилъ друзей своихъ: бѣднаго Юстина, старушку Гончаревскую и благороднаго ксендза Мирейко. Когда не стало этой оживляющей всѣхъ души, когда, на другой день послѣ погребенія Аѳанасія, домочадцы его увидѣли, какъ много потеряли они въ одномъ человѣкѣ, то ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ уже оставаться въ Шурѣ. Ксендзъ поѣхалъ въ монастырь. Юстинъ переселился въ свой пустой домикъ, чтобъ ходить на кладбище; пани Гончаревская попелелась за своимъ воспитанникомъ. Шура, со всѣми землями и угодьями, досталась Юліану.

Алексѣй, по смерти Эмилиа и Поли, по выходѣ замужъ Анны, постоянно жилъ въ Жербахъ; уединенно сидѣлъ онъ въ своей комнаткѣ и одичалъ до такой степени, что никто не могъ ни вытащить его изъ дома, ни развлечь, ни развеселить. Юноша смѣялся надъ нимъ, даже нерѣдко ругалъ его, но это не принесло никакой пользы.

Только одинъ разъ, и то на самое короткое время, Алексѣй вышелъ изъ своей апатіи. Это произошло по слѣдующему случаю.

Мы сказали выше, что изъ жербенскихъ помѣщицъ, вдова Целестина Буткевича, имѣла у себя воспитанницу Магдусю. Эта дѣвочка, несмотря на разныя догадки и сплетни, неизвѣстно какъ явилась на свѣтъ и какъ попала подъ опеку нани Буткевичъ. На вопросы о ней вдова отвѣчала только, что это бѣдная сирота.

Приходя въ возрастъ, избалованная съ самаго начала, Магдуся стала служить помѣхою своей опекуншѣ, не перестававшей думать о замужествѣ и ожидавшей предложенія отъ пана Пристіана Прусь-Пержховскаго. Дѣвушка бѣгала по деревнѣ безъ всякаго присмотра, рѣзвилась съ крестьянскими дѣтьми, и жалко было смотрѣть, какъ не радѣли о ея воспитаніи. Магдуся часто заходила и въ домъ Дробицкихъ, а мать Алексѣя, по добротѣ своей, сжалась надъ бѣдною сиротою. Она позволяла дѣвушкѣ сидѣть у себя, понемногу учила ее, и, наконецъ, такъ привыкла къ Магдусѣ, что дѣвушка болѣе жила въ старомъ домѣ, нежели у своей опекуниши. Догадливая Магдуся въ скоромъ времени замѣтила слабость къ себѣ строгой сосѣдки и рѣшительно не боялась Дробицкой. А такъ какъ нани Буткевичъ весьма нуждалась избавиться отъ зоровъ своей воспитанницы, то она даже радовалась привязанности дѣвушки къ Дробицкимъ, потому что, съ одной стороны, могла быть спокойною насчетъ воспитанницы, а съ другой — не имѣла надобности брать ее съ собою въ гости и на прогулки или сидѣть съ нею.

Между тѣмъ Магдуся становилась хорошенькою дѣвочкою. Дробицкая не позволяла Магдусѣ сидѣть безъ дѣла, употребляла ее на домашнія услуги, не прощала ей ни одной шалости и по своему образовывала забытую всѣми дѣвочку. Это продолжалось довольно долго: старушка и Магдуся привязались и привыкли другъ къ другу. Между тѣмъ нани Буткевичъ потеряла послѣднюю надежду выдти замужъ — и это обстоятельство до такой степени огорчило ее, что, питая злобу на всѣхъ сосѣдей, она вдругъ стала сердиться и на то, что Магдуся совершенно отстала отъ нея.

Пока нужно была заботиться и ходить за сиротою, никто не помогалъ мнѣ,—говорила она, — когда она выросла и стала способною помогать въ домашнемъ хозяйствѣ, то всё начали приваживать ее къ себѣ. О, эта пани Дробицкая не дура! Достала себѣ даровую прислугу. Но ужъ я поставлю на своемъ и не позволю взять отъ меня Магдусю.

Раздраженная опекуница строго запретила своей воспитанницѣ ходить къ Дробицкимъ и велѣла прекратить знакомство съ ними. Но такъ какъ пани Буткевичъ не старалась расположить къ себѣ Магдусю ласками, а обходилась съ нею жестоко, то сирота продолжала каждый день секретно ходить къ Дробицкимъ.

Магдуся была въ то время четырнадцати лѣтъ и такая хорошенькая, умная, понятливая, что мать Алексѣя искренно жалѣла ее. При встрѣчѣ на улицѣ Дробицкая и пани Буткевичъ не скупилась на упреки и ругательства изъ-за Магдуси.

Можетъ быть, эти отношенія сосѣдокъ со временемъ и прекратились бы, если бы Янъ, братъ Алексѣя, каждый день выдававшій хорошенькую Магдусю, не влюбился въ нее со всею страстью, а она, въ свою очередь, не привязалась также къ молодому человѣку. Старушка мать сначала не замѣчала сочувствія молодыхъ людей, а когда поняла ихъ, то была даже рада, что Магдусѣ запретили ходить къ ней.

Впрочемъ, это обстоятельство нисколько не препятствовало молодой парѣ встрѣчаться и видѣться каждый день. Возвращаясь съ поля и проѣзжая мимо домика пани Буткевичъ, Янъ останавливался подъ окномъ и цѣлый часъ разговаривалъ съ любимую дѣвушкою. Въ свою очередь Магдуся каждый день гуляла въ своемъ саду, а Янъ всегда караулилъ ее за заборомъ. Такимъ образомъ дѣтская привязанность ихъ постепенно обратилась въ сильную страсть, и такъ какъ пани Буткевичъ въ подобныхъ отношеніяхъ была чрезвычайно догадлива, то въ скоромъ времени подкараулила ихъ. Впрочемъ она не дала имъ понять этого—и, неизвѣстно по какимъ видамъ, вовсе не мѣшала влюбленнымъ, какъ будто ничего не знала.

— Дробицкая долго не замѣчала въ сынѣ привязанности къ

Магдусѣ. Правда она видѣла какую-то переѣну въ поведѣнія Яна: безпокоилась, слѣдила за нимъ, но не могла понять, что это значитъ. Наконецъ, одинъ разъ, она застала молодыхъ людей въ саду, среди самаго чувствительнаго разговора, выслушала ихъ клятвы и разразилась сильнѣйшимъ гнѣвомъ. Ей никогда не приходило на мысль, чтобы Янъ могъ обратить вниманіе на сироту безъ имени и—Богъ знаетъ какого происхожденія. А такъ какъ она всегда выражала свои чувства, то, безъ всякой церемоніи, обругала Магдусю, а сыну рѣшительно объявила, что никогда не позволить осуществиться его замысламъ.

— Смотрите, — кричала она въ раздраженіи, — смотрите — какая умница! Изволить дурачить моего сына! Сирота, пришедшая, подкидывш... конечно не больше! А глупый Янъ сейчасъ же далъ клятву, что женится на ней. Никогда не бывать этому, не позволю, пока жива, не позволю! Еще ни одинъ Дробицкій не искалъ себѣ жены подъ заборомъ.

Напрасно сынъ плакалъ и умолялъ мать, ничто не помогло. Она сказала, что не позволитъ, и больше ничего не хотѣла слышать. Это продолжалось годъ или больше: отношенія Яна съ Магдусей не переѣнились, только они видѣлись уже въ другомъ мѣстѣ; а пани Буткевичъ, какъ наперекоръ, смотрѣла сквозь пальцы. Не видя возможности побѣдить упорство матери, Янъ сохнулъ, скучалъ и уже поговаривалъ о поступленіи въ военную службу; наконецъ признался Алексѣю, что не можетъ жить безъ Магдуси и просилъ у него помощи и совѣтовъ. Алексѣй, не сказавъ ничего положительнаго, велѣлъ брату повременить немного.

На другой день, когда во время сумерокъ мать молилась въ своей комнатѣ, къ ней вошелъ Алексѣй и, поцѣловавъ ея руку, сѣлъ на стулъ.

— Что тебѣ надобно, милый мой? — съ чувствомъ спросила Дробицкая. — Можетъ быть, у тебя недостаетъ чего нибудь? Говори, сердце мое.

— Собственно я ни въ чемъ не нуждаюсь, милая маменька: для моей убитой жизни ужъ ничего не нужно.

— Въ томъ-то и бѣда, что ты самъ убилъ свою будущность. О, сколько слезъ стоитъ это мнѣ!

— А знаете, милая маменька, что отравило мою будущность, что отняло у меня вѣру и всѣ надежды? Предразсудокъ, раздѣляющій людей и не позволяющій имъ думать, что одни могутъ сблизиться съ другими.

Въ первый разъ Алексѣй говорилъ съ такою откровенностью. Слезы потекли по морщинамъ матери и, она молча слушала сына.

— Я безразсудно сблизился съ извѣстными вамъ людьми, — продолжалъ Алексѣй, — тогда какъ эти люди всегда были для меня чужіе, хотя искали моей дружбы. Я полюбилъ дѣвушку гораздо выше себя, и не имѣя возможности, не смѣя высказать ей чувствъ своихъ и даже взглядомъ попросить у нея хотя каплю сочувствія, впалъ въ неизлѣчимое отчаяніе, сдѣлавшееся для меня безвыходнымъ.

— Безвыходнымъ! что ты говоришь?

— Да, маменька! Почему знать? Если бы всѣ мы имѣли одни и тѣ-же понятія о свѣтѣ, то Анна, можетъ быть, иначе смотрѣла бы на меня, можетъ быть, я расположилъ бы къ себѣ ея сердце.

— И будь увѣренъ, — перебила Дробицкая, — ты не былъ бы счастливъ, милый мой; жена всегда унижала-бы тебя.

— Она — ангель.

— Ты богохульствуешь, Алексѣй.

— Но я не о себѣ пришелъ просить васъ, милая маменька! Хотите ли, чтобы и другой вашъ сынъ былъ несчастенъ вслѣдствіе того-же самого предразсудка?

— Ого! ты, кажется, хочешь заступиться за Яна?

— Да, за него. Можетъ быть, вы не одинъ разъ проклинали въ душѣ гордость нановъ и ихъ понятія о какомъ-то превосходствѣ своемъ. Но не то-же ли самое дѣлаемъ теперь и мы, отталкивая бѣдную Магдусю, тогда какъ братъ былъ-бы счастливъ съ нею? Слѣдовательно, и въ насъ есть чувство, которое мы порицаемъ въ другихъ. Мы считаемъ дѣвушку недостойною насъ потому только, что она сирота безъ имени; мы обрекаемъ бѣдныхъ на вѣчное страданье. Вѣдь вы любили Магдусю, безцѣнная маменька, и не одинъ разъ говорили, что она добрая и благородная дѣвушка. Почему-же вы не хотите называть ее дочерью? Ужели потому только, что не знаете, кто были ея родители?

Дробицкая внимательно слушала сына, два раза пожала плечами, сѣла на мѣсто и сказала:

— Толкуйте себѣ, какъ угодно, а люди будутъ смѣяться надъ нами. Знаешь, что говорятъ о ней?

— Люди надъ всѣмъ смѣются!—возразилъ Алексѣй.—Но, милая маменька, благоразумно-ли руководствоваться людскими сплетнями и бояться глупой насмѣшки?

— Эта любовь со временемъ выйдетъ изъ головы Яна.

— О, нѣтъ! Я давно смотрю на нихъ и ясно вижу, что братъ искренно любитъ ее, а Магдуся плачетъ дни и ночи. Милая маменька! не будемъ жестоки, оставимъ ложный стыдъ.

— Ужъ я стара,—съ чувствомъ отвѣчала Дробицкая,—и передѣлать меня невозможно. Миѣ будетъ горько, если Янъ женится на сиротѣ безъ имени, безъ родителей и безъ состоянія, но да будетъ воля Божія! Если ты, милый Алексѣй, говоришь въ ихъ пользу, то дѣлайте, что угодно; только не заставляйте меня радоваться этому.

Алексѣй поцѣловалъ руку матери. Старушка крѣпко прижала его къ сердцу и прибавила:

— Да будетъ воля Божія, если Магдуся такъ необходима для его счастья.

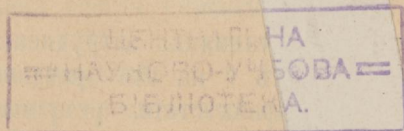
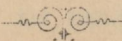
Потомъ представились затрудненія насчетъ того, гдѣ помѣстить молодыхъ и на что праздновать свадьбу. Но Алексѣй устранилъ всѣ препятствія, уступилъ имъ свою половину, а самъ переселился на фольварокъ. Янъ чуть не сошелъ съ ума отъ радости и бросился матери въ ноги. Старушка только покачала головою, погрозила сыну и уже не вмѣшивалась въ дальнѣйшія распоряженія. Въ тотъ же вечеръ Янъ отправилъ брата къ пани Буткевичъ. Вдова прямо поняла намѣренія сосѣда, но представилась удивленною и, какъ водится у людей ея класса, высказывала разные препятствія. Впрочемъ, чрезъ два дня дѣло кончили и молодыхъ обручили. Расчувствовавшись пани Буткевичъ добровольно подписала Магдусѣ свой участокъ, предоставивъ себѣ только пожизненное владѣніе имъ.

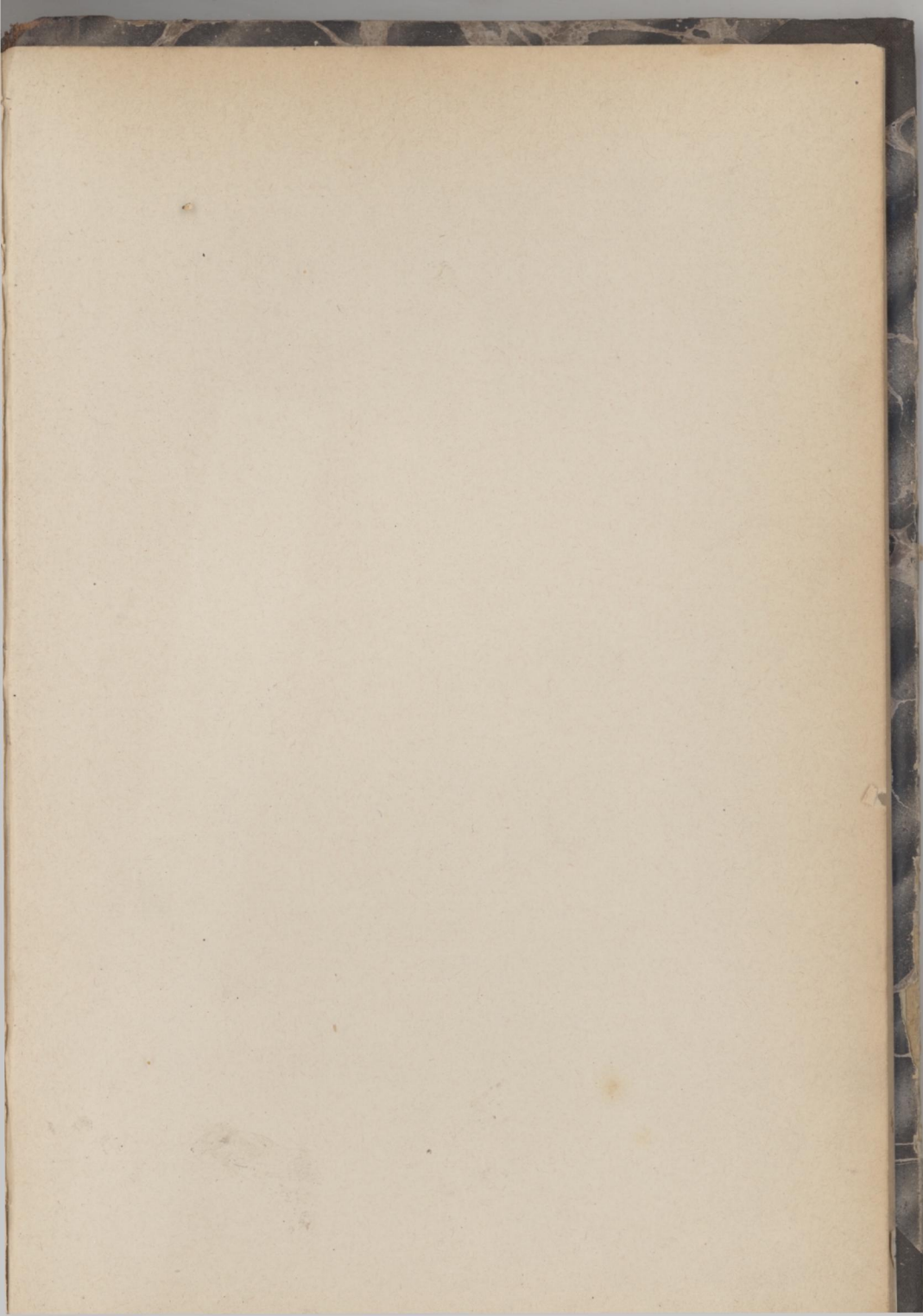
Это былъ послѣдній случай, въ которомъ Алексѣй принялъ дѣятельное участіе. Остальная жизнь его протекла въ уединеніи, молчаніи и размышленіяхъ.

Онъ не могъ и не хотѣлъ приняться за какое нибудь

дѣло. А когда одиночество слишкомъ тяготило его, то онъ отправлялся къ Юстину, либо къ старику Юношѣ, проживаль у нихъ по нѣскольку дней, разговаривая съ ними болѣе глазами, нежели языкомъ, и опять возвращался въ Жербы — къ своимъ деревьямъ и книгамъ.

К О Н Е Ц Ъ.

==КАУКОВО-УЧЕБЗА==
БИБЛИОТЕКА.

